

Научно-методический журнал
Основан в августе 1914 года
Выходит 12 раз в год

Учредитель –
ООО «Редакция журнала «Уроки литературы»»

Главный редактор
Надежда Леонидовна КРУПИНА
Редакторы
Николай Николаевич ЗУЕВ,
Татьяна Алексеевна КАЛГАНОВА
Отв. секретарь
Ирина Степановна ГОЛОВИНА
Дизайн и вёрстка
А.Г.БРОВКО
Компьютерный набор
Н.А.КРУПИНОЙ
Корректора
Е.А.ВОЕВОДИНОЙ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.М.Гуминский – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИМЛИ им. М.Горького;
Е.О.Галицких – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Вятского государственного университета, заслуженный учитель РФ;
Ю.А.Дворянин – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИМЛИ им. М.Горького, заслуженный деятель науки РФ, член Союза писателей России, лауреат Международной премии им. М.А.Шолохова;
Н.А.Дворянина – доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета, почётный работник высшего профессионального образования РФ;
В.П.Журавлёв – кандидат филологических наук, доцент, зам. руководителя центра гуманитарного образования издательства «Просвещение»;
С.А.Зинин – доктор педагогических наук, профессор кафедры методики преподавания литературы МПГУ, член Федеральной предметной комиссии по литературе;
И.П.Золотусский – литературный критик, писатель, исследователь жизни и творчества Н.В.Гоголя, член Русского ПЕН-центра, лауреат премии А.И.Солженицына, Государственной премии правительства РФ;
А.Г.Кутузов – доктор педагогических наук, профессор, академик РАЕН;
Ю.В.Манин – доктор филологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета;
В.С.Непомнящий – доктор филологических наук, зав. сектором и председатель Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН, лауреат Государственной премии в области литературы и искусства РФ;
Н.Н.Скатов – доктор филологических наук, член-корр. РАН;
Л.А.Трубина – доктор филологических наук, профессор, проректор, зав. кафедрой русской литературы, председатель диссертационного совета МПГУ;
В.Ф.Чертов – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой методики преподавания литературы МПГУ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Покровский бульвар, дом 4/17, строение 5,
Москва, почта, 101000.

Телефон: 8 (495) 624-77-78.

E-mail: litervsh@mail.ru

www.litervsh.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-22549 от 30 ноября 2005 г.

Отпечатано в типографии АО Полиграфический комплекс «Пушкинская площадь».
Юр. адрес: 109548, Москва, ул. Шоссейная, дом 4Д.
Тираж 4 000 экз.

© Журнал «Литература в школе». 2018.

СОДЕРЖАНИЕ

НАШИ ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ

И.П.ЗОЛОТУССКИЙ –

«Несть лести в языке моем».

Н.М.Карамзин – историк, писатель, личность 2

А.Г.РУМЯНЦЕВ –

«...Вся суть русской жизни».

«Записки охотника» И.С.Тургенева 8

Н.А.МАКАРИЧЕВА –

«Тут, брат, этакое перинное начало лежит...»: от Агафьи Пшеницыной

И.А.Гончарова к Прасковье Зарницыной Ф.М.Достоевского 12

Чжан ЮЙВЭЙ –

Формирование бессознательного бытия в ранних

рассказах Б.К.Зайцева 16

А.Г.ЛИЛЕЕВА –

К истории названия романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго»:

лингвострановедческий аспект 18

ПОИСК. ОПЫТ. МАСТЕРСТВО

Учим писать сочинение

Г.В.ПРАНЦОВА, Е.С.РОМАНИЧЕВА –

Методические подходы к обучению итоговому сочинению:

от теории к практике 21

Уроки

И.А.ГРИГОРЧЕНКО, А.И.ПОЛКАНОВА –

Ожившие страницы «Писем русского путешественника» Н.М.Карамзина.

Интерактивная экскурсия 24

Е.И.БЕЛОУСОВА –

Историко-культурный аспект изучения русской классики на примере

баллады А.С.Пушкина «Песнь о вещем Олеге» 28

Т.А.КАЛГАНОВА –

Изучаем повесть Н.В.Гоголя «Невский проспект» вместе

с Ю.В.Манном 31

Современная литература в школе XXI века

О.О.ПУТИЛО, Е.Ю.СТАРИКОВА, Е.П.МЕЩЕРЯКОВА –

Роман З.Прилепина «Обитель» как продолжение «лагерной прозы» ... 34

Учителя учителей

В.П.ЖУРАВЛЁВ –

Автор первого стабильного учебника по литературе.

К 115-летию со дня рождения Г.Л.Абрамовича 40

События

О.В.НИКИТИН –

IV Всероссийские Беловские чтения в Вологде 42

ДОРОГИЕ НАШИ ПОДПИСЧИКИ!

Не забудьте оформить подписку
на второе полугодие 2018 года.

Напоминаем индексы журнала
«Литература в школе»

(с приложением «Уроки литературы»):

Роспечать: 73227 (инд.), 73235 (орг.);

Почта России: 24286 (инд.), 24287(орг.).

ЗОЛОТУССКИЙ Игорь Петрович —

литературный критик, писатель, исследователь жизни и творчества Н.В.Гоголя, лауреат премии им. А.И.Солженицына, Государственной премии РФ в области литературы и искусства
literash@mail.ru

«НЕСТЬ ЛЕСТИ В ЯЗЫЦЕ МОЁМ» Н.М.КАРАМЗИН — ИСТОРИК, ПИСАТЕЛЬ, ЛИЧНОСТЬ

Аннотация. Цель автора — показать пример честного отношения к истории, отношения, лишённого лжи, поругания или желания подчинить её очередному политическому веянию. Карамзин, его жизнь и сочинения дают такой пример

Ключевые слова: история, любовь и уважение к прошлому, обращение к настоящему, современное звучание трудов Карамзина сегодня, Пушкин — приемник Карамзина.

Abstract. The author shows an example of an honest attitude to history which has no lies, mockery or the desire to subordinate it to another political trend. Karamzin, his life and works give us such an example.

Keywords: history, love and respect for the past, appeal to the present, modern sounding of Karamzin's works, Pushkin is the successor of Karamzin.

Пример честного отношения к истории — это и «История государства Российского», и «Записка о древней и новой России», которую он подал императору Александру I в 1811 году. Акцент делается на «Записке...», которая впервые была опубликована в России в 1900 году, и после переворота 1917 года не печатались, вплоть до 1988-го.

Быть счастливым, говорил Карамзин, значит быть добрым.

История не может быть воссоздана без любви к прошлому, внимания и уважения к нему. Любовь при этом не есть идеализация, а чувство, обязывающее с состраданием отнестись к жизни предков.

Правда без милости есть ложь. Истина познаётся сердцем, говорил Карамзин.

Наравне с освещением прошлого он в равной мере должен быть обращён к настоящему. Карамзин и его «Записка...» способны поддержать нас на новом изломе русской истории. Личное отношение автора позволит перенести уроки Карамзина в XX и XXI век.

Задача, которую ставит перед историей Карамзин, — как соединить новое со старым, не нарушая старого, не вредя ему, не пересматривая его. Темы Карамзина смотрятся сегодня как безусловная «злоба дня».

«ЗАПИСКА...» И ЕЁ ПРЕДПОСЫЛКИ

Волга. Тверь. 1811 год.

По стержню Волги, пересекающему всю Россию и её историю, проходит путь Карамзина.

Здесь, на её берегах, Карамзин родился, здесь, в Твери, в марте 1811 года состоялось его историческое свидание с Александром I, а в Нижнем Новгороде, в дни нашествия Наполеона, он будет работать над продолжением «Истории государства Российского».

В городе, стоящем на притоке Волги, — реке Москве, начнётся его биография литератора и историографа.

Путевой дворец в Твери стоит на дороге из Санкт-Петербурга в Москву — из столицы новой в столицу древнюю. Этот маршрут как бы перевернутый сюжет «Истории государст-

Неизвестный художник. Портрет Н.М.Карамзина. Начало 1780-х годов

ва Российского», которую уже пишет Карамзин: не от нового к древнему, а от древнего — к новому.

В залах Путёвого дворца, в покоях сестры Александра I Екатерины Павловны, жены герцога Ольденбургского, генерал-губернатора

Тверской и Ярославской губерний, состоялось свидание историка и императора.

Инициатором встречи была Екатерина Павловна, критически относившаяся к либеральным утопиям своего брата.

Александр I начал именно с этих утопий: от дарования конституции Польше и самостоятельности Финляндии он хотел перейти к введению конституции в России. И для этого в 1807 году призвал для разработки своих реформ Михаила Сперанского.

Сначала Карамзин прочитал главу из «Истории...». Затем передал царю «Записку о древней и новой России...». «Записка ваша очень сильна!» — успела сказать Карамзину Екатерина Павловна.

Наутро, отъезжая, Александр вежливо-холодно (как он умел) простился с Карамзиным. Казалось, связь между историком и царём оборвалась, но позже Карамзин станет его ближайшим советником.

Указ о назначении его историографом был издан ещё в 1803 году. За Карамзина ходатайствовал товарищ министра народного просвещения, попечитель Московского университета Михаил Никитич Муравьёв, отец будущих декабристов Александра и Никиты.

Михаил Муравьёв вместе со швейцарцем Лагарпом состоял при воспитании Александра I. Но его сыновья пошли другим путём. И именно от одного из них, Никиты Муравьёва, в 1818 году (при выходе восьмого тома «Истории государства Российского») Карамзин выслушает наиболее жёсткий укор за апологию самодержавия и отказ молодому поколению в праве на «несогласие». «Горе стране, где все согласны!» — писал он.

В 1809 году был завершён «План государственных преобразований», составленный Михаилом Сперанским. Он устанавливал принцип разделения властей, создание двухпалатной Государственной думы, Государственного совета, предоставление избирательных прав всем гражданам России, владеющим землёй или капиталом.

Предлагаемые новообразования явно носили черты Наполеоново Кодекса. «Записка...» Карамзина открыто давала это понять.

Совершив в 1789—1790 годах путешествие по Европе, Карамзин уже многое знал о внутреннем устройстве западной цивилизации. Осудив кровавые злодеяния революции во Франции, он сначала поддерживал Наполеона, усмирившего мятежи, наведшего в стране порядок, а затем, когда Наполеон объявил себя императором, в письме к брату написал: «Наполеон Бонапарте променял титул великого человека на титул императора: власть показалась ему лучше славы».

Завоевательный характер политики Наполеона и французская претензия играть главную политическую роль на континенте стали подтверждением этого вывода.

Через год после встречи в Твери войска Наполеона перешли через Неман.

Война 1812 года стала испытанием российской государственности, единства власти и народа перед лицом грозящей стране опасности.

После посещения Национального собрания Франции, где Карамзин слушал выступления Мирабо и Робеспьера, в его бумагах появилась записка: «Аристократы, Сервелисты хотят старого порядка: ибо он для них выгоден. Демократы, Либералисты *хотят нового беспорядка*: ибо надеются им воспользоваться для своих личных выгод».

Этот скептицизм в отношении Запада скажется на характере «Записки о древней и новой России».

Карета царя отъезжает от Путевого дворца в Санкт-Петербург. Вскоре по дороге в Москву (то есть в обратную сторону) отправляется экипаж Карамзина. Наблюдая за ними, «перенесёмся» в лето, на берега Волги — в Симбирск.

Симбирск. Волга — вертикаль, на которой выстраивалась российская государственность. Именно у устья её возвышалась когда-то столица Золотой Орды, которая потом превратилась в песок.

Волга — ствол России, ствол её языка, её национального характера. Карамзин не зря назвал свой труд не «История России», а «История государства Российской». В этом названии заложена идея строительства, объединения русских земель и внутренней крепости народа. Эта идея положительная, противоположная отрицательной идее разрушения, насаждения хаоса и свободы без Бога.

Её отталкивающий лик он увидел в кровавые дни пугачёвщины.

Тогда отряды самозванцев напали на имение Карамзина. Крепостные мужики спасали семью от расправы. Во время второго нашествия яицких казаков семью укрывал от беды местный батюшка.

Карамзин: «Для существа нравственного нет блага без свободы; но эту свободу даёт не государь, не парламент, а каждый из нас самому себе, с помощью Божией. Свободу мы должны завоевать в своём сердце миром совести и доверенностью Провидения!» (См. «Мысли об истинной свободе», 1825.)

Россия. Волга. Симбирск.

«С каким удовольствием маленький наш герой, — писал Карамзин, — в шесть или семь часов летнего утра, поцеловав руку у своего отца, спешил с книгою на высокий берег Волги, в ореховые кусточки, под сень древнего дуба!..»

Иногда, оставляя книгу, смотрел он на синее пространство Волги, на белые паруса судов и лодок... Сия картина так сильно впечатлелась в его юной душе, что он через двадцать лет после того... не мог без... радостного движений видеть большой реки... Волга, родина и беспечная юность тотчас представлялись его воображению, трогали душу, извлекали слёзы... Родина, апрель жизни, первые цветы весны душевной!»

Младенцем потеряв мать, он остался на руках доброго отца.

«В ребёнке будет путь», — сказал о нём его первый учитель, сельский дьячок. На этом пути уже в детстве его ждали потрясения.

Первое — пугачёвщина. О втором Карамзин расскажет в неоконченной повести «Рыцарь нашего времени».

«В один жаркий день он... читал книгу под сенью древнего дуба... Вдруг нашла туча, и солнце закрылось чёрными парами. Он завернул книгу в платок, встал и посмотрел на бурное небо. Гроза усиливалась... Вдруг из густого лесу выбежал медведь и прямо бросился на него. Двадцать шагов отделило мальчика от неизбежной смерти. Грянул страшный гром. Он закрыл глаза, упал на колени и только мог сказать: «Господи!», через полминуты взглянул и увидел перед собой убитого громом медведя... *Чудесным образом Бог спас его*. Он устремил глаза на небо, несмотря на чёрные густые тучи, он видел, чувствовал там Бога-Спасителя. Слёзы его лились градом, он молился во глубине души своей с пламенной ревностью, необыкновенною во младенце; и молитва его была... благодарность...»

Он уже не будет никогда атеистом.

И не случайно в предисловии к «Истории государства Российского», где будут сказаны слова: «История народа принадлежит царю», Карамзин сделает существенное уточнение: «Будущее известно одному Богу».

Не будь Волги, русской жизни, жизни среди крестьян, не было бы Карамзина, патриота России, государственника, человека, пророчески заглянувшего в глубину будущего.

Карамзин писал: «Не говорю, чтобы любовь к отечеству должествовала ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всём лучше; но русский должен, по крайней мере, знать цену свою. Согласимся, что некоторые народы вообще нас просвещеннее: ибо обстоятельства были для них счастливее; но почувствуем же и все благодеяния судьбы в расуждении народа российского; станем смело наряду с другими, скажем ясно имя своё и повторим его с благородною гордостью».

МОСКВА

«Карамзин запряг себя в историки», — скажут о нём.

Но до этого, перебравшись в столицу древнюю из Симбирска и имея за плечами год путешествия по Европе, Карамзин издаёт «Московский журнал» (1791—1792), где печатает «Письма русского путешественника» и повесть «Бедная Лиза», и журнал «Вестник Европы» (1802—1803). В последнем появится «Моя исповедь» и «Рыцарь нашего времени».

На их страницах Карамзин вырабатывает новый литературный язык. «Надо писать, как говорим, и говорить, как пишем», — таково его кредо. Школа языка, пройденная им как сочинителем, издателем и редактором, а также его политическая позиция, сформировавшаяся в «Вестнике Европы», скажутся как на содержании, так и на стиле «Истории государства Российского» и «Записки о древней и новой России». Этот стиль энергичен, прост и точен в определениях и подробностях.

«Не знала я, что в 1967 году я приступлю к изучению этого творения Карамзина. К нему

меня приведёт Гоголь, книгу о котором я начну писать. Тогда «Историю государства Российского» не издавали, и искать её мне пришлось в Старосадском переулке — в Государственной публичной исторической библиотеке РСФСР. В ту пору некоторым авторам в абонементе выдавали на руки тома «Истории...» Карамзина, а в залах они стояли в открытом доступе.

Тогда мне казалось, что я, окончивший университет, вновь поступил на первый курс, чтоб понять, осознать и удивиться тому, в какой великой стране я живу. Карамзин помог мне в моём ещё тогда бедном сознании, напичканном цитатами из классиков марксизма-ленинизма».

Здесь писалась «История...». Здесь, для написания её, были привлечены ценнейшие документы, некоторые из которых были открыты Карамзиным: Лаврентьевская летопись (сгоревшая в 1812 году), Троицкая летопись, синодальная рукопись Кормчей книги, древний список Русской Правды, Судебник Иоанна Грозного, Ипатьевская летопись.

В 1818 году первые восемь томов вышли в свет. Три тысячи экземпляров каждого тома были раскуплены в мгновение. Мы уже знаем, как к ним отнеслись некоторые из будущих декабристов.

Пушкин написал эпиграмму:

*В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам без всякого пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута.*

Настанет время, когда Пушкин резко изменит своё отношение к «Истории государства Российского» и станет восхищаться этим творением. Он будет опираться на следующее высказывание Карамзина в главе четвёртой седьмого тома «Истории...»: «Самодержавие не есть отсутствие законов: ибо где *обязанность*, там и *закон*; никто же и никогда не сомневался в обязанности монархов блистия счастье народное».

В 1821 году выходит девятый том «Истории...», где Карамзин осуждает тирана на троне — Ивана Грозного. Кардинально меняется отношение будущих декабристов к Карамзину. Рылеев пишет: «Ну, Грозный! Ну, Карамзин! Не знаю, чему больше удивляться, тиранству Иоанна или дарованию нашего Тацита». Уже в крепости Михаил Бестужев читает девятый том и отзывается: «Перечитывал — и читал снова каждую страницу».

Пушкин в «Борисе Годунове» целиком использует концепцию Карамзина.

Сам Карамзин не раз будет заступаться за Пушкина, и благодаря его заступничеству царь заменит намечающуюся ссылку командировкой в Кишинёв.

Москва. Симонов монастырь. Здесь происходит действие повести «Бедная Лиза».

Цитата из «Бедной Лизы»: «Но всего приятнее для меня то место, на котором возвышаются мрачные готические башни Симонова монастыря. Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву (Вид Моск-

Тверь. Вид от реки Волги

вы с Симонова монастыря. — И.З.). Великолепная картина, особенно когда светит на неё солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных золотых куполах его, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся. Внизу расстилаются тучные, густо-зелёные цветущие луга, а за ними, по жёлтым пескам, течёт светлая река, волнуемая лёгкими вёслами рыбацких лодок или шумящая под рулём грузных стругов, которые плывут от плодоснейших стран Российской империи... На другой стороне видна дубовая роща, подле которой пасутся многочисленные стада».

Бедность и богатство сходятся в этой повести, и богатство побеждает в душе возлюбленного Лизы Эраста. Она кончает с собой.

«Её погребли близ пруда, под мрачным дубом, и поставили деревянный крест на её могиле. Тут часто сижу в задумчивости... в глазах моих струится пруд; надо мной шумят листья...»

Эраст был до конца жизни несчастлив. Узнав о судьбе Лизиной, он не мог утешиться и почитал себя убийцей. Я познакомился с ним за год до его смерти. Он сам рассказал мне сию историю и привёл меня к Лизиной могиле. — Теперь, может быть, они уже примирились!»

«И крестьянки любить умеют», — скажет о героине своей повести Карамзин. Именно «Бедная Лиза» поднимет шлагбаум и благословит в дорогу великую русскую литературу. На ней появятся и «Станционный смотритель», и «Шинель», и Гончаров, и Толстой.

Толстой: «О русский, если он не безумный, должен задуматься и спросить себя; продолжать ли писать, поскорее свои драгоценные мысли стенографировать, или вспомнить, что и *Бедная Лиза* читалась с увлечением... и поискать других приёмов и языка...»

Вы заметьте одно: мы под выстрелами, но все ли... Значит, выстрелы-то попадают только в одну башню нашей литературы. А надо слезть и пойти туда, ниже, там будет свободно. И опять случайно *это* туда ниже суть народное — «Бедная Лиза» выжимала слёзы».

Мысленно постоим у стен Симонова монастыря.

«Именно здесь погибла бедная Лиза. И именно у этих стен были погребены Ослябля и Пересвет, спасшие Русскую землю от нашествия иноземца.

Какая многозначная метафора! Никому не известная дочь поселенина и герои Кули-

ковской битвы. Они стоят в истории рядом и образуют *один народ*.

И именно этот народ встретил Наполеона на поле Бородина».

Наступающие французские войска. Наполеон на Поклонной горе. Никто не вручает ему ключи от столицы.

В памяти остающегося в осаждённой столице Карамзина проносятся воспоминания о посещении Европы. Швейцария.

Женева, Ферней, затем места, связанные с Жан-Жаком Руссо и действием его нового романа «Новая Элоиза», который путешествует вместе с Карамзиным.

Руссо — кумир Карамзина, или, как называл его Гейне, Гамлет Франции. Религия сердца — вот что близко Карамзину в Руссо. «Чувствительный, добродушный Жан-Жак объявил бы себя первым врагом революции».

Для Руссо объединяющая сила — любовь и согласие с природой. «Счастливые швейцарцы! В объятиях природы, под благодетельным законом братского союза».

Впрочем, уже через несколько дней, всё ещё находясь в Швейцарии, Карамзин пишет: «В здешней республике начинается неогласие».

Ферней — оплот скептицизма, а точнее сказать, нигилизма. По мнению Вольтера, сомнение, отрицание, ирония по отношению к Богу, прошлому, героическому началу в народе (в «Орлеанской девственнице» он изображает Жанну Д'Арк как публичную девку) — условия для обретения свободы.

Карамзин: «Никакая философия не могла устоять против Вольтеровой иронии. Публика всегда была на его стороне, потому что он доставлял ей удовольствие смеяться! — Вообще, в сочинениях Вольтеровых мы не найдём великих идей... я не могу одобрить Вольтера, когда он суеверия не отличал от истинной христианской религии, которая, по словам одного из его соотечественников, находится к первому в таком же отношении, в каком находится правосудие к ябеду».

Нигилизм — прародитель псевдосвободы и отец разрушения.

Карамзин во Франции. Он въезжает в неё в то время, когда Бастилия уже взята восставшим народом.

В Париже заседает Национальное Собрание, а на улицах льётся кровь.

Карамзин: «Народ во Франции сделался страшнейшим деспотом... те, кто наиболее шумели и возбуждали других к мятежу, были нищие и праздноты, не хотящие работать с эпохи так называемой французской свободы».

Карамзин в Национальном собрании. Речи депутатов. Борьба за власть. «Скажу вам нечто о парижском народном Собрании... Вокруг меня было множество людей, по большей части неопрятно одетых — с растрёпанными волосами, в сюртуках. Шумели, смеялись около часа».

Неожиданное приключение в экипаже. Чувства двадцатидвухлетнего Карамзина к молодой незнакомке. Их близкий к любовному объяснению диалог.

Собор в столице Франции. Среди молящихся Карамзин видит короля Людовика Шестнадцатого и королеву Марию-Антуанетту. Хорошие чувства к ним.

Через два года их головы падут под ножом гильотины.

Воспоминания обрываются.

Наполеон входит в Москву. Карамзин уезжает в Нижний Новгород.

Здесь, у самой Волги, у стен Печерского монастыря, он похоронит своего старшего сына Андрея.

ПОДВИГ ИСТОРИКА

Мы вновь в Остафьеве. На пьедестале стопка томов карамзинской «Истории...». А на цоколе, над барельефом, изображающем портрет Карамзина, высечены цифры: «1811—1911». 1911 — и есть столетняя годовщина события, совершившегося в 1811 году в Твери.

Под профилем автора «Записки...» — короткая надпись: «КАРАМЗИНУ».

«Я не придворный! — писал Карамзин. — Историографу естественно умереть на гряде капустной, нежели на пороге дворца».

Поразительное дело: мы стоим возле памятника произведению, объём которого не превышает объём брошюры.

Меж тем, вряд ли в мировой литературе найдётся много примеров того, как поэты так разговаривали с царями.

Сама «Записка...» как явление русской мысли и факт личного бесстрашия его автора.

В пользу её значения говорят почести, оказанные ей в Остафьеве в дни столетия со дня её создания.

О существовании «Записки...» стало известно к 1836 году. Это был год, когда Пушкин начал издавать журнал «Современник». Первым желанием поэта было тут же напечатать «Записку» в «Современнике».

Но цензура наложила на публикацию запрет. Пушкин всё же надеялся хотя бы в отрывках познакомить читателя с «Запиской...». Он написал следующее примечание к ней: «Во втором № «Современника» (на 1836 год) уже упомянуто было о неизданном сочинении покойного Карамзина. Мы почитаем себя счастливыми, имея возможность представить нашим читателям хотя отрывок из драгоценной рукописи. Они услышат если не полную речь великого нашего соотечественника, то по крайней мере звуки его умолкнувшего голоса».

Напечатано это примечание было после смерти Пушкина в 1837 году в пятой книге журнала вместе с отрывками из «Записки...» Карамзина. В более полном виде эти отрывки были подготовлены к печати Пушкиным, но запрещены цензурой 28 октября 1836 года.

Страницы из отчёта о заседании Российской академии, где Пушкин произнёс своё слово о Карамзине, напечатаны в 1836 году во второй книге «Современника» — без подписи. В них говорилось: «Пребывание Карамзина в Твери ознаменовано ещё одним обстоятельством, важным для друзей его славной памяти, неизвестным ещё для современников. По вызову государыни великой княгини, женщины с умом необыкновенно возвышенным, Карамзин написал свои мысли о древней и новой России, со всей искренностью прекрасной души, со всею смелостью убеждения сильного и глубокого. Государь прочёл эти красноречивые страницы... прочёл и остался по-прежнему милостив и благосклонен к прямодушному своему подданному. Когда-нибудь потомство оценит и величие государя и благородство патриота».

Конечно, всё окружение Пушкина, участвовавшее в издании «Современника», читало «Записку...» Карамзина. Среди читавших был и сотрудничавший в «Современнике» молодой Гоголь. Позже в статье «Карамзин» в книге «Выбранные места из переписки с друзьями» он написал: «Карамзин первый показал, что писатель может быть у нас независим и почтён всеми равно, как именитый гражданин в государстве. Он первый возвестил торжественно, что писателя не мо-

Неизвестный художник. Вторжение наполеоновской армии в Россию через Неман 24 июня 1812 года. 1-я четверть XIX века

жет стеснить цензура, и если уже он исполнился чистейшим желанием блага в такой мере, что желанье это, занявши всю его душу, стало его плотью и пищей, тогда никакая цензура для него не строга, и ему везде просторно. Он это сказал и доказал. Никто, кроме Карамзина, не говорил так смело и благородно, не скрывая никаких своих мнений и мыслей, хотя они и не соответствовали во всем тогдашнему правительству, и слышишь невольно, что он один имел на то право. Какой урок нашему брату писателю!»

Вот некоторые цитаты из «Записки...»:

«Государству для его безопасности нужно не только физическое, но и нравственное достоинство».

«Презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим делам?»

«Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России».

«Чего хочу? — спрашивает Карамзин. — С добрым намерением испытать великодушие Александра и сказать, что мне кажется справедливым и что некогда скажет История».

«Поэт и царь» — тема вечная. К чести великих поэтов, они, разговаривая с царями, не ищут для себя никаких выгод. Их заботит лишь одна выгода — выгода России.

Как мы уже сказали, Карамзин, противу ожидания, становится ближайшим советником Александра. Он оказывается, может быть, в числе трёх-четырёх человек, которым царь доверяет тайну своего завещания.

Согласно этому документу, трон после его смерти должен перейти не к старшему брату Константину, который отошёл от российских дел и к тому же вступил вmorganатический брак с польской графиней Довел, а к младшему, Николаю.

Даже сам Николай не знал об этом.

Вернёмся к «Записке о древней и новой России». В ней Карамзин высказал всё, что думал о просчётах царствования Александра. Он «без лестии» обрисовал непродуманные нововведения его правительства.

«Всякая новость в государственном порядке, — писал автор «Записки...», — есть зло, к коему прибегать только в необходимости: ибо одно время даёт надлежащую твёрдость устава: ибо более уважаемо то, что давно уважаемо», «древним государственным зданиям прикасаться опасно», «требуем более мудрости хранительной, нежели творческой».

Отношения царя и его советника в конце концов делаются более чем доверительными. Домик в Царском Селе, где отдыхал Карамзин и где он продолжал писать «Историю...», находился рядом с дворцом.

Они часто встречались. Александр заходил к Карамзинным на чай.

А осенью 1825 года они оба долго шли пешком до заставы Царского Села, откуда Александр должен был отправиться в Петербург и тут же, не откладывая, в Таганрог. Туда, откуда он больше не вернётся.

Да, они шли долго и долго говорили. О чём? Может, на этот вопрос ответит та же «Записка...»?

Л.Бишбуа. Симонов монастырь. 1846

«Время ли теперь россиянам предлагать законы французские?.. Законы народа должны быть извлечены из собственных понятий, нравов, местных обстоятельств».

«Минувшего не возвратить... Дело сделано: надобно искать средств, пригоднейших к настоящему».

«Каковы же средства?» — спрашивал царь.

«Не формы, а люди важны», «надобно искать людей», — отвечал Карамзин.

«Теперь всего нужнее люди», «умейте обходиться с людьми».

И — далее.

«Фразы — для газет, только правила для государства».

«За деньги не делается ничего великого, изобилие располагает человека к праздной неге».

«Честь, честь должна быть главною наградою».

Следует «бояться всяких новых штатов, уменьшить число туенядцев на жалованье, отказывать невеждам, требующим денег, и, где можно, ограничить роскошь».

Разговор продолжается.

«Дайте России пятьдесят честных губернаторов, — советует историк царю, — и Россия высоко поднимется. Присоедините к ним честных капитан-исправников (то есть чинов местной полиции. — И.З.), честных священников, и вы достигните большего».

«Государь, — говорит уже в конце их встречи Карамзин, — Вы очень самолюбивы... Но я ничего не боюсь... Мы все равны перед Богом. Что я говорю Вам, я сказал бы Вашему отцу... Государь, я презираю нынешних либералистов: я признаю и люблю лишь такую свободу, которую у меня не может отнять никакой тиран... Я не прошу более Вашего благоволения и понимаю, что, может быть, говорю с Вами в последний раз».

Царь садится в карету и уезжает в Петербург.

Карамзин остаётся на дороге один. Слова Карамзина: «Потомство! Достоин ли я был имени гражданина российского? Любил ли Отечество? Верил ли добродетели? Верил ли Богу?.. Не хочу описывать всего разговора моего с государем... Но вообще я мало говорил и не хотел говорить. Душа моя остыла... Прибавлю, что я не изменил скромности... Не сказал никому ни слова о моём разговоре с Александром, кроме верной жены моей, с которой я жил в одну мысль, в одно чувство».

«Благоволение Александра ко мне не изменилось, и в течение шести лет (от 1819 до 1825 года) мы имели с ним несколько подобных бесед о разных важных предметах. Я всегда был чистосердечен, он всегда терпелив, кроток, любезен неизъяснимо; не требовал моих советов, однако же слушал их, хотя им, большей частью, и не следовал... Я не безмолствовал о налогах в мирное время, о нелепой системе финансов, о грозных военных поселениях, о странном выборе некоторых важнейших сановников, о Министерстве просвещения или затмения, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россию, — о мнимом исправлении дорог, столь тягостном для народа, — наконец о необходимости иметь твёрдые законы, гражданские и государственные. В последней моей беседе с ним 28 августа, от 8 до 8 с половиной вечера, я сказал ему: «Государь, дни Ваши счотены, Вам нельзя ничего откладывать, а Вам предстоит ещё столько сделать для того, чтобы конец Вашего царствования был бы достоин его прекрасного начала».

Все слова Карамзина подлинные. Они взяты из двух набросков, не предназначавшихся для печати и озаглавленных им «Для потомства» и «Новое прибавление». Последнее написано в Санкт-Петербурге 18 декабря 1825 года, то есть после смерти Александра и восстания на Сенатской площади.

Мы подошли к трагическому моменту в биографии Карамзина и истории России.

«ЧИСТИИ СЕРДЦЕМ»

Санкт-Петербург. Зимний дворец. Дворцовая площадь. 14 декабря 1825 года.

«Как бы ни был прямодушен Карамзин, как бы ни старался он, чтоб неправда исчезла из русской жизни (инвективы в «Записке о древней и новой России»), он был созидатель, а не разрушитель».

Он говорил: *«Расположение души моей, слава богу! совсем противно сатирическому и бранному духу».*

Однако «бранный дух» в роковой день 14 декабря высоко поднял голову.

Карамзин в Зимнем дворце. По иронии судьбы, рядом с ним сидит Аракчеев. Но их переживания несхожи. Устроитель военных поселений (Аракчеев) не может чувствовать так, как человек, осудивший тиранство Ивана Грозного.

Меж тем оба переживают за царское семейство.

С улицы слышны крики, цокот копыт кавалерии.

Окно Зимнего дворца. В окне фигура Карамзина. Он одет в лёгкий камзол.

Императрица Мария Фёдоровна, мать Николая, мечется по дворцу. Она подходит к историку и просит его узнать, что происходит на улице.

Дворцовая площадь. Карамзин в своём лёгком наряде (нитяные чулки и башмаки) на морозе, на площади. На ней ещё нет Александровской колонны. Двигутся военные, кавалерия, слышится шум, идущий со стороны Сенатской площади.

Карамзин пытается шарфом закрыть горло. Он пытается спросить идущих к месту мятежа, что там происходит.

Ему не отвечают.

Он возвращается во дворец.

Начинает темнеть. И тут раздаются первые залпы картечи.

На снегу кровь, на льду Невы кровь.

А в дворце Мария Фёдоровна бежит от окна к окну и вопрошает: «Что скажет Европа? Что скажет Европа?»

Карамзин здесь, во дворце, и как бы один. Он отделяется воображением от настоящего. Перед ним кровь на улицах Лиона и Парижа. Кровь, стекающая с эшафота, где казнят короля и королеву. Перед его взглядом проходит бунтующая Франция и строки из «Писем русского путешественника»: «Ужасы революции выгнали из Парижа самых богатейших жителей; знатнейшее дворянство удалилось в чужие земли». Французский аббат: «Всё философствовали, важничали, хитрили... И я не знаю, к чему мы, наконец, должны были прибегнуть от скуки, если бы вдруг не грянул над нами гром революции».

Карамзин: «Народ есть острое железо, которым играть опасно, а революция — отвратительный гроб для добродетелей и — самого злодейства».

«Нужны верные и безопасные успехи разума — просвещение, воспитание добрых нравов».

«Но дерзкие подняли секиру на священное дерево, говоря: мы лучше сделаем!»

«Новые республиканцы с порочными сердцами. Разверните Плутарха, и вы услышите, что безначалие хуже всякой власти».

Он видит могилу Руссо в Эрменвиле. Бедный Жан-Жак! Разве этого он желал, сердцем устремляясь к лучшему?

С эшафота падает голова Робеспьера.

Вот чем кончаются все революции. Вот что происходит, когда человек становится на место Бога.

Из статьи Карамзина «О любви к отечеству и народной гордости»: «Есть всему предел и мера: как человек, так и народ начинает всегда подражанием; но должен со временем быть *сам собою*, чтобы сказать: *я существую нравственно*. Теперь мы уже имеем столько знаний и вкуса к жизни, что могли бы жить, не спрашивая: как живут в Париже и Лондоне? Что там носят, в чём ездят и как убирают дома? Патриот спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания... оскорбительные для народной гордости».

Хорошо и должно учиться; но горе человеку и народу, который будет всегдашним учеником!»

Карамзин в Лондоне. Последняя пристань европейской цивилизации. Выборы в парламент. Речь одного из кандидатов в члены парламента: «Сограждане! Истинная английская свобода у нас давно уже не в моде... Вам говорят, что нынешний день есть торжество гражданских прав ваших, но пользуетесь ли вы ими, когда вам предлагают из двух кандидатов выбрать двух членов? Они уже выбраны!»

О нравах «свободного общества»: «...строгая честность не мешает им быть тонкими эгоистами. Таковы они в своей торговле, политике и частных отношениях между собой. Всё придумано, всё разотчено и последние следствия есть... личная выгода. Заметьте, что великие люди бывают великие эгоисты. В них действует ум, нежели сердце; ум же всегда обращается к собственной пользе, как магнит к северу. Делать добро, не зная, для чего, есть дело нашего бедного, безрассудного сердца».

Да, «Пётр, — как писал он в своей «Записке...», — хотел сделать из России Голландию». Не получилось. А появятся, наверное, те, кто захочет сделать из России Америку.

Но их ждёт та же участь.

Гремят в отдалении пушки.

Возможно ли, чтоб подобное произошло при Александре?

Быстро темнеет. Лицо Карамзина в окне Зимнего дворца стирается.

Кончилась эпоха, к которой он принадлежал.

Началась новая. Новый царь просит Карамзина составить манифест о восшествии на престол. Карамзин пишет, что наследник Александра должен следовать путём Александра.

В заметке «О манифесте 12 декабря 1825 года» Карамзин (как он пишет, «для сведения моих сыновей и потомства») даёт справку: «Государь Николай Павлович сказал, что ему неприлично хвалить брата в Манифесте, и велел М.Н.Сперанскому написать это иначе».

14 декабря Карамзин простудился. Простуда перешла в воспаление лёгких. Больному 59, он уже не поднимется. В Кронштадте простаивает фрегат, готовый по распоряжению Николая отвезти историографа в Италию.

22 мая 1826 года, за два месяца до казни декабристов, Карамзин умирает в одной из комнат Таврического дворца.

Его могила в Александро-Невской лавре. Рядом — П.А.Вяземский и В.А.Жуковский.

На надгробном камне надпись: «Блаженни чистии сердцем, ибо Бога узрят».

А 8 сентября 1826 года в Москву через Тверскую заставу въезжает экипаж отставного чиновника 10-го класса Александра Пушкина в сопровождении фельдъегеря.

В 4 часа пополудни в своём кабинете в Чудовом дворце в Кремле Николай принимает Пушкина. Разговор продолжается «около часа». Неужели старая связка «поэт и царь» восстановлена?

Памятник «Истории государства Российского»

Известны хрестоматийные подробности разговора.

Первая. Николай спрашивает Пушкина: «Что сделал бы ты, если б 14 декабря был в Петербурге?» «Встал бы в ряды мятежников», — отвечает Пушкин. Этот ответ известен и в другой редакции. «Неизбежно... — ответил Пушкин, — все мои друзья были в заговоре, и я был в невозможности отстать от них. Одно отсутствие спасло меня, и я благодарю за это небо».

Первая версия диалога взята из воспоминаний М. Корфа (который слышал о нём из уст Николая). Вторая — из слов Пушкина, сказанных в Москве на вечере у М. И. Римской-Корсаковой 26 октября 1826 года.

В первой редакции видны вызов и «дерзость». Во второй — несогласие с «мятежниками» и сожаление о случившемся.

Царского гнева не последовало. Перед самодержцем стоял человек чести, и он сумел оценить это.

«Государь рассказывал, — пишет М. Корф, — ...что и его и великого князя Михаила Павловича предназначали поместить в лицей и что только Наполеон, с замышленной в это время войной, побудил оставить этот план неисполненным».

Таким образом, случись первое, в Чудовом дворце встретились бы два выпускника Царскосельского лицея.

О содержании их беседы можно с полным основанием судить, ознакомившись с составленной по просьбе царя Запиской Пушкина «О народном воспитании». В ней Пушкин, имея в виду события 14 декабря, пишет: «Последние происшествия обнаружили много печальных истин. Недостаток просвещения и нравственности повлёк многих молодых людей в преступные заблуждения».

Далее он продолжает, будто заглядывая в август 1991 года: «Политические изменения, вынужденные у других народов силою обстоятельств и долговременным приготовлением, вдруг сделались у нас предметом замыслов и злонамеренных усилий. Лет 15 тому назад молодые люди занимались только военною службою... 10 лет спустя мы увидели либеральные идеи необходимой вывеской хорошего воспитания...»

По поводу возможного торжества «либеральных идей» Пушкин думает о том, как «защитить новое, возрастающее поколение, ещё не наученное никаким опытом». Он обращает внимание на «влияние чужеземного идеологизма», на «праздность ума, более вредную, чем праздность телесных сил, недостаток твёрдых познаний», что «должно предписать сие своевольство мысли, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полупознания, сей порыв мечтательной крайности, коих

начало есть порча нравов, а конец — гибель». (Всюду курсив Пушкина — И.З.)

Царь, как было передано Пушкину, нашёл в его записке «много полезных мыслей». И история показала, что эти мысли не легли под сукно. Они отозвались, прежде всего, в великой русской литературе, явившейся (и тут мы должны быть честны) в эпоху правления Николая Первого.

И именно эта литература, как никакая другая, осудила революцию и насилие.

Продолжаем цитировать пушкинскую записку: «Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину. «История государства Российского» есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека. Россия слишком мало известна русским: сверх её история, статистика, её законодательство требует особенных кафедр. Изучение России должно будет преимущественно занять в окончателные годы умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целью искренно и усердно соединяться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве».

Карамзин ушёл, но сдал свой пост наследнику.

К 200-летию со дня рождения И.С.Тургенева (род. 28 октября 1818 г.)

РУМЯНЦЕВ Андрей Григорьевич —

член Союза писателей РФ, автор более тридцати поэтических и прозаических книг. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, народный поэт Бурятии. Член Высшего творческого совета Союза писателей России. Действительный член Петровской академии наук и искусств literash@mail.ru

«...ВСЯ СУТЬ РУССКОЙ ЖИЗНИ»

«ЗАПИСКИ ОХОТНИКА» И.С.ТУРГЕНЕВА

Аннотация. Автор анализирует «Записки охотника», в которых представлены разнообразие русские типы, раздумья о нашем земном бытии и поэзия, которую чутко замечает и прославляет художник.

Ключевые слова: открытие жизни с новой стороны, типические герои; пронзительный ум, дар писателя; вдохновенное слово; ритм и музыка, русский тон повествования.

Abstract. The author analyzes the “Notes of the Hunter”, in which various Russian characters are presented as well as thoughts about our life and poetry, which the artist glorifies.

Keywords: discovery of life from the new side, typical heroes; penetrating mind, writer’s gift; inspired word; rhythm and music, Russian tradition of the narrative.

В первом номере некрасовского журнала «Современник» за 1847 год появились рассказы Ивана Тургенева, вошедшие вскоре в книгу «Записки охотника». К моменту журнальной публикации автору исполнилось двадцать восемь лет. Он считался поэтом. В российских журналах уже печатались его лирические стихи и поэмы. Выходили они и отдельными изданиями.

Но «Записки охотника» с первых же опубликованных страниц произвели такое впечатление, которое вызывает лишь что-то из ряда вон выходящее. Н. Некрасов писал Ивану Сергеевичу летом 1847 года: «Успех Ваших рассказов повторился ещё больше в Москве, — все о них говорят с восторгом. Нисколько

не преувеличу, сказав Вам, что эти рассказы сделали такой эффект, как романы Герцена и Гончарова¹... — этого, кажись, довольно. В самом деле, это настоящее Ваше дело...» Публицист Н. Шелгунов считал, что в «Записках охотника» Тургенев «захватил всю суть русской жизни», а В. Белинский заявил, что в этих рассказах автор «зашёл к народу с такой стороны, с какой до него к нему никто ещё не заходил».

Подлинно художественное произведение всегда открывает жизнь с новой стороны. Оно по-новому освещает для нас человеческую сущность, явление жизни, её красоту или чёр-

ную глубину, факт истории, даже привычную природу. Свой, особый, взгляд, неведомая ранее пронзительность, своеобразное осмысление — да мало ли что приносит с собою в литературу оригинальный художник! «Записки охотника» в этом смысле книга необычайная. В ней представлены разнообразные русские характеры, даже не характеры, а типы. Такое богатство типических лиц редко встретишь в одной книге рассказов. Деловой Хорь и мечтательный Калиныч; безответный и отверженный Стёпушка из новеллы «Малиновая вода»; разжиревший бурмистр, «зверь, а не человек», Софрон; «чудная» душа, сын природы Касьян с Красивой Мечи; мальчишки с Бежина луга, каждый со своей изюминкой;

¹«Кто виноват» и «Обыкновенная история».

честнейший лесник Фома, по прозвищу Бирюк; самозабвенные певцы Яшка-Турок и рядчик из городка Жиздры; «огонь-человек» Пантелей Чертопханов и его тишайший друг Тихон Недопюскин; укротившая свои земные страдания, просветлённая Лукерья из потрясающей истории «Живые моши»... Череда подлинных типов, неистовых и смиренных, полных жизненной мощи и пришибленных судьбой, откликающихся чутким сердцем на бессмертную красоту вокруг и глухих к её зову. А ещё есть в рассказах раздумья о нашем земном бытии — те несуетные размышления, на которые способен лишь ум глубокий, пронизательный и неутомимый. А ещё есть поэзия, разлитая по страницам каждой новеллы, поэзия, которую впитывает один герой и слепо отталкивает другой, но которую неизменно и чутко замечает и прославляет автор, находя для этого мудрые и вдохновенные слова. А ещё есть магия самого повествования, его ритм, его музыка — тот русский тон, который мы улавливаем в народной песне, сказке, притче, разнообразных и душевно цельных, неожиданно новых и с дет-

ства родных. И всё это вместе взятое — как долгий вздох матери, как поцелуй ребёнка, как прикосновение любимых рук. И всё это — «Записки охотника».

Если вы помните, стихотворения в прозе Ивана Тургенева начинаются миниатюрой «Деревня». В этом лирическом монологе ощущается нежелание автора замечать то, что портит красоту русской глубинки: к примеру, латаную-перелатаную крышу избы, «пьяный», завалившийся наружу или внутрь двора плетень, грязную лужу во всю ширину улицы, лохмотья какого-нибудь местного горемыки... У Тургенева — «очищенный» пейзаж русской деревни. И мы с благодарным сердцем прощаем его избирательный взгляд. Мы знаем: его устами говорит любовь — а без любви нет ни высшей правды, ни литературы. Это любовь нашёптывает поэту слова благоухающие, медовые:

«Последний день июня месяца; на тысячу вёрст кругом Россия — родной край. Ровной синевой залито всё небо: одно лишь облачко

на нём — не то плывёт, не то тает. Безветрие, теплынь... воздух — молоко парное!

Жаворонки звенят; воркуют зобастые голуби; молча реют ласточки; лошади фыркают и жуют; собаки не лают и стоят, смиренно повиная хвостами.

И дымком-то пахнет, и травой — и дёгтем маленько — и маленько кожей. Конопляники уже вошли в силу и пускают свой тяжёлый, но приятный дух...

Я лежу у самого края оврага на разостланной попоне; кругом целые вороха только что скошенного, до истомы душистого сена. Догадливые хозяева разбросали сено перед избами: пусть немного посохнет на припёке, а там и в сарай! То-то будет спать на нём славно!

Курчавые детские головки торчат из каждого вороха; хохлатые курицы ищут в сене мошек да букашек; белогубый щенок барахтается в спутанных былинках.

Русокудрые парни, в чистых низко подпоясанных рубахах, в тяжёлых сапогах с оторочкой, перекидываются бойкими словами, опершись грудью на отпряжённую телегу, — зубоскалят.

Из окна выглядывает круглолицая молодка; смеётся не то их словам, не то возне ребят в наваленном сене.

Другая молодка сильными руками тащит большое мокрое ведро из колодца... Ведро дрожит и качается на верёвке, роняя длинные огнистые капли...»

Вот такая же любовь нашёптала Тургеневу его рассказы из книги «Записки охотника». Гоголь написал о «мёртвых душах» России — о Собакевиче, Ноздрёве, Плюшкине, Коробочке, которые уже ничего не могли принести отечеству полезного, созидательного, умножающего его силу и славу. Тургенев впервые вдохновенно и правдиво рассказал о «живых душах» России, представив в «Записках охотника» собрание подлинно национальных русских характеров с их чудесными качествами и талантами. После «Записок охотника» ни один прохиндей в мире — ни у нас, дома, ни за его порогом — уже не мог обогатить русского человека, приписав ему лень, невежество, глухоту к красоте, чёрствость и прочие пороки. Книга Тургенева стала верным слепком с жизни, но не мёртвым, а художественно одушевлённым, выполненным с великой любовью и с великим талантом.

Она, конечно, появилась не на голом месте; эту книгу подготовили своим гением, прозорливым и верным правде, Пушкин и Лермонтов. Рядом с нею, в одно время на одном и том же поле, ждавшем живых всходов, выросли эпические и лирические произведения Некрасова, впервые в русской поэзии нарисовавшего картину народного бытия и представившего это бытие как духовную и нравственную красоту родного отечества. И уже за этими двумя писателями-современниками, Тургеневым и Некрасовым, подхватив их правдивую речь, полногласно заговорили о своём народе Толстой, Достоевский, Чехов, Горький...

Нужно знать взгляды Тургенева на искусство, чтобы уяснить, чем стали для него са-

Э.Лами. Портрет И.С.Тургенева. 1844

мого «Записки охотника». По мнению писателя, «художество», в том числе и литература, — это «воспроизведение, воплощение идеалов, лежащих в основах народной жизни и определяющих его духовную и нравственную физиономию». Литература, оторванная от народной жизни, есть, по Тургеневу, нечто мёртвое. «...Искусство народа, — писал он, — это его живая, личная душа, его мысль, его язык в высшем значении слова; достигнув своего полного выражения, оно становится достоянием всего человечества даже больше, чем наука, именно потому, что оно — звучащая, человеческая, мыслящая душа и душа неумирающая, ибо может пережить физическое существование своего тела, своего народа». Пушкин, считал писатель, потому и состоялся, что произошло его «удаление в глубь России, погружение в народную жизнь, в народную речь...». «Нужно постоянное общение со средою, которую берёшься воспроизводить; нужна правдивость, правдивость неумолимая в отношении к собственным ощущениям; нужна свобода, полная свобода воззрений и понятий, и, наконец, нужна образованность, нужно знание».

Всё русское вызывало у Тургенева трепет: русский быт, русская песня, православный храм, русская одежда. По его мнению, иностранцы начинали интересоваться чем-либо только благодаря национальным особенностям увиденного. Всё безнациональное, безликое, нивелированное вызывало у писателя равнодушие.

Всё сказанное — ключ к пониманию творчества писателя, во всяком случае, ключ к пониманию феномена «Записок охотника». Тургенев создал, по выражению одного современника, «великую одухотворённую картину» — живой портрет крестьянской России, которого до него литература не создавала.

Кажется, что большинство персонажей этой светлой книги — самые любимые герои автора; он рисует их словами обдуманно-мягкими, ласковыми. Помнится, однажды при мне Валентин Распутин советовал студентам-заочникам Литинститута, начинающим прозаикам: «Пишите мягче, ищите слова живописные, самобытные». Вдруг в одном из писем А.Чехова я прочитал то же самое, почти дословно (не думаю, что Распутин повторил чужое, скорее всего вышло невольное совпадение): «Господь послал Вам доброе, нежное сердце, пользуйтесь же им, пишите мягким пером...»

Иван Сергеевич во всей доброте и нежности раскрыл своё сердце, создавая первую прозаическую книгу; подлинно русские образы очерчены им точным и мягким пером.

Вот Акулина, юная крестьянка, пришедшая на последнее, прощальное свидание с избалованным, бездушным и наглым камердинером молодого богатого барина. Видно, что обманутая девушка отдалась своей любви со всей пылкостью и бесстрашием чистого невинного сердца; и видно, что скупающий и надменный лакей обольстил её лоском свое-

го свежего, румяного лица и модной, с барского плеча, одежды. Она целует его руки, трепещет и умоляет, он — лениво, «как бы из желудка» достаёт свои жестокие, холодные слова, равнодушно играет цепочкой часов, небрежно нюхает принесённые для него цветы, то есть всем видом показывает тяготу и скуку последнего свидания:

«— ...Чего ты хочешь? Ведь я на тебе жениться не могу? ведь не могу? Ну, так чего ты хочешь? чего? (Он уткнулся лицом, как бы ожидая ответа, и растопырил пальцы.)

— Я ничего... ничего не хочу, — отвечала она, заикаясь и едва осмеливаясь простирать к нему трепещущие руки, — а так хоть бы словечко, на прощанье...

И слёзы полились у неё ручьём.

— Ну так и есть, пошла плакать, — гладнокровно промолвил Виктор, надвигая сзади картуз на глаза.

— Я ничего не хочу, — продолжала она, всхлипывая и закрыв лицо обеими руками, — но каково же мне теперь в семье, каково же мне? И что же со мной будет, что станет со мной, горемычной? За немилго выдадут сиротинушку... Бедная моя головушка!

— Припевай, припевай, — полногласно пробормотал Виктор, переминяясь на месте.

— А он хоть бы словечко, хоть бы одно... Дескать, Акулина, дескать, я...

Внезапные, надрывающие грудь рыдания не дали ей закончить речи — она повалилась лицом на траву и горько, горько заплакала... Всё её тело судорожно волновалось, затылок так и поднимался у ней... Долго сдержанное горе хлынуло наконец потоком. Виктор постоял над нею, постоял, пожал плечами, повернулся и ушёл большими шагами.

А вот другая крестьянка, Лукерья, постарше первой, лет, как она сама считает, двадцати восьми или двадцати девяти. В девичестве она была «первая красавица во всей дворне, высокая, полная, белая, румяная, хотунья, плясунья, певунья!», собиралась замуж, по обоюдной любви, за статного, кудрявого буфетчика. Но однажды ночью, оступившись, упала с крыльца и расшиблась: «словно... чла внутри — в утробе — порвалось...» С тех пор, шесть-семь лет, недвижимо лежит: летом — в плетёном сарайчике, а зимой — в предбаннике. Родственников она не беспокоит, а присматривают за ней добрые люди: то девочка-сиротка зайдёт, то молодые крестьянки, то священник, то странница. И что же эта наказанная судьбой, высохшая, полумёртвая женщина — жалуется на злой рок, плачет и проклинает? Ничуть. Она убеждает рассказчика-охотника, случайно забредшего в её тёмную нору:

«— ...я, слава богу, вижу прекрасно и всё слышу, всё. Крот под землей роется — я и то слышу. И запах я всякий чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха в поле зацветёт или липа в саду — мне и сказывать не надо: я первая сейчас слышу. Лишь бы ветерком оттуда потянуло. Нет, что Бога гневить? — многим хуже моего бывает. Хоть бы то взять: иной здоровый человек очень легко согрешить может; а от меня сам грех отошёл...»

«— ...лежу я себе, лежу — полёживаю — и не думаю; чую, что жива, дышу — и вся я тут. Смотрю, слушаю. Пчёл на пасеке жужжат да гудят; голубь на крышу сядет и заворкует; курочка-наседочка зайдёт с цыплятами крошек поклевать; а то воробей залетит или бабочка — мне очень приятно...»

«— ...Сам себе человек помогай! Вы вот не поверите — а лежу я иногда так-то одна... и словно никого в целом свете, кроме меня, нету. Только одна я — живая! И чудится мне, будто что меня осенит... Возьмёт меня размышление — даже удивительно.

— О чём же ты тогда размышляешь, Лукерья?

— Этого, барин, тоже никак нельзя сказать: не растолкуешь. Да и забывается оно потом. Придёт, словно как тучка, прольётся, свежо так, хорошо станет, а что такое было — не поймёшь! Только думается мне: будь около меня люди — ничего бы этого не было, и ничего бы я не чувствовала, кроме своего несчастья».

Или вот ещё один герой — Яков-Турок, «художник во всех смыслах этого слова, а по званию — черпальщик на бумажной фабрике у купца». Он любитель пения и на спор с соперником, рядчиком по житейскому занятию (рассказчик даже не называет его имени), состязается в кабаке своим нередким русским талантом. Яков выбрал для турнира заунывную народную песню «Не одна во поле дороженька пролегалла». «...Пел он, — говорит автор, — и всем нам сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, редко слыхивал подобный голос; он даже сначала отзывался чем-то болезненным; но в нём была и неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нём и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны. Песнь росла, разливалась. Яковом, видимо, овладело упоение: он уже не робел, он отдавался весь своему счастью; голос его не трепетал более — он дрожал, но той едва заметной внутренней дрожью страсти, которая стрелой вонзается в душу слушателя, и беспрестанно крепчал, твердел и расширялся...» Яков «...пел, совершенно забыв и своего соперника, и всех нас, но, видимо, поднимаемый, как бодрый пловец волнами, нашим молчаливым, страстным участием. Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль. У меня, я чувствовал, закипали на сердце и поднимались к глазам слёзы; глухие, сдержанные рыдания внезапно поразили меня...».

Другой читатель может напомнить другие страницы, другие истории и судьбы из книги Ивана Тургенева. Эти истории и судьбы лишены какого-либо налёта выдумки, фантазии; они достоверны и житейски узнаваемы. «Да вот, — скажет читатель, — и у нас был похожий случай». «И я вспомнил историю наподобие тургеневской», — добавит другой. Но не в похожести, не в узнаваемости главное достоин-

ство «Записок охотника». Достоинство их в том, что ты увидел в обыкновенном человеке — герое книги — его нравственную красоту и силу; ты увидел, что в простом человеке, жившем рядом с нашими пращурами, равно как и в том, что живёт рядом с тобою ныне, обитает такая душа, которая вынесет любые муки, пересилит любую боль и, если узнаешь её поближе, покажет богатства, что ценней любых земных: бескорыстную любовь и щедрую ласку, вечную преданность и неослабную заботу, страстное поклонение красоте и редкую даровитость. Писатель открыл подлинный русский народ, сверкающий самородками; для скользящего или подслеповатого, высокомерного или равнодушного взгляда народ этот был одной массой, серой и неинтересной, редко-редко удивлявшей каким-нибудь талантом, прибывшимся случайно к «благородной» среде. Но оказалось, что земля русская, любой её край богат людьми незаурядными — благородными, бесстрашными, отзывчивыми, бескорыстными, чуткими к красоте.

Высшим и самым строгим мерилom для писателя, считал Тургенев, является правда. К этому постулату он возвращался много раз, ему посвятил немало строк в рецензиях, предисловиях, отзывах, письмах. Писательская правда, как и внутренняя свобода художника, всегда высоко ценилась Тургеневым и в творчестве других авторов, и в собственных сочинениях.

Почему тургеневские герои предстают как живые? Потому что писатель не утаивает о них ничего, что существенно влияет на читательское впечатление — ни добрых, ни худых черт. Иногда кажется, что зря он, рассказав о симпатичном человеке, упомянул какую-то скверную привычку его или некрасивую чёрточку. «Ведь это невыгодное замечание не относится к делу», — думаешь поначалу. Но при зрелом размышлении, охватывая рассказанное в совокупности впечатлений, соглашаешься с автором. «Если неприятная мелочь не была бы замечена в герое, — говоришь себе, — то образ получился бы сусальным, облагороженным, следовательно, неправдоподобным». У Тургенева нет героев, набросанных комплиментарной кистью. «Каким жизнь вылепила, таким и принимайте», — словно бы предуведомляет автор «Записок охотника» появление любого своего героя, и мы благодарны ему за честный рассказ.

Приглядимся внимательней к такому, например, персонажу, как Пантелей Чертопханов, дворянский сын. Он служил в армии, но в девятнадцать лет вынужден был подать в отставку «по неприятности»: похоже, под эту неприятность его подвёл сумасбродный характер. Приехав в деревню по вызову больного отца, он не застал его в живых и обнаружил, что всё поместье папаша промотал. «Пантелей одичал, ожесточился, — знакомит нас автор со своим героем. — Из человека честного, щедрого и доброго, хотя взбалмошно и горячего, он превратился в соседа и забияку, перестал знаясь с соседями, — богатых он стыдился, бедных гнушался, — и неслышанно дерзко обращался со всеми,

даже с установленными властями: я, мол, столбовой дворянин. Раз чуть-чуть не застрелил станowego, вошедшего к нему в комнату с картузом на голове. Разумеется, власти, со своей стороны, ему тоже не спускали и при случае давали себя знать; но всё-таки его побаивались, потому что горячка он был страшная и со второго слова предлагал резаться на ножах».

Вот такой русский характер. Чертопханов пригрозил беспризорного бедолагу Недопюскина, кормил, поил и защищал его; он без памяти любил молодую цыганку Машу, и, когда голос вольной крови приказал ей оставить Чертопханова, он готов был пустить себе пулю в лоб; потеряв любимца-коня, он потратил на его поиски всё неожиданно свалившееся на него наследство, а найдя лошадь (но, как оказалось, не свою, а очень похожую на неё) он со злобой убил животное. Эта кульминация бесшабашной, дерзкой, запутанной жизни героя написана Тургеневым забываемо ярко и безжалостно: «Чертопханов зажал себе уши обеими руками и побежал. Колени подгибались под ним. И хмель, и злоба, и тупая самоуверенность — всё вылетело разом. Осталось одно чувство стыда и безобразия — да сознание, сознание несомненное, что на этот раз он и с собой покончил». А на самом деле покончил с собой неуправляемый степняк тоже по-русски: беспросветно запил и довёл себя до гробовой доски. Между тем человек владел прекрасными качествами: был честен, справедлив, бесстрашен, неутомим в добром деле. Мог бы послужить людям и отечеству, а отдал себя бесу...

Все лучшие русские писатели середины XIX века с напряжённым вниманием вглядывались в жизнь своей страны, стремясь предугадать ход её развития, её будущее. Общественное брожение накануне Крестьянской реформы 1861 года раскалывало общество. Ответы на вопрос о путях преобразований были разные; стремление к их поиску было единодушным. Н.В. Гоголь писал: «Теперь более чем когда-либо нужно нам обнаружить всё, что ни есть внутри России, чтобы мы почувствовали, из какого множества разнородных начал состоит наша почва, на которой мы стремимся сеять...»

Чуть ли не теми же словами беседовал с читателями журнала «Современник» Н.А. Некрасов: «Теперь более чем когда-нибудь мы должны обратиться на самих себя, сосредоточиться, глубже вглядываться в свою народную физиономию, изучать её особенности, проникать внимательным оком в зародыши, хранящие великую тайну нашего, несомненно великого, исторического предназначения».

Наконец, и Тургенев, начиная первые рассказы своих будущих «Записок охотника», тоже уверенно писал: «...в русском человеке таится и зреет зародыш будущих великих дел, великого народного развития...»

Однако, к острейшей проблеме — отмене крепостного права — автор книги подошел

не с «любовной», публицистической стороны, а со стороны художественной, естественной для беллетриста. В «Записках охотника» крепостничество явилось в лицах и судьбах, оно ожило во всей своей страшной, чудовищной жестокости, унижающей народ и не имеющей никакого оправдания и будущего. Завеса была сдёрнута, и явилась картина, которая могла вызвать только негодование. Третье отделение полиции, этот политический сыск, констатировало: «...государь Император, обратив внимание на изданную в Москве книгу под заглавием «Записки охотника», сочинение Тургенева, изволил усмотреть, что значительная часть помещённых в ней статей имеет решительное направление к унижению помещиков, которые представляются вообще или в смешном и карикатурном, или ещё чаще в предосудительном для их чести виде. Признавая, что распространение столь невыгодных мнений на счёт помещиков послужить может к уменьшению уважения к дворянскому сословию со стороны читателей других состояний, Его Величество Высочайше повелел цензора, пропустившего означенную книгу, князя Львова... отставить за небрежное исполнение от должности».

«Записки охотника» внесли много нового в форму русского рассказа. Мы меньше всего подразумеваем под этим внешнюю форму повествования: представить художественное произведение как «записки» некоего рассказчика, в данном случае охотника. Эта традиция в отечественной прозе тогда уже укоренилась. Письма, записки, дневники, рассказы путешественного или разъезжающего по долгу службы, по собственной надобности заняли в русской литературе заметное место и даже прославили её. В художественной публицистике припоминаются знаменитые «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Радищева, пушкинское «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года», в беллетристике — «Повести Белкина», «Мёртвые души», многие страницы романа «Герой нашего времени». Подобная форма (разумеется, у каждого автора своя, оригинальная) даёт возможность свободно переходить от одной истории к другой, от одного героя к другому, рисовать широкую картину жизни. В этом смысле рассказы охотника, прошедшего вдоль и поперёк поля и леса срединной России, как бы приложившегося к сердцу матушки-Руси, — ещё одна счастливая находка литератора, удачно выбранный вариант наметившейся в прозе формы.

Но и тут нужно знать взгляд И.С. Тургенева на литературное творчество, чтобы уяснить «Записки охотника» с интересующей нас стороны. Писатель считал, что рассказ должен двигаться не за счёт занимательной фабулы (хотя это и не исключалось), а за счёт, точнее — благодаря развитию характера героя. Он диктует автору ход повествования. Причём характер для Тургенева — это не просто поверхностно увиденный или мало-

интересный образ; это тип, особого склада тип, укоренившийся или укореняющийся в жизни и оригинальный по существу. Взгляд Тургенева легче понять, читая его суждения о чужих книгах. Например, об одном из произведений французского прозаика А.Доде он заметил в письме к П.Анненкову: «Роман Доде мне менее понравился, нежели Вам, вероятно, потому, что, по самой натуре сюжета, вместо типов являются одни портреты, чуть-чуть застланные прозрачной дымкой. А ведь интересны только типы...»

Более подробно высказанную мысль Тургенев обосновал в беседах с американским писателем Г.Джеймсом. Этот литератор какое-то время жил во Франции и дружески общался с Иваном Сергеевичем. Он вспоминал: «Всего интереснее были рассказы Тургенева о его собственной литературной работе, о том, как он пишет. То, что мне довелось слышать от него об этом, не уступало по значению ни замечательным результатам его творчества, ни трудной цели, которую оно преследовало, — показать жизнь такой, какая она есть. В основе произведения лежала не фабула — о ней он думал в последнюю очередь, — а изображение характеров. Вначале перед ним возникал персонаж или группа персонажей — личностей, которых ему хотелось увидеть в действии, поскольку он полагал, что действия этих лиц будут своеобразны и интересны. Они возникали в его воображе-

нии рельефные, исполненные жизни, и ему не терпелось как можно глубже постичь и показать присущие им свойства.

Прежде всего необходимо было уяснить себе, что же в конце концов ему о них известно; с этой целью он составлял своего рода биографию каждого персонажа, внося туда всё, что они делали и что с ними происходило до того момента, с которого начиналось собственно повествование... Собрал весь материал, он мог приступить к собственно рассказу, иными словами, он задавал себе вопрос: что они у меня будут делать? У Тургенева герои всегда делают именно то, что наиболее полно выявляет их натуру, но, как отмечал он сам, недостаток этого метода — в чём его не раз упрекали — это отсутствие «архитектоники», то есть искусного построения. Владеть не только отменным строительным материалом, но и искусством строить, архитектурно, как владели ею Вальтер Скотт, как Бальзак, — несомненно, великое дело. Но, если читаешь Тургенева, зная, как рождались, вернее, как создавались его рассказы, то видишь его художественный метод буквально в каждой строке... Этот метод тем уже хорош, что, пользуясь им, писатель в подходе к любому жизненному явлению начинает, так сказать, с давно прошедшего. Он позволяет рассказать очень многое о людях — мужчинах и женщинах...

...Однажды, помнится, говоря об Омэ — провинциальном аптекаре из «Мадам Бова-

ри»², педанте, щеголявшем «просвещёнными мнениями», — Тургенев заметил: исключительная сила образа этого маленького нормандца в том, что он одновременно и индивидуальность, со всеми её особенностями, и тип. В этом сочетании кроется исключительная сила тургеневского изображения характеров: его герои неповторимо воплощают в себе единичное, но в то же время столь же отчётливо и общее...»

Уже на склоне лет Иван Сергеевич писал для французских читателей о романе Л.Н.Толстого «Война и мир»: «Вдохновенная и простая поэзия, великая любовь к правде, сочетающаяся с тончайшей чуткостью ко всякой лжи или пустословью, поразительная сила психологического анализа, а также тонкое чувство природы, непревзойдённый дар создавать типы, нечто очень живое и в то же время возвышенное — вот чем определяется этот прекрасный талант, который, оставаясь сугубо русским, уже обрёл в Европе поклонников, число которых будет неизменно возрастать». Может быть, найдя эти вдохновенные и точные слова для своего младшего современника, Тургенев отметил в нём те качества подлинного писателя, которые были дороги ему самому. Если это так, то он не ошибся и в оценке собственного дара, впервые так ярко проявившегося в «Записках охотника».

МАКАРИЧЕВА Наталья Александровна —

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Санкт-Петербургского государственного экономического университета
812nataly@mail.ru

«ТУТ, БРАТ, ЭТАКОЕ ПЕРИННОЕ НАЧАЛО ЛЕЖИТ...»: ОТ АГАФЬИ ПШЕНИЦЫНОЙ И.А.ГОНЧАРОВА К ПРАСКОВЬЕ ЗАРНИЦЫНОЙ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация. В статье рассматривается образ «традиционной» женщины в произведениях Пушкина, Чехова, Достоевского и Гончарова. Особое внимание уделяется второстепенному персонажу в «Преступлении и наказании» — Пашеньке как «наследнице» Агафьи Пшеницыной из романа «Обломов». Рассматривается связь этих женских образов с древними мифологическими представлениями о женском начале и роли женщин в мире.

Ключевые слова: женский образ, женская активность, природно-родовое начало, типология женских образов, христианская аксиология.

Abstract. The article considers the image of a "traditional" woman in the works of Pushkin, Chekhov, Dostoevsky and Goncharov. Particular attention is paid to the minor character in "Crime and Punishment" — Pashenka as Agafia Pshenitsyna's ("Obломov") "heiress". The connection of these female characters with the ancient mythological ideas about role of women in the world is considered.

Keywords: female image, natural and patrimonial origin, typology of female characters, Christian axiology.

В литературоведении сложилась традиция выделять в творчестве Достоевского, прежде всего, два типа героинь: инфернальных, роковых женщин¹, и кротких «христианских мучениц». Однако Достоевский вскользь заметил ещё один тип, который не стал основным в его творчестве и не получил художественного развития, но занял своё особое место в структуре романа «Преступление и наказание». Воплощением его является образ хозяйки, у которой Раскольников снимает комнату, — Прасковьи Зарницыной, или, как называет её Разумихин, Пашеньки. Отдельные черты этого типа можно обнаружить

лишь в некоторых героинях Достоевского, между тем он связан с наиболее древними культурными представлениями о женском начале, женщине и её роли в жизни.

Явственно прорисован этот тип женщины у И.А.Гончарова в романе «Обломов», но его Агафья Пшеницына находится в тени Ольги Ильинской и главного героя. Её роль в жизни Обломова можно интерпретировать двояко: она — спасительница, подарившая Илье Ильичу счастье, о котором он мечтал, и она же — губительница, своей заботой и опекой только приблизившая его кончину.

Позднее попытался изобразить такой тип женщины и А.П.Чехов в рассказе «Душечка». Однако его попытку нельзя назвать вполне удавшейся с точки зрения авторской реализации замысла. Это заметил Л.Н.Толстой, публично читавший рассказ Чехова и своё «Послеловие» к нему. По воспоминаниям: «Опять был тронут до глубины души. <...> Потом Л.Н.Толстой спросил, не будет ли обидно почитателям Чехова, что он напишет про него: что он хотел высмеять женщину, но что бог поэзии взял верх, и он описал их прелесть, самопожертвование»¹.

²Роман Г.Флобера.

Многие русские писатели делали героинями своих произведений женщин-спасительниц, роковых женщин, женщин, способных на сложный нравственный выбор, на самостоятельный поступок, то есть своей активностью так или иначе обращённых *вовне*, но не способных «обволакивать», «окутывать», «втягивать», замыкать энергию на себя. В итоге мы имеем очень ёмкий, глубокий собирательный образ русской женщины, воплощённый в очень разных литературных героинях — от Татьяны Лариной до Лизы Калитиной, от Софьи Фамусовой до Анны Карениной. Но на фоне всех активных и покорных судьбе, деятельных и решительных, мятущихся, переживающих внутренние трагедии и даже эмансипированных в разной степени героини иногда вспоминается о женщине мягкой и любящей, растворяющейся в любви и дарующей негу, без чего женский идеал был бы неполным.

Образ женщины, воплощающей «перинное начало», как будто не даётся вполне русским писателям, перед ним они как будто теряются, не зная, как лучше его изобразить: на смешливо и иронично — было бы не совсем честно, с восхищением — не покажешься ли современному читателю «обывателем» и «обломовым»? Да вроде бы и восхищаться нечем и писать особо не о чем... Такие женщины «не поражают», точнее, не поражали, но и не утрачивали своей притягательности. Возможно, именно поэтому образ этот не исчезает из литературы и по сей день, хотя актуальность его меняется в зависимости от требований времени. И слова, которые Л.Н.Толстой сказал о «Душечке» А.П.Чехова, можно было бы отнести ко многим другим писателям и их произведениям: «Рассказ этот оттого такой прекрасный, что он вышел бессознательно»². Силу «земного» притяжения такой женщины не мог-

ли преодолеть даже «неукоренённые в быту» герои Достоевского.

Читатели «Преступления и наказания» наверняка запомнят описание душного Петербурга, грязных распивочных, толчею Сенной да крохотную коморку Раскольникова, похожую то на каюту, то на гроб... Но именно рядом с этим героем, с его беспокойным бытием, с неблагообразным «домом», буквально в «двух шагах» существует как будто другое измерение, другой уклад жизни, другой мир. Открывает этот мир Разумихин, когда идёт к хозяйке Раскольникова, имея вполне определённый расчёт — очаровать хозяйку и спасти своего друга. Но в этот момент, по его собственному признанию, «Пашенька победила»³ (т. 6, с. 97). Описывая Пашеньку, Разумихин и формулирует удивительный образ-символ, столь не характерный для художественного мира Достоевского: «Тут, брат, этакое перинное начало лежит, — эх! да и не одно перинное! Тут втягивает; тут конец свету, якорь, тихое пристанище, пуп земли, трёхрыбное основание мира, эссенция блинов, жирных кулебяк, вечернего самовара, тихих воздыханий и тёплых кацавеек, натопленных лежанок, — ну, вот точно ты умер, а в то же время и жив, обе выгоды разом!» (т. 6, с. 161).

Этот образ, как мы уже отмечали, не был изобретением Достоевского и на творчестве Достоевского не закончился. Вспомним, как, например, в «Евгении Онегине» А.С.Пушкин описывает неторопливое течение жизни супругов Лариных:

XXXIV

*...Но муж её любил сердечно,
В её затеи не входил,
Во всём ей веровал беспечно,
А сам в халате ел и пил;
Покойно жизнь его катилась;
Под вечер иногда сходилась
Соседей добрая семья,
Нецеремонные друзья,
И потужить, и позлословить,
И посмеяться кой о чем.
Проходит время; между тем
Прикажут Ольге чай готовить,
Там ужин, там и спать пора,
И гости едут со двора.*

XXXV

*Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на Масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели...⁴*

Для Пушкина такая жизнь — это «милая старина», неспешный деревенский быт помещика, который можно было бы назвать патриархальным укладом. Никакой суеты или вражды, всё и все — «семья». Время течёт незаметно и, кажется, не имеет начала и конца: «иногда», о котором пишет автор, воспринимается как «всегда», «обычно», «вечно» и «бесконечно». Это не просто повторяемость скучных и однообразных дней, а едва ли не воплощение самой бесконечной, циклической жизни. Авторская ирония

Ю.Гершович. Агафья Матвеевна Пшеницына и Илья Ильич Обломов с сыном.
1982

чуть слышна, весь образ написан в мягких, тёплых тонах, ведь и сам герой-повествователь с едва уловимой усмешкой признаётся: «Я был рождён для жизни мирной, / Для деревенской тишины...», «Я каждым утром пробуждён / Для сладкой неги и свободы: / Читаю мало, долго сплю, / Летучей славы не ловлю»⁵. Интересно, что Абрам Терц объясняет появление новой поэтической манеры, подарившей русской культуре гений Пушкина, описывая, казалось бы, сугубо бытовые детали творческой мастерской поэта: «Излюбленным местом сочинительства сделалась постель, располагавшая не к работе, а к отдыху, к ленивой праздности и дремоте, в процессе которой поэт между прочим, шалая-валяя, что-то там такое пописывал, не утомляя себя излишним умственным напряжением. Постель для Пушкина не просто милая привычка, но наиболее отвечающая его духу творческая среда, мастерская его стиля и метода. В то время как другие по ступенькам высокой традиции влезали на пьедестал и, прицеливаясь к перу, мысленно облачались в мундир или тогу, Пушкин, недолго думая, заваливался на кровать и там — “среди приятного забвенья, склонясь в подушку головой”, “немного сонною рукой” набрасывал кое-что, не стоящее внимания и не требующее труда. Так выработывалась манера, поражающая раскованностью мысли и языком, и наступала свобода слова, неслыханная ещё в нашей словесности»⁶.

Ещё раз мир «тёплых лежанок», неги, «жирных кулебяк» и «тёплых перин» возникнет в произведениях Гоголя: в «Старосветских помещиках» и, уже с менее трогательной интонацией, — в «Мёртвых душах». Причём двойственность впечатления не оставляет не только неискушённого читателя, но и литературоведов: «Повесть „Старосветские помещики“ написана в тонах идиллии, но трогательное чередуется в ней с комическим, а комическое переходит в грустное. Пушкин дал очень точную характеристику этой повести: “шутливая трогательная идиллия, которая заставляет вас смеяться сквозь слёзы грусти и умиления” (“Современник”, 1836, № 1)»⁷.

В романе «Преступление и наказание» образ Пашеньки как воплощения женского начала, связанного с культом изобилия, материнской любовью, покоем и теплом, с началом и концом мира, с рождением и смертью одновременно с цикличностью времени, возникает на периферии романного мира Ф.М.Достоевского и обусловлен литературным диалогом с другим писателем — И.А.Гончаровым. На это указывал В.А.Туниманов в комментариях к роману «Обломов»: «Вполне вероятно, что и хозяйка Раскольникова Зарницына (“Преступление и наказание”, 1866) в творческом сознании Достоевского соседствовала с Пшеницыной, — очевидны не только явное фонетическое созвучие имён героинь, но и психологическая соотнесённость»⁸. Более того, все героини: Агафья Пшеницына, Прасковья Зарницына и Душечка (Ольга Семёновна) — имеют сходство во внешности. Они подчеркнута «телесны», в их облике обращает на себя внимание округлость, изобилие тела, его мягкость, притягательность и приятность для взгляда. На момент

первой встречи с Ильёй Ильичом Агафья Матвеевна «была очень бела и полна в лице, так что румянец, кажется, не мог пробиться сквозь щёки»⁹. Обломов, глядя на эту женщину, «охотно останавливал глаза на её *полной* шее и *круглых* локтях»¹⁰, думал о том, «какая ещё свежая, здоровая женщина и какая хозяйка»¹¹. По мере развития отношений с Обломовым «она *лополнила*: грудь и плечи сияли тем же довольством и *полнотой*, в глазах светились кротость и только хозяйственная заботливость»¹².

Портрет Зарницыной в «Преступлении и наказании» даёт вскользь, на первый взгляд красота её очень относительная: «...ей было лет сорок, и была она толста и жирна, чернотростя и черноглаза, добра от толстоты и от лениности; и собою даже очень смазлива. Стыдлива же сверх необходимости» (т. 6, с. 93). Но, видимо, дело не только в отсутствии талии, а в чём-то ещё, ведь при том что Пашенька «толста и жирна», она «смазлива» и производит необыкновенное впечатление на Разумихина: «Я, брат, никак и не ожидал, чтоб она была такая... авенантенькая...» (т. 6, с. 97), тут «втягивающее начало есть», «я вовсе не завлекал, я, может, даже сам завлечён» (т. 6, с. 160).

Оленька (Душечка) описывается А.П.Чеховым так: «...тихая, добродушная, жалостливая барышня с *кротким, мягким* взглядом, *очень здоровая*. Глядя на её *полные* розовые щёки, на *мягкую белую шею* с тёмной родинкой, на добрую наивную улыбку, которая бывала на её лице, когда она слушала что-нибудь приятное, мужчины думали: “Да, ничего себе...” — и тоже улыбались»¹³. В счастливом браке, как и Агафья Матвеевна, «Оленька *лополнила* и вся сияла от удовольствия»¹⁴. Как мы видим, и Ф.М.Достоевский, и А.П.Чехов вслед за И.А.Гончаровым разделяют своих героинь похожей внешностью, а «стандарты красоты» уходят корнями в далёкое прошлое, едва ли не к фигурам «палеолитических Венер». Все эти женщины не вызывают у мужчин бурного и страстного чувства, но незаметно и, кажется, совершенно естественно создают вокруг них особый мир, «втягивают» и «обволакивают», погружая в покой и тепло.

В речи Разумихина Достоевский даёт как бы квинтэссенцию идеи обломовщины: «Достоевский как будто намеренно вызывает в сознании читателя ассоциации с классическим типом Обломова. Обращает на себя внимание формулировка “трёхрыбное основание мира” — ассоциация, навеянная, скорее всего, тоже романом “Обломов”. Ведь крестьяне-обломовцы сравниваются автором с древними греками»¹⁵. Принципиально важно то, что Достоевский вслед за Гончаровым подчёркивает древнее, восходящее к языческому патриархальным временам, происхождение «мира тёплых кацавеек» и «жирных кулебяк», которые у Гончарова воплотились в образе Обломовки из сна главного героя.

Поэтому нам кажется не вполне точным комментарий к роману Ф.М.Достоевского, предложенный Б.Н.Тихомировым. Он связывает понятие «пуп земли» с представлениями из христианской мифологии: «...пуп земли... здесь — центр мира. По мифологическим представлениям, в центре мира находится Палестина, в центре Палестины — Иерусалим, в центре Иеру-

салима — храм, а в центре храма — святое святое — алтарь, в центре его — камень перед ковчегом Завета. С этого камня, который Господь Бог бросил в море, началось мироздание»¹⁶.

Представления о центре мира, возникающие в связи с образом Пашеньки, восходят к древним мифопоэтическим символам, имеющим дохристианское происхождение. «Трёхрыбное основание мира», «пуп земли» связан с «родовым местом», как сон Обломова связывает детство героя с детством всего человечества: «Особая сакральность Пупа земли объясняется его связью с родовым местом, с тем, что он несёт на себе след происхождения человека, вселенной (расширяющейся после взрыва: ср. др.-инд. *paḥ-* — “взрываться”, “лопаться”) и земли. <...> В странах юго-западной Азии и Дальнего Востока известно много примеров приурочения образа Пупа земли к храмам, святилищам, алтарям или к трону божества, особенно матери-земли»¹⁷.

В устах Разумихина характеристика Пашеньки — это характеристика женщины как матери мира, основы мира, как воплощения природно-родового начала. Отсюда — амбивалентность: «умер и жив одновременно», «коонец свету», «тихая пристань». Эти слова, конечно, метафора «райского» состояния в царстве Пашеньки, но и напоминание о двойственности женской природы, связанной с жизнью и смертью одновременно. Не случайно «Пуп земли может рассматриваться и как вход в лоно, в чрево, в преисподнюю»¹⁸. Но важно другое. В «Преступлении и наказании», да и в других произведениях Достоевского, сложно отыскать прямых наследников Обломова. Сам автор указывал на князя Мышкина, а в «Преступлении и наказании» таким наследником может быть назван Зосимов.

Причём от романа к роману заметно менялось отношение Достоевского к герою Гончарова¹⁹. В «Преступлении и наказании» характеристика «обломовского типа» носит явно негативный оттенок. «Зосимов в восприятии Разумихина — родной брат Обломова: “Ты нервная, слабая дрянь, ты блажной, ты зажил и ни в чём себе отказать не можешь, — а это уж я называю грязью, потому что прямо доводит до грязи (Разумихин как будто судит по опыту Обломова, втянувшегося в тихий быт Агафьи Матвеевны. — В.М.). Ты до того себя разнежил, что, признаюсь, я всего менее понимаю, как ты можешь быть при всём этом хорошим и даже самоотверженным лекарем. На перине спит (доктор-то!), а по ночам встаёт для больного! Года через три ты уже не будешь вставать для больного...” (т. 6, с. 160)»²⁰. Позднее, к моменту написания романа «Идиот», в чертах Обломова Достоевский разглядел и иное содержание, которое помогло создать собственный, уникальный в русской литературе, образ «положительно прекрасного человека». То есть в середине 1860-х годов «гончаровский герой все ещё воспринимается Достоевским как некая упрощённая схема (лень и эгоизм)»²¹, но постепенно восприятие образа Обломова меняется: «Теперь Достоевскому интересны не лежащие на поверхности бытовые черты гончаровского героя, а евангельское содержание

этого образа, которое он не мог не почувствовать опять-таки лучше всех других современников Гончарова»²².

Ф.М.Достоевский, включая в роман образ-символ, связывающий его героев с древними мифопоэтическими представлениями о женском начале и одновременно — с героем романа Гончарова, вольно или невольно вошёл в соприкосновение с огромным культурным пластом, который открывает новые контексты восприятия его собственного произведения. Разумихин далеко не Обломов, как и многие другие персонажи писателя. Ему, как Штольцу, больше соответствуют такие свойства, как *разум, рациональность*, или германовские: *расчёт, умеренность и трудолюбие*, правда, в сочетании с эмоциональностью, стихийностью, увлекаемостью. Он, как Штольц, лишь открывает это *обломовское начало* в романе «Преступление и наказание» в других, но не подчиняется ему.

Герои Достоевского, в отличие от Обломова, оторваны от своих корней, они утратили связь с «родовым местом». Спокойное течение жизни, умиротворение, изобилие, домашний уют — всё это либо недоступно по каким-то объективным жизненным причинам, либо невозможно в силу внутренней дисгармонии героев. Так, и Разумихин не способен удовлетвориться «тихим пристанищем» хозяйки, его окончательный выбор — это Дуня Раскольниковы. И выбор этот знаменателен. Вместо мягкой, «втягивающей», бессловесной Пашеньки, «застенчивой до судорог» в любви, создающей пространство уюта и покоя, — Дуня, которую можно считать *психологическим двойником* её брата Родиона (ср.: выбор Штольца — Ольга Ильинская, рядом с ним трудно, почти невозможно представить Пшеницыну). Об этом сходстве говорит мать Дуни и Родиона, Пульхерия Александровна: «Совершенный ты его портрет и не столько лицом, сколько душою: оба вы меланхолики, оба угрюмые и вспыльчивые, оба высокомерные и оба великодушные...» (т. 6, с. 185). «А вы знаете, Авдотья Романовна, вы сами ужасно как похожи на вашего брата, даже во всём!» (т. 6, с. 166) — замечает и Разумихин. Её брат Родион видит в ней близкую себе черту: «И дойдёшь до такой черты, что не перешагнёшь её — несчастна будешь, а перешагнёшь — может, ещё несчастнее будешь...» (т. 6, с. 174).

Но для понимания женских характеров Пашенька — казалось бы, совершенно периферийный образ — даёт довольно много. Женские персонажи Достоевского очень далеки от своего «природно-родового» женского типа в том виде, в котором он проявлялся у И.А.Гончарова или А.П.Чехова, от семейных женских образов Л.Н.Толстого. Хотя у Достоевского есть героини, которые наделены отдельными психологическими чертами, *связующими* их с «традиционным» типом (В.Н.Кардопольцева): «К этому типу относятся нежно любящие женщины, способные на самопожертвование ради других, у которых «всегда готов и стол и дом», которые свято хранят традиции прошлого. В понятие «традиционный» мы включаем не традиционность, заурядность, обычность женщин этого типа, а привычный подход в определении женщины вообще: сострадательность, способ-

ность к сочувствию, сопереживанию, самопожертвованию. К этому типу, как нам кажется, в первую очередь можно отнести «женщину-хозяйку» (определение Весельницкой) и неотрадиционалисток (термин Нунан), а также «крестовых сестёр» (по определению Ремизова) и «смирениц»²³. У Достоевского мягким и далёким отсветом «перинное начало» слегка ложится на образ Грушеньки («Братья Карамазовы»). Это сумел оценить Митя, бросив ради неё «институтку» Катерину Ивановну, а ещё больше — Фёдор Павлович, знаток и ценитель женщин и женской красоты.

У Достоевского героини, способные на самопожертвование, на самоотверженную любовь и сострадание, чаще всего христианские «смиреницы», чьё материнское чувство связано не столько с детьми, сколько переносится на мужчин, находящихся рядом с ними по воле судьбы. Они лишены возможности реализовать себя в том традиционно женском жизненном пространстве, где есть возможность быть «женщиной-хозяйкой», «чадолюбивой» женой, где «тёплые кацавейки» и «вечерний самовар»... Лиза в «Записках из подполья», Настенька из «Села Степанчиково и его обитателей», Соня Мармеладова, Софья в «Подростке» и Софья-нигиноша в «Бесах»... Все эти «сёстры милосердия» приходят на смену «женщине-матери» и «женщине-жене», изобилие сменяется нищетой, семейный дом — неприютностью по углам и каморкам, семейные связи и традиции — «случайным семейством» и даже тёплые «дворянские гнёзда» — «скворечниками».

Самопожертвование Дуни Раскольниковой в романе тоже связано с подвигом христианского мученичества, не случайно об этом говорит, хотя и иронично, Свидригайлов: «Знаете, мне всегда было жаль, с самого начала, что судьба не дала родиться вашей сестре во втором или третьем столетии нашей эры... <...> Она, без сомнения, была бы одна из тех, которые претерпели мученичество, и уж, конечно бы, улыбалась, когда бы ей жгли грудь раскалёнными щипцами. Она бы пошла на это нарочно сама, а в четвёртом и в пятом веках ушла бы в египетскую пустыню и жила бы там тридцать лет, питаясь кореньями, восторгами и видениями. Сама она только того и жаждет, и требует, чтобы за кого-нибудь какую-нибудь муку поскорее принять, а не дай ей этой муки, так она, пожалуй, и в окно выскочит» (т. 6, с. 365). Гордая и самоуверенная, темпераментная и великодушная, она, конечно, отличается от кроткой мученицы Сони. Но обе они, как и многие другие героини Достоевского, далеки от «перинного начала» как составляющей женственности. Её «продолжениями» в последующих произведениях писателя (ср. Аглаю в «Идиоте», Катерину Ивановну в «Братьях Карамазовых» и др.) также оказываются женщины, «неукоренённые в быту» и семье... А все героини Достоевского — и кроткие, и гордые, и «институтки», и «юродивые» — по идейному замыслу Достоевского связаны с христианством. Оценка и самооценка женщины в его художественном пространстве происходит именно в плоскости христианской аксиологии. Это не только определило подходы к анализу женских

образов, но и сформировало определённый стереотип, традицию в восприятии женских персонажей в Достоевистике. Может быть, именно этим определяется комментарий Б.Н.Тихомирова к образу «трёхрыбного основания мира», так как происходит экстраполяция устоявшегося принципа восприятия героини даже на тот образ, который лежит за пределами христианского мироощущения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Цит. по: Чехов А.П. Собр. соч.: В 30 т. — М.: Наука, 1986. — Т. 10. — С. 412.
- ² Там же. — С. 412.
- ³ ДОСТОЕВСКИЙ Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. — Л.: Наука, 1972. — Т. 6. Далее все ссылки на художественный текст даются на это издание с указанием тома и страницы.
- ⁴ ПУШКИН А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. — Т. 5. — С. 51—52.
- ⁵ Там же. — С. 33.
- ⁶ ТЕРЦ Абрам. Прогулки с Пушкиным. — Париж: Синтаксис, 1989. — С. 13—14.
- ⁷ ГОГОЛЬ Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. <http://rvb.ru/gogol/02comm/0030.htm>. С. 699. // Воспроизводится по изданию: Н.В. Гоголь. Полн. собр. соч.: В 14 т. — М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. — Т. 2.
- ⁸ ГОНЧАРОВ И.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. — СПб.: Наука, 1997. — Т. 6. Обломов: Роман в четырёх частях. Примечания. — 2004. — С. 406. — Электронный ресурс: <http://www.feb-web.ru/feb/gonchar/texts/gon97/g06/g06-005-.htm>
- ⁹ ГОНЧАРОВ И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. — СПб.: Наука, 1997 — Т. 4. Обломов: Роман в четырёх частях. — 2004. — С. 296. — Электронный ресурс: <http://feb-web.ru/feb/gonchar/texts/gon97/g04/g04-005-.htm>
- ¹⁰ Там же. — С. 383.
- ¹¹ Там же. — С. 316.
- ¹² Там же. — С. 472.
- ¹³ ЧЕХОВ А.П. Собр. соч.: В 30 т. — М.: Наука, 1986. — Т. 10. — С. 103.
- ¹⁴ Там же. — С. 104.
- ¹⁵ МЕЛЬНИК В.И. И.А.Гончаров и Ф.М.Достоевский // Вестник славянских культур. — Вып. № 15. — Том 1. — 2010. — С. 51—63. — С. 56.
- ¹⁶ ТИХОМИРОВ Б.Н. «Лазарь! Гряди вон». Роман Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. — С. 216.
- ¹⁷ Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. / гл. ред. С.А.Токарев. — М.: Рос. Энциклопедия, 1994. — Т. 2. К—Я. — С. 350.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ ОРНАТСКАЯ Т.И. Достоевский и Гончаров // И.А.Гончаров: матер. конф. — Ульяновск, 1992. — С. 105—114.
- ²⁰ МЕЛЬНИК В.И. И.А.Гончаров и Ф.М.Достоевский // Вестник славянских культур. — Вып. № 15. — Том 1. — 2010. — С. 51—63. — С. 56.
- ²¹ Там же. — С. 55.
- ²² Там же. — С. 56.
- ²³ КАРДАПОЛЬЦЕВА В.Н. Женские лики России. — Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2000. — С. 55.

Чжан Юйвэй —

аспирант Пекинского педагогического университета, Пекин, КНР; стажёр МГУ им. М.В. Ломоносова
kesainiya16@yandex.ru

ФЕНОМЕН БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО БЫТИЯ В РАННИХ РАССКАЗАХ Б.К.ЗАЙЦЕВА

Аннотация. В данной работе на материале ранних рассказов Б. Зайцева «Волки», «Мгла», «Земля», «Океан» исследуется проблема бессознательного бытия человека в мире. Раскрывается метод импрессионизма, использованный для воплощения этого явления, при этом делается акцент на пантеистическом мироощущении писателя в этот период.

Ключевые слова: Б. Зайцев, импрессионизм, пантеизм, бытие.

Abstract. The material of V.Zaitsev's early stories "Wolves", "Mist", "Earth", "Ocean" is used to explore the problem of the unconscious being of man in the world. The method of impressionism, used for the embodiment of this phenomenon, is disclosed and emphasis is placed on the pantheistic attitude of the writer during this period.

Keywords: B.Zaitsev, impressionism, pantheism, being.

Б.К.Зайцев в своём позднейшем признании уверенно констатировал: «...я начал с импрессионизма» [3, с. 587]. Конечно, важно понять, что он подразумевал под словом «начал», поскольку даже в самых ранних его работах: «Волки», «Земля», «Мгла» и др. — заметны экспрессионистские и мистические элементы, которые со временем приобретают всё больший вес (например, в рассказах «Чёрные ветры» или «Аграфена»). И всё же бессознательное существование мира, для воплощения которого он и избрал импрессионизм, наиболее отчётливо проявлено в самых первых произведениях писателя. И именно это бросилось в глаза критикам и позволило им выделить этого художника среди всей молодой «поросли» нового столетия.

С описания Хаоса, неотделимости человека от природного мира, неотличимости человека от животных (предельно показательно имя Лисичка, которое носит молодая женщина в рассказе «Миф»), одинаково ощущающих свою обречённость перед лицом Вечности, начал свой творческий путь писатель Б.К. Зайцев. Он явно хотел художественными средствами выразить своё убеждение в том, что существование человека равнозначно всему природному, его индивидуальность вторична, важно только бессознательное растворение в мироздании, окружающем живые существа, где царят поля, земля, океан, мгла, небо, тьма... Точно выразил это состояние А. Горнфельд: Зайцев «сливает людей с природой, в человеке оттеняет его подсознательную стихийность, в стихийной природе чувствует сознание» [1, с. 197]. И эту зыбкость, мерцание, перетекание лучше всего передаёт импрессионизм, заставляющий расплываться очертания предметов, погружающий их в туманную атмосферу. Ведь импрессионизм — это способность «запечатлеть мимолётное впечатление от быстро текущей, постоянно меняющейся жизни» [6, с. 252]. И действительно, в ранней прозе Зайцева очень ярко проявляются эмоциональные элементы, зыбкие ощущения, теряющие очертания предметы, за которыми мы угадываем размышление самого писателя о бытии человека в мире.

В описании голода, холода и бесконечного одиночества стаи волков перед лицом Вечности («Волки», 1901) предстаёт все-

Б.Зайцев начал писать в 17 лет. Первая публикация (рассказ «В дороге») состоялась в 1901 году

властное, стихийное начало, когда поля буквально «поглощают» животных. Оно столь мощно, что вынуждает волков одичать, перестать поддерживать друг друга: «Волки стояли кучей вокруг старика. Куда он ни оборачивался, везде видел острые морды, круглые, блестящие глаза. <...> И прежде чем старик успел разинуть рот, он почувствовал что-то гжучее и острое пониже горла, мелькнули на вершок от лица чьи-то жёлтые, невидящие от ярости глаза» [2, с. 34]. Если перевести то, что с ними происходит, на человеческий язык, то можно сказать, что волки начинают сомневаться в «дружбе», перестают «доверять» своим «товарищам», готовы их зарыть. Но в том-то и дело, что Зайцев не очеловечивает волков, а импрессионистическими способами передаёт их эмоциональное состояние на уровне страхов, чувства холода, боли: они ощущали, что «пустыня действительно ненавидит их», «погубит их», что «она разлеглась, беспредельная, повсюду и зажмёт, похоронит их в себе. Их брало отчаяние» [2, с. 33].

Тем не менее тождество человека и животных, человека и природы, о чём очень точно сказал А. Горнфельд, должно быть

осмыслено в духе «панпсихизма», то есть именно присутствия Духа во всех мировых явлениях. В сущности, это тождество отличается от метафор поэтов, которые являются лишь олицетворениями ведь поэты «пользуются метафорами, но не верят в них; верит в них то мифическое мировоззрение, которое имеет только один способ объяснения: одухотворение» [1, с. 197].

В этом рассказе волков окружает бесконечная пустыня, природа беспощадна и равнодушна к свершившемуся убийству одного из них. Она относится с безразличием к подступающей смерти. Её ничто не может разжалобить: ни холод, ни страдания, ни смертельная рана. И это обезоруживает стаю. Волкам ничего не остаётся, как принять свершающуюся судьбу: дать полям «поглотить» себя. Но за таким исчезновением представителей животного мира прочитывается и приговор Зайцева человеку. То же будет и с человеком. Он уйдёт в никуда, исчезнет бесследно, ведь для Зайцева «соприродность всего существующего на земле (а не только феноменов, обладающих духом, душой, физиологией)» [5, с. 48] неоспорима.

Выдвинутый тезис ещё более способен подтвердить рассказ «Мгла» (1904), в котором на первый взгляд есть сюжет: рассказана история охоты на волков. Никто не сомневается, что победа будет на стороне человека. Однако, возвращаясь домой с убитым волком, лирический герой (недаром он безымянный), глядя на бездонное небо, погружается в раздумье и объединяет себя с мёртвым зверем (здесь важно, что не только человек и зверь оказываются едины в своём чувстве, но и живое и мёртвое тела сливаются в одно страдающее от одиночества и заброшенности существо): «...оба мы одинаково ничего не видели там и не могли ничего увидеть и понять. Глухая страшная ночь чернела вокруг нас и над нами, и было всё равно, смотреть ли вверх, вниз или ещё куда. Всё вокруг было одинаково непонятно и враждебно нам» [4, с. 24]. Перед лицом Вселенной, неизвестного космоса человек и волк одинаково не способны отыскать смысл и обнаружить закономерности бытия, на них обращён взгляд равнодушного мира: «...неподвижное лицо Вечной ночи с грубо вырубленными, сделанными как из камня огромными глазами, в которых я прочёл бы спо-

койное, величавое и равнодушное отчаяние» [4, с. 24]. Здесь очень важна заглавная буква в эпитете — Вечная. Ею Зайцев хочет подчеркнуть беспомощность всего живого перед некими непознаваемыми и непостижимыми законами мироздания.

Общее положение человека и всего живого в мире у Зайцева в этот период — беззащитность и безысходность. Сознание человека ничего не способно изменить в его существовании. Он бессилён перед всеобщей обречённостью. Таким образом, утверждается равенство сознательного и бессознательного. Наглядно «сформулировано» это положение в рассказе «Земля» (1902). Два мордвина (возможно, неслучайно знаковыми персонажами повествования Зайцев избирает представителей популярической человеческой общности) повторяют, дублируют «тень других десятков и сотен мордвов, появлявшихся рядами из земли и безмолвно сходявших в неё» [4, с. 11]. Они неотличимы и друг от друга, хотя разнятся по возрасту (отец и сын), и похожи на кого-то третьего. Они «мякинные люди», отовсюду «вылезает» из них то, что получается при молотье хозяйственных растений: обломки колосьев, плёнок колосков, обрывков (мякина «росла вместо бороды на лицах, выглядывала из узеньких жёлтых глазок» [4, с. 11]). И естественно поэтому, что вскоре они возвращаются к этим колоскам, растворяются в полях спелой ржи, не оставляя

после себя никакого следа: «...они опять вернулись внутрь природы и земли, которая произвела их». Они идут «безостановочно», зарываются «всё дальше и дальше в глубь хлебов, мира, первобытности, эпоса». И в 17 конце концов хлеба их «совсем поглотили» [4, с. 12]. Очень важно это слияние живых человеческих тел и растений. Для Зайцева они представители одной и той же первозданности мира.

Так же и мужчина, и женщина в романтической аллегории «Океан» (1905) исчезают в бескрайней стихии воды моря. Они своими историями (неудачной любовью, несложившейся жизнью) оказываются связаны с океаном, «гигантским, лежащим солнцем» [4, с. 26]. Здесь очень важна зеркальность явлений, их «взаимозаменяемость»: океан — то же, что и солнце. Мужчина в лодке исчез «в однообразии вод» моря, женщина бросилась с обрыва вниз в «тёмный, пламенный океан», но ничего не изменилось под небесным светилем, «хотя некоторые родились, иные умерли» [4, с. 28, 30]. Так совершился круговорот, ознаменовавший определённый цикл бытия: кто-то пришёл, кто-то ушёл, первоначальное равновесие природных явлений осталось прежним. Так было и так будет продолжаться вечно. Личная драма и даже трагедия человека не способны изменить этого постоянства.

Отметим важную функцию пейзажа в воплощении концепции круговорота жизни

у Зайцева. Л. Усенко в своей работе «Импрессионизм в русской прозе начала XX века» подчеркнул: «...у Бунина пейзаж — устойчивый и неизменный признак национального среднерусского быта и уклада. У Зайцева за пейзажем — вечный жизненный круговорот» [7, с. 184]. В упомянутом рассказе на равных с человеком выступают звёзды, цветы, находящиеся во власти океана. Звёзды выходят из-за горизонта и «проходят свой постоянный путь и погружаются в океан, из которого вышли. Таково восхождение и неизменное обручение звёзд» [4, с. 30]. Цикламены растут на склоне, под океанскими ветрами «во времена благословляющей ночи», они «радостно дремлют и благоухают», а когда Злобный пламенный бог (так Б. Зайцев именует солнце) потрясает землю, они безмолвно понижают головой. Но их существование в мире полностью зависит от океана: ведь их корни находятся «во влажной земле, покоящейся и питаемой океаном» [4, с. 29-30]. С одной стороны, цикламены представляют «вечную красоту природы» [7, с. 179], с другой — как «открытая взорам светил» [4, с. 30] тварь — они символизируют жизнь человека — изменчивую, «кратковременную» и обречённую на печаль от «несбывшихся желаний» [7, с. 179]. В итоге океан властвует над всем сущим. Таким образом, художественный метод импрессионизма, то есть мгновенный «набор» впечатлений, обогащается пантеистическим мироощущением, благословляющим всё живое на земле.

На основании проанализированного материала можно сделать вывод, что в ранних рассказах Б. Зайцева воплощён феномен бессознательного бытия, выраженный с помощью импрессионистических элементов. Перед лицом Вселенной человек и животные, человек и другие природные существа одинаково переживают страх, беззащитность и безысходность. Всем им уготовано поглощение мощной стихией, исчезновение в круговороте природы, что и становится доказательством пантеистического мировоззрения Зайцева в этот период.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГОРНФЕЛЬД А. Лирика космоса // Зайцев Б.К. Собр. соч.: В 11 т. — М.: Русская книга, 2001. — Т. 10. — С. 196—202.
2. ЗАЙЦЕВ Б.К. Собр. соч.: В 5 т. — М.: Русская книга, 1999. — Т. 1.
3. ЗАЙЦЕВ Б.К. Собр. соч.: В 5 т. — Т. 4.
4. ЗАЙЦЕВ Б.К. Собр. соч.: В 11 т. — М.: Русская книга, 2000. — Т. 8.
5. МИХАЙЛОВА М.В. Неореализм: стиливые искания // История русской литературы Серебряного века (1890-е — начало 1920-х годов): В 3 ч. — М.: Юрайт, 2017. — Ч. 1. Реализм. — С. 41—77.
6. ПЕТРОВЕЦ Т.Г. Энциклопедия импрессионизма и постимпрессионизма. — М.: Олма-пресс, 2000.
7. УСЕНКО Л.В. Импрессионизм в русской прозе начала XX века. — Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1988.

Б.А. Смирнов-Русецкий. Плывут облака. 1966

ЛИЛЕЕВА Анна Георгиевна —

кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка для иностранцев филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова
Anna_lileeva@mail.ru

К ИСТОРИИ НАЗВАНИЯ РОМАНА БОРИСА ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»: ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье говорится о стратегии представления художественного текста на занятиях «Русский язык как иностранный» и о семантической значимости названия художественного произведения. Комментируя название романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго», культурный компонент значения слов доктор, живой, живаго, историю возникновения названия, можно понять замысел романа и своеобразие стилистической манеры автора в целом. Предлагаемый материал может быть использован в школе.
Ключевые слова: художественный текст, интерпретация, роль заглавия, специфика поэтического слова, лингвострановедение.

Abstract. The article describes the strategy for presenting an artistic text in the classes of “Russian as a Foreign Language” and semantic significance of the title in a work of art. Commenting on the title of the Boris Pasternak’s novel “Doctor Zhivago”, the cultural component of the meaning of the words doctor, alive, the history of the title, we can understand the novel’s intent and the originality of the author’s stylistic manner as a whole. The proposed material can be used in school.

Keywords: artistic text, interpretation, role of the title, specificity of the poetic word, linguo-culturology.

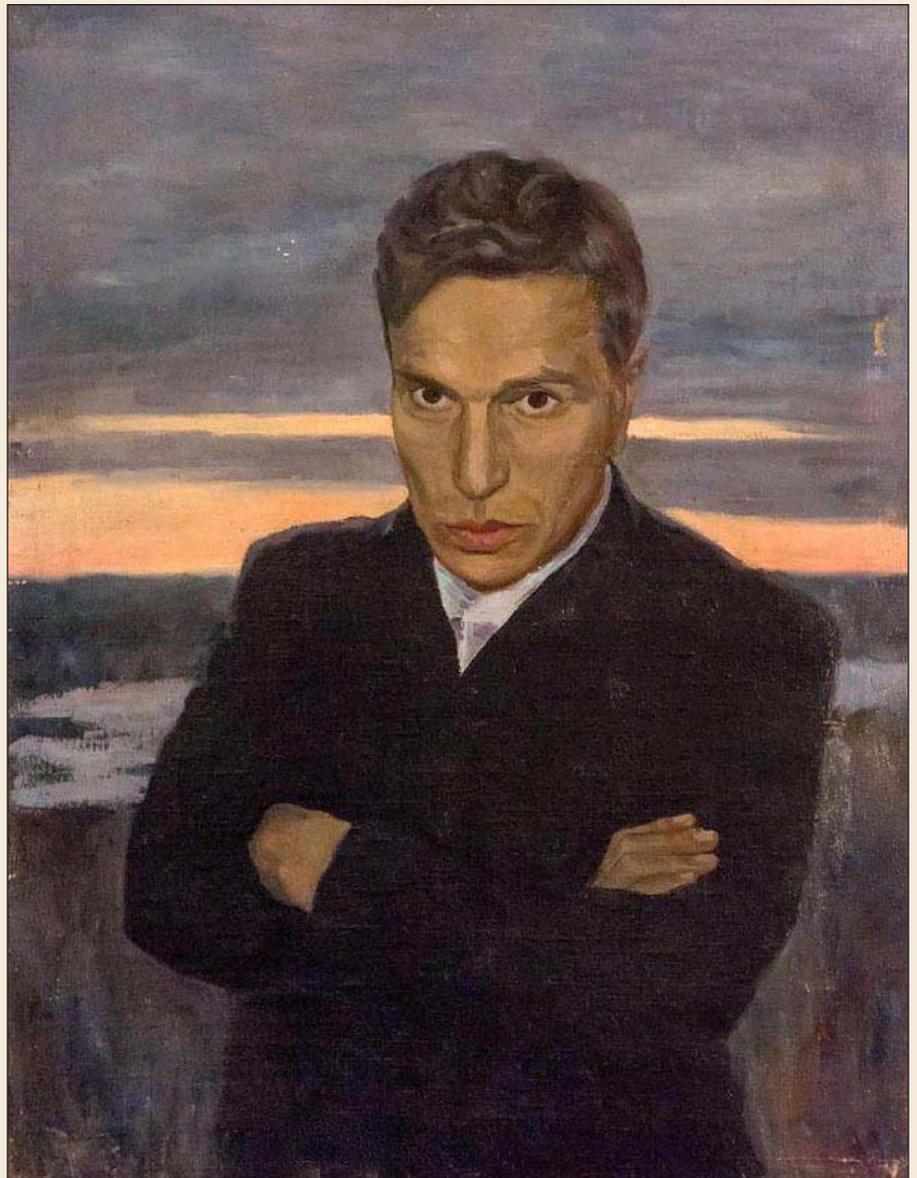
Роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго» является одним из ключевых романов русской литературы XX века. Он вызывает неизменный интерес исследователей [Иванов, 2015; Тюпа, коллектив авторов, 2014], читателей, русских и иностранных учащихся. Роман входит в учебные планы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова («История русской литературы XX века») и в план лекционно-практических занятий для иностранных магистрантов («Язык русских писателей начала XX века») [Магистерская программа, 2015]. Но ограниченность учебного времени и рамки занятий вынуждают знакомиться с романом фрагментарно. Перед преподавателем стоит непростая методическая задача выбора фрагмента художественного текста для интерпретации и стратегии его представления на занятии по русскому языку как иностранному. Короткий фрагмент должен предоставить учащимся возможность, как в капле воды, увидеть структуру всего романа и особенности его стиля.

Роман «Доктор Живаго» относится к романам особого типа, исследователи до сих пор спорят о своеобразии жанра романа: что это — роман или развёрнутое на сотни страниц стихотворение?

В данном споре мы выбираем позицию тех авторов, которые сближают язык романа с языком поэзии Бориса Пастернака. Стихи и проза поэта существует по одним и тем же законам. «Он (Пастернак) объединил поэзию и прозу как единое искусство слова» [Лихачёв, 1989: 26].

Поэтический язык в художественном мире романа Бориса Пастернака — единственный инструмент создания смыслов и образов. В процессе словесного творчества «соотношение сил, управляющих творчеством, как бы становится на голову. Первенство получает не человек и состояние его души, которому он ищет выражение, а язык, которым он хочет его выразить» [Борис Пастернак, 1989: 328]. И если мы поймём поэтические смыслы, возникающие в словах названия романа «Доктор Живаго», мы сможем приблизиться к пониманию замысла автора.

Как известно, в структуре художественного произведения заглавие обладает высокой сте-

В.Д.Авдеев. Портрет Бориса Пастернака. Чистополь. 1942—1943

пенью семантической значимости. «Обычно заглавие произведения, будучи элементом его композиции, служит своеобразным авторским ключом к его художественному миру» [Поэтика

«Доктора Живаго» в нарратологическом прочтении, 2014:18]. Можно утверждать, что название романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго», которое совпадает с именем главно-

го героя, заключает в себе дополнительные художественно-философские смыслы. Комментируя название романа «Доктор Живаго», культурный компонент значения слов *доктор*, *живой*, *живаго*, историю возникновения названия, можно понять своеобразие стилистической манеры автора и дать ключ к пониманию литературного произведения в целом.

Специфика идиостиля романа — сосуществование в нём на равных «бытового» и «бытийного» дискурсов. Эта черта стиля проявляется на словесном и образном уровнях поэтических и прозаических частей романа Бориса Пастернака [Аверинцев, 1990; Иванов 2015; Лилеева, 2011; Седакова, 2002]. Размышляя о значимости, новизне евангельских текстов, один из героев романа, Николай Николаевич Веденяпин, говорит: «До сих пор считалось, что самое важное в Евангелии — нравственные изречения и правила, заключённые в эпизодах, а для меня самое главное то, что Христос говорил притчами из быта, поясняя истину светом повседневности. В основе этого лежит мысль, что общение между смертными бессмертно и что жизнь символична, потому что она значительна» [Пастернак, 1989: 43]. Эти слова в равной мере относятся и к содержанию, и к повествовательной манере романа «Доктор Живаго». Роман создан в той же повествовательной манере, в которой написано Евангелие. Две стратегии повествования — символическая и повседневная, бытовая и бытийная — сосуществуют в романе на равных, «просвечивая» одна сквозь другую.

Борис Пастернак не сразу выбрал название романа. Варианты названия были: «Мальчики и девочки»; «Свеча горела»; «Рыньва» (река, раскинутая настежь); «Смерти не будет». Последний вариант — «Доктор Живаго» — появился к осени 1946 года, через год после окончания Великой Отечественной войны, принёсшей неисчислимо количество смертей, когда стремление к жизни было самым пронзительным чувством времени. В этом названии сохранились отголоски названия первоначальной, 1936 года, прозы Пастернака «Записки Патрика Живульта».

По свидетельству писателя В.Шаламова, Борис Пастернак так объяснял выбор фамилии для своего главного героя: «Фамилия героя романа? Это история непростая. Ещё в детстве я был поражён, взволнован строками из молитвы церковной православной церкви: «Ты есть воистину Христос, сын Бога Живаго». Я повторял эту строку и по-детски ставил запятую после слова «Бога». Получалось таинственное имя Христа «Живаго». Но не о живом Боге думал я, а о новом, только для меня доступном его имени «Живаго». Вся жизнь понадобилась на то, чтобы это детское ощущение сделать реальностью — назвать этим именем героя моего романа. Вот истинная история, «подпочва» выбора. Кроме того, «Живаго» — это звучная и выразительная сибирская фамилия (вроде Мертваго, Веселаго). Символ совпадает здесь с реальностью, но не нарушает её, но противоречит ей» [Пастернак, 2005, т.11: 645]

Необходимо подчеркнуть, что эта форма «Христос — сын Бога Живаго» встречается не в каждой молитве и не во множестве молитв, а в одной-единственной молитве — молитве перед самым мистическим таинством в Русской православной церкви — причастием, в котором верующий должен участвовать хотя бы один раз в неделю. И значит, каждую неделю верующий человек слышит эту форму «Ты еси воистину Христос, Сын Бога Живаго...», которая, оставаясь символически и литургически значимой, в силу своей еженедельной повторяемости превращается для носителя православной культуры в слово с привычным, почти повседневным значением.

В современном русском языке прилагательное «живой» вступает в привычные связи с существительными, реализуя своё прямое (повседневное) и переносное (символическое) значение.

Живой человек (не мёртвый).

Живой ребёнок (подвижный).

Живой характер (активный).

Живое слово (художественное, выразительное, обладающее силой воздействия, индивидуальное).

Живой ум (способный воспринимать что-то новое, неожиданное).

Живая вода (в сказках — обладающая силой воскрешения героев).

Живая жизнь (здоровая, активная, наполненная событиями, творческая, свободная, антитеза живой жизни — жизнь, подчинённая схемам и механически повторяемая, как ритуал).

В христианской традиции и в богословии *живой* — связанный с животворящей силой Бога. Живое слово, живая вода, живая жизнь — *слово, жизнь и вода*, наполненные силой Божьей. Например, эпизод встречи Христа и самаритянки у колодца, где Христос новое учение сравнивает с живой водой; в богословии так и называется «Притча о живой воде» (Евангелие от Иоанна). Живой Бог — Бог воочеловечившийся, воплотившийся.

То есть сама форма слова *Живаго* (Живаго — родительный падеж от слова *живой* в церковнославянском языке), его этимология и значение дают возможность толкования его как слова с повседневной и литургической семантикой одновременно.

В самом тексте романа фамилия Живаго возникает на первых страницах и сразу же в своих двух формах: символической и буквальной, бытовой, повседневной.

1. «Прохожие пропускали шествие, считали венки, крестились. Любопытные входили в процессию, спрашивали: «Кого хоронят?» Им отвечали: «Живаго». «Вот оно что. Тогда понятно». — «Да не его. Её». — «Всё равно. Царствие небесное. Похороны богатые» [Пастернак, 1989:15].

В этих словах, безусловно, звучит аллюзия на слова ангелов, обращённые к женщинам, которые пришли ранним утром в субботу к Гробу Господню, чтобы похоронить Его: «Вдруг предстали перед ними два мужа в одеждах блистающих. И когда они (женщины) были в страхе и склонили лица свои к земле, сказали им: что вы ищите живаго (живаго)

между мёртвыми? Его нет здесь...» [Евангелие от Марка, 24].

2. А через несколько страниц читатель встречает фамилию Живаго в контексте рассказа о повседневности: «Маленьким мальчиком он (Юра) застал ещё то время, когда именем, которое он носил, называлось множество саморазличнейших вещей. Была мануфактура Живаго, банк Живаго, дома Живаго, способ завязывания и закалывания галстука булавкою Живаго, даже какой-то сладкий пирог круглой формы, вроде ромовой бабы, под названием Живаго, и одно время в Москве можно было крикнуть извозчику «к Живаго!», совершенно как «к чёрту на кулички!», и он уносил вас на санках в тридцатое царство, в тридевятое государство» [Пастернак? 1989, 16].

«Контекст повседневности», возможно, основан на исторических воспоминаниях автора романа, а фамилия героя романа (отца Юрия Живаго) имеет некоторые исторические корни. Можно предположить, что фамилия Живаго не просто «звучная и выразительная сибирская фамилия», как рассказывал Борис Пастернак Варламу Шаламову, а также и московская фамилия или фамилия, которая была достаточно популярна в Москве начала XX века. Так, эту фамилию, например, носила известная купеческая семья из Рязани, чей магазин находился в Москве на Тверской улице в доме № 12. Как любой магазин, существующий уже много лет, магазин Живаго имел подobaющую вывеску с именем владельца «Живаго. Офицерские и гражданские вещи. Дорожный и спортивный отделы». В детстве и юности семья Пастернака жила в центральной части Москвы, и Борис Пастернак мог много раз проходить мимо этого магазина по пути в университет, в консерваторию или в гости к сёстрам Синяковым, поселившимся на Тверском бульваре в доме № 9. Об этом доме и квартире Пастернак вспоминает в «Охранной грамоте» [Сергеева-Кляйтис, Смолицкий, 2009: 362].

Название магазина и фамилию владельца магазина можно было прочитать и в рекламе. Например, на программке балета «Конёк-Горбун, или Царь-девица» (волшебный балет в 4 действиях и 11 картинах. Музыка Цезаря Пуни), который давался в Большом театре в сезон 1914—1915 годов, на странице, где объясняется содержание третьего акта балета. Премьера балета состоялась в Большом театре 12 декабря 1914 года, спектакль стал ярким театральным событием сезона. Декорации к балету делал художник Константин Коровин. Борис Пастернак мог быть на балете, мог читать программу, и фамилия Живаго могла промелькнуть рядом с множеством других слов либретто (рис. 1).

Владелец магазина — тверской купец Сергей Афанасьевич Живаго (1794—1866) — и его потомки имели в Рязани «Банк Живаго» (до 1918 года), а в Москве мануфактуру — «Фабрику по производству офицерского и гражданского обмундирования», названную в документах «волочиной, меди позолоченной, посеребрённой и эполетной», и магазин, где продавалась продукция фабрики [Сайт, посвя-

щённый истории Рязани, <http://rounb.ru/kraeved/ryazan-region/daty/1915/>.

Родной брат Сергея Афанасьевича Живаго Семён Афанасьевич Живаго (1805—1863) был академиком, профессором исторической живописи, известным своими полотнами на библейские темы. С.А.Живаго участвовал в росписи Исаакиевского собора. Он был автором эскизов мозаики «Тайная вечеря» и росписи «Моление о чаше» третьего яруса главного иконостаса Исаакиевского собора. В настоящее время работа «Моление о чаше», выполненная Семёном Живаго, — один из наиболее известных и цитируемых образов на эту тему (рис. 2).

«Моление о чаше» в Гефсиманском саду — ключевой сюжет романа, тема и содержание первого и последнего стихотворений Юрия Живаго «Гамлет» и «Гефсиманский сад».

*На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо прonesи.*

(«Гамлет»)

*Ночная даль теперь казалась краем
Уничтоженья и небытия.
Простор вселенной был необитаем,
И только сад был местом для житья.*

*И, глядя в эти чёрные провалы,
Пустые, без начала и конца,
Чтоб эта чаша смерти миновала,
В поту кровавом Он молил Отца.*

(«Гефсиманский сад»)

Вряд ли Борис Пастернак знал имена и фамилии всех художников, участвовавших в росписи Исаакиевского собора, но фамилия эта могла попадаться ему в книгах по искусству, которые выписывал его отец, известный художник и профессор Училища живописи, ваяния и зодчества. Живопись главенствовала в доме Бориса Пастернака в детстве. Александр Пастернак, брат поэта, пишет в своих воспоминаниях: «Над всем доминировала живопись. <...> Всё было подчинено живописи — участок, здание, квартира и мы сами! <...> Всё происходящее осенял, как громадными крылами, мир Живописи. А музыка, которая так решительно действовала на наше развитие и с нами срасталась, без которой я вдвойне стал сиротой, признавалась всем ходом нашей жизни и этими могущими крылами лишь как дополнение. Всеми придатками этих крыл — вроде периодического появления у нас когонибудь из библиотечных служителей или швейцаров, нагруженных кипой фолиантов по искусству. <...> [Александр Пастернак, 2005: 6].

Мог Борис Пастернак эту фамилию также услышать и запомнить, гуляя по Петербургу в свои гимназические каникулы: «Гимназистом третьего или четвёртого класса я по бесплатному билету, предоставленному дядей, начальником петербургской товарной станции Николаевской железной дороги, один ездил в Петербург на рождественские каникулы. Целые дни я бродил по улицам бессмертного го-

рода, точно ногами и глазами пожирая какую-то гениальную книгу...» [Пожизненная привязанность, 2000:8].

Интересно, что в исторической повседневности конца XIX и начала XX века фамилию Живаго носили два человека, представляющие две сферы человеческой деятельности — практическую и художественную. Таким образом, фамилия Живаго оказывается связанной с двумя культурными кодами: с бытовым (фабрикант и банкир Живаго) и бытийным, символическим (Живаго — художник).

Не стоит утверждать (для этого нет достаточных аргументов), что во время написания романа Борис Пастернак был знаком с историей купеческой семьи Живаго, но, безусловно, эта фамилия могла сохраниться в детской и юношеской памяти поэта, так же как и слова причастной молитвы «к Богу Живому». А потом «всплыть в памяти» через много лет, как «всплыл в памяти» Юрия Живаго через много лет образ свечи, увиденной им в Камергерском переулке. Этот образ лёг в основу ключевого стихотворения романа — «Зимняя ночь». Возможно, что точно так же всплыли в памяти Бориса Пастернака детские, давно забытые впечатления: вывеска магазина, реклама магазина, имя владельца — Живаго и фрески Исаакиевского собора, имя художника — Живаго — и превратились в фамилию и заглавие романа «Доктор Живаго». Ставить равенство между процессом творчества вымышленного героя и реального автора нам позволяют неоднократные ссылки самого Бориса Пастернака и исследователей его творчества на то, что Борис Пастернак отдал своему герою свои чувства и мысли. В письме к Ольге Фрейдберг от 13 октября 1946 года Борис Пастернак писал: «...эта вещь будет выражением моих взглядов на искусство, на Евангелие, на жизнь человека в истории и на многое другое. Роман пока называется "Мальчики и девочки". Атмосфера вещи — моё христианство, в своей широте немного иное, чем квакерское и толстовское, идущее от других сторон Евангелия в придачу к нравственным. Это всё так важно и красота так впадал ложится в задуманные очертания, что я не протяну и года, если в течение его не будет жить и расти это моё перевоплощение, в которое с почти физической определённой переселились какие-то мои внутренности и частицы нервов» [Пожизненная привязанность, 2000: 286].

Дмитрий Лихачёв, подчёркивая жанровое своеобразие романа «Доктор Живаго», писал: «Перед нами вовсе не роман, а род автобиографии самого Пастернака — автобиографии, в которой удивительным образом нет внешних фактов, совпадающих с реальной жизнью автора. И тем не менее автор (Пастернак) как бы пишет за другого о самом себе. Это духовная автобиография Пастернака, сбивающая неопытного читателя с толку своим тяготением к лирической поэзии. <...>. Пастернак пишет о себе как о постороннем и придумывает себе жизнь, в которой он мог бы вывести себя перед читателем с наибольшим раскрытием своей внутренней жизни» [Лихачёв, 1989].

Роман «Доктор Живаго» — это одновременно и притча о судьбе русского интеллигента, поэта доктора Живаго, и инобытие русского Бога Живаго, а также — «лирический дневник» автора романа, написанный его героем. Автора и героя романа объединяют не только историко-биографические совпадения жизни (которых немного), а прежде всего манера думать, чувствовать и выражать свои мысли в поэтической форме.

История возникновения названия романа «Доктор Живаго» — убедительный пример того, что любой художественный текст — это, с одной стороны, жёстко организованная самодостаточная система, в которой главенствует язык и его законы, а с другой — это часть духовной культуры общества и языка, на котором он написан, а также отражение «личной истории» автора [Иванов, 2015: 194]. Художественный текст входит в системные связи разного уровня как со словесными текстами культуры, так и с широким контекстом других видов искусств. Понять художественный текст — значит прокомментировать эти связи.

ЛИТЕРАТУРА

1. ПАСТЕРНАК. Л.Б. Полн. собр. соч.: В 11 т. — М.: Слово, 2005.
2. ПАСТЕРНАК Б.Л. Доктор Живаго. — М.: Книжная палата, 1989.
3. АВЕРИНЦЕВ С.С. Пастернак и Мандельштам: опыт сопоставления. Известия АН СССР. — Серия литературы и языка, 1990. — № 3 (49). — С. 213—217.
4. БОРИСОВ В.М. Река, распахнутая настежь // Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. — М.: Книжная палата, 1989. — С. 409—429.
5. ИВАНОВ Вяч. Вс. Пастернак. Воспоминания. Исследования. Статьи. — М.: Издательский центр «Азбуковник», 2015. — С. 696.
6. Пожизненная привязанность. — М.: АРТ-ФЛЕКС, 2000. — С. 416.
7. Поэтика «Доктора Живаго» в нарратологическом прочтении. Коллективная монография / Под ред. В.И.Тюпы. М.: Intrada, 2014. — С. 512.
8. ЛИЛЕЕВА А.Г. Б.Пастернак. «Рождественская звезда». Лингвостилистический анализ / Русская словесность, 2011. — № 1.
9. ЛИЛЕЕВА А.Г. Поэзия и проза в романе Б.Л.Пастернака «Доктор Живаго» // Русская словесность, 1997. — № 4.
10. ЛИХАЧЁВ Д.С. Борис Леонидович Пастернак / Вступительная статья к «Стихам» Бориса Пастернака. — М.: 1989.
11. ПАСТЕРНАК А.Л. Из воспоминаний // ПАСТЕРНАК Б.Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. — Т. 11.
12. СЕДАКОВА О. «Неудавшаяся Епифания»: два христианских романа — «Идиот» и «Доктор Живаго» // Континент. — 2002. — № 112.
13. СЕРГЕЕВА-КЛЯТИС А.Ю., СМОЛИЦКИЙ В.Г. Москва Пастернака. — М.: Совпадение, 2009. — С. 527.
14. ШАЛАМОВ В. Пастернак / ПАСТЕРНАК Б.Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. — Т. 11.
15. Сайт, посвящённый истории Рязани и истории купеческого рода Живаго: <http://rounb.ru/kraeved/ryazan-region/daty/1915/>

ПРАНЦОВА Галина Васильевна —

кандидат педагогических наук, профессор кафедры литературы и методики преподавания литературы ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», почётный работник высшего образования РФ
prantsova@list.ru

РОМАНИЧЕВА Елена Станиславовна —

кандидат педагогических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории социокультурных образовательных практик Института системных проектов ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», заслуженный учитель РФ
els-62@mail.ru

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОБУЧЕНИЮ ИТОГОВОМУ СОЧИНЕНИЮ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Аннотация. Рассматриваются методические подходы к обучению сочинению нового типа. Особое внимание уделяется структуре сочинения-рассуждения. Предлагаются задания и упражнения, которые формируют речевые умения учащихся, необходимые для создания аргументационного блока сочинения.

Ключевые слова: итоговое сочинение, сочинение-рассуждение как жанр, аргументированный блок, тезис, аргумент, иллюстрация, речевые умения.

Abstract. Methodical approaches to learning. Particular attention is paid to the structure of the composition-reasoning. Offers reading assignments and exercises that form the linguistic skills.

Keywords: final essay, essay-reasoning as a genre, reasoning block, thesis, argument, illustration, speech skills.

В конце лета учителя-словесники, работающие в выпускных классах, будут с нетерпением ждать объявления направлений тем итогового сочинения, чтобы начать к нему серьёзную подготовку. Но давайте признаем тот факт, что подготовка эта как у учеников, так и у их наставников начинается с поиска того текста, к которому можно обратиться, чтобы написать сочинение. Фактически — с поиска «содержания», которое адекватно теме. Ничего плохого в этом нет, если при этом в круг чтения ученика вводятся новые тесты или предлагается несколько в другом аспекте взглянуть на уже изученное литературное произведение. Если же идёт поиск «универсальных» текстов, которые можно привязать ко всем направлениям, то следующий шаг — это обучение созданию клишированного сочинения. Работа достаточно трудоёмкая (она никому не приносит удовлетворения) и, в общем, бессмысленная и бесцельная. Если же словесник расценивает подготовку к итоговому сочинению нового типа (согласно всем документам, это не сочинение по предмету *Литература*; его функция несколько иная: проверка умения письменно рассуждать на заданную тему, обращаясь в том числе и к художественным текстам [см. подробнее: 1]), то он помогает ученику освоить форму текста-рассуждения и овладеть навыками письма именно в этом жанре. Такая задача вполне адекватна вызову времени: «Способность к уверенной, грамотной, уместной и гибкой коммуникации посредством письма в сегодняшнем мире решающе важна. Можно сказать, что это ключевой механизм адаптации к нарастающей подвижности, пестроте, сложности жизни, стало быть, это инструмент развития индивидов и сообществ, условие полноценной реализации человеческого потенциала —

личного и коллективного» [2, с. 157]. Такое понимание функций письма означает, что обучение ему предполагает не только освоение грамматических правил, стилистических норм и т. п., но и включение пишущего в разного типа социальные практики.

Такой подход к обучению письменной речи порождает «проблему письма». К сожалению, в школе, где начинается (во всяком случае, должно начинаться) обучение письму как коммуникативной практике, по-прежнему господствуют «привычные способы письма-как-пассивного-воспроизведения (с доски, со слов учителя, из учебника), односложного заполнения клеточек в тестах... в ущерб усилиям самостоятельного производства нового знания» [2, с. 159]. Между тем работа учащихся с письменным текстом (чтение и создание своего текста) на всех ступенях обучения должна стать принципиально иной. Возврат школьного итогового сочинения — один из шагов в данном направлении, потому что это сочинение нового типа: сочинение-рассуждение, в котором «выпускник должен сформулировать свою позицию и аргументировать её на основе не менее одного произведения отечественной или мировой литературы по собственному выбору» [1].

Как правило, непосредственная подготовка начинается тогда, когда объявляются направления. На этом этапе надо помогать ученику уяснить, чем будет отличаться тема от направления, а не составлять списки произведений под все направления в целях найти универсальные и желательные небольшие (типа «Судьба человека» М.Шолохова, «Гранатовый браслет» А.Куприна и др.), показывать, опираясь на материалы предыдущих лет (темы по каждому направлению регулярно публикуются на сайте ФИПИ, например), какими могут быть темы, какие проблемы в

их рамках можно выделить и раскрыть, т. е. последовательно учить отличать направление от темы. Навык для современного школьника необходимый. Как показала практика трёх последних лет, готовясь к сочинению по заданному направлению (а фактически только набирая цитаты из текстов), ученик, получив конкретную тему, пишет, опираясь на «свои» наработки, не по ней, а именно по направлению, зачастую даже игнорируя тему.

Справедливости ради надо отметить, что жанру сочинения-рассуждения в школьном литературном образовании уделялось очень мало внимания: как правило, представление о рассуждении ограничивалось знакомством с ним на уроках развития речи по русскому языку. И так было не только в современной школе, так сложилось со времён отмены риторики как учебной дисциплины в школе. Своёобразное «признание» сочинения-рассуждения как жанра письменной работы происходит в лишь в 70-е годы прошлого века, когда стали появляться методические работы Т.А.Ладыженской. Учёный-методист обосновала систему обучения письменной речи в 5—8 классах. Она определила круг теоретических знаний и практических умений, навыков, которыми должен овладеть ученик к концу обучения в основной школе в процессе работы над письменным высказыванием. В предлагаемой системе существенное внимание уделено рассуждению, предложены эффективные виды упражнений для обучения учащихся этому жанру [см. подробнее: 3, 4].

Т.А.Ладыженская выделила три группы текстов сочинений. Сочинение-рассуждение можно отнести ко второй из них, которая методистом определяется так: «Тексты, которые предполагают определённую интерпретацию исходного текста: аннотации, отзывы, рецен-

зии... литературные очерки (эссе)» [4, с. 103].

Однако, несмотря на проявление интереса к сочинению-рассуждению учёных-методистов, методика обучения ему по-прежнему остаётся несовершенной: освоение этого жанра письма происходит до 10 класса на уроках по развитию речи в процессе изучения русского языка, далее к нему практически не обращаются. Вполне естественно, что на таких уроках не учили (и не учат) школьников аргументировать свою позицию на основе «произведения отечественной или мировой литературы по собственному выбору». На уроках литературы, как правило, специальное обучение данному жанру почти не осуществлялось (если не считать работу, например, над темой «Какая(ой) книга (писатель) мне нравится и почему?», всё внимание было направлено на подготовку к традиционному сочинению на литературную тему.

В чём же особенность нового типа сочинения? Какие подходы к обучению ему предлагаются учёными-методистами?

Следует обратить внимание на два пути, о которых говорила Т.А.Ладыженская: «в форме ответа на вопросы, связанные (1) с жизненным опытом учащихся, и на вопросы (2) по прочитанным произведениям» [4, с. 254] и по которым предполагалась работа над сочинением-рассуждением. Эти два пути на школьных уроках так и не сошлись. И если первому из них внимание уделялось на уроках развития речи по русскому языку, то второй — о чём свидетельствует восприятие профессиональным педагогическим сообществом сочинения нового типа так и остался в школьной практике нереализованным ни на одном из этапов литературного образования.

В школе практически никогда не уделялось должного внимания освоению структуры сочинения-рассуждения. Суть текста этого жанра в обосновании истинности какой-то основной мысли (тезиса) другими суждениями (аргументами) [5, с. 251]. При этом доказательство истинности суждения с помощью других суждений невозможно без установления логических связей, без выявления причинно-следственной зависимости между суждениями. Понимание всех этих особенностей сочинения-рассуждения и вызывает основную трудность в овладении жанром современными учениками.

Т.А.Ладыженская отмечает, что цель речевого высказывания и характер смысловых отношений, свойственные рассуждению, определяют его композиционные и языковые особенности. «В любом рассуждении, какой бы путь построения его ни был избран автором (дедуктивный, индуктивный), как правило, имеются три части: часть, содержащая основное положение, мысль, которая будет доказываться; доказательная часть, содержащая аргументы, и, наконец, заключительная часть» [5, с. 263].

В зависимости от характера формулировки темы методист предлагает выделять разные виды рассуждений: «а) рассуждения — прямые ответы на поставленные в теме вопросы (“Какие книги я больше всего люблю

читать и почему?”); б) рассуждения на темы дискуссионного характера (“Прав ли Дубровский, отказавшись от мести Троекурову?”); в) рассуждения на темы, требующие раскрытия понятий (“В чём разница между упорством и упрямством?”)» [5, с. 255]. Это деление и было положено в основу последовательности обучения рассуждению на уроках развития речи в курсе русского языка.

Л.Е.Тумина в какой-то степени продолжает развивать идеи Т.А.Ладыженской: «Рассуждение — функционально-смысловой тип речи с обобщённым причинно-следственным значением, опирающимся на умозаключение. Суть рассуждения в объяснении какого-либо утверждения или в обосновании истинности какой-либо основной мысли (тезиса) другими суждениями (аргументами)» [6, с. 180]. Характеризуя доводы высказывания в жанре рассуждения, методист отмечает, что «в качестве аргументов могут быть использованы различные факты из жизни самого автора; факты, взятые из литературных источников; ссылки на литературу (цитирование); сопоставление фактов; логические умозаключения и пр.» [6, с. 180]. Как видим, в методической науке обращается внимание на использование «фактов, взятых из литературных источников», только почему-то для аргументов, а не для иллюстрации аргументов, как того требует структура аргументационной части сочинения-рассуждения.

Строить обучение сочинениям в созданной учителем речевой среде предлагает И.Ю.Гац. По мнению учёного-методиста, в таком случае обучение «строится в условиях коммуникации и становится деятельным, протекает в процессе общения с учителем, товарищами, в процессе диалога с высокохудожественным текстом» [7, с. 36].

Характеризуя сочинение-рассуждение, И.Ю.Гац отмечает: «Рассуждение — тип речи, где предложения находятся в причинно-следственных отношениях. В тексте в первом абзаце утверждается определённая мысль на основе впечатлений, в последующих абзацах рассказывается, почему он [автор. — Г.Л., Е.Р.] сделал такое предположение, а в пятом подводятся итог» [7, с. 102]. Весьма эффективными приёмом при обучении сочинению-рассуждению методист считает приём редактирования. Редактирование может сопровождаться расширением текста, синонимическими заменами, стилистической правкой.

Можно сказать, что методистами XX века были предложены и описаны многочисленные приёмы обучения сочинению-рассуждению: работа с образцами; коллективное редактирование ученических сочинений; выдвижение тезиса, приведение доказательств, формулирование вывода; поиск в данном сочинении тезиса, доказательства, вывода; развёртывание одного из данных доказательств; добавление к приведённым своим доказательствам; формулирование основной мысли, которая доказывается в приведённом рассуждении; дописывание вывода к данному рассуждению и др. Необходимо отметить, что перечисленные приёмы достаточно эффективны для обучения учащихся на этапе подготовки к итоговому сочинению.

Более того, И.Ю.Гац был разработчик системный подход к обучению сочинениям и изложениям в 5—9 классах (ниже представлен в формате таблицы - см. табл. 1).

Как видно, работа по формированию коммуникативных умений, необходимых для создания сочинения-рассуждения, построена логично, разнонаправленно. Но предложенная система не включает в себя целенаправленную подготовку к итоговому сочинению нового типа. Разумеется, коммуникативно-речевые умения и навыки, сформированные в процессе изучения русского языка, очень важны. Но нужна ещё и работа на уроках литературы (несмотря на то что ФИПИ определяет характер сочинения как метапредметный), чтобы учащиеся овладели умениями писать сочинения публицистического характера, сформулировав свою позицию и аргументировав её «на основе не менее одного произведения отечественной или мировой литературы по собственному выбору».

Системный подход к обучению сочинениям на уроках литературы, который включал бы и обучение тексту-рассуждению, пока не предложен. Но поскольку такое сочинение вынесено на итоговую аттестацию, значит, овладевать секретами жанра, искать эффективные методические пути обучения ему нужно непосредственно в процессе подготовки старшеклассников, обращаясь при этом не только к достижениям частных методик, но и к риторике, поскольку именно там были заложены основы этого жанра, на которых во многом базируется обучение академическому письму в высшей школе.

Таблица 1. Система обучения сочинению-рассуждению

<i>Основное коммуникативное умение — собирать и систематизировать материал</i>	
6 класс	Рассуждение на материале личного опыта по прочитанному произведению
<i>Основное коммуникативное умение — строить высказывания разных жанров</i>	
7—8 классы	Рассуждение на темы дискуссионного характера, на морально-этические темы, а также связанное с анализом литературного произведения
<i>Основное коммуникативное умение — овладение навыками использования изобразительно-выразительных средств; овладение публицистическим стилем речи</i>	
8—9 классы	Рассуждение публицистического характера на общественно-публицистические, морально-этические и историко-литературные темы

Какие же положения риторики, используемые при обучении академическому письму, могут играть важную роль в подготовке учащихся к написанию сочинения-рассуждения?

В первую очередь это положения, связанные с аргументированным письмом. Аргументация рассматривается как логический процесс или форма мыслительной деятельности, направленный на обоснование некоторого высказывания. Всё это говорит о необходимости осуществления аргументации посредством построения определённого рода текста: «Аргументационная речь содержит тезис. Любое число аргументов... Тезисом является высказывание, истинность или ложность которого требуется обосновать посредством других высказываний. Эти высказывания называются аргументами. <...> Аргументационный текст может содержать пояснения, примеры (иллюстрации). Их роль состоит в том, чтобы сделать аргументацию более ясной, интересной, убедительной» [8, с. 52—53].

Относительно тезиса выдвигаются два требования: 1) тезис должен быть ясно сформулирован; 2) в ходе аргументации тезис должен оставаться неизменным. К сказанному можно добавить, что формулировки тезисов бывают разными: простой тезис (например, *читать нужно только произведения классической литературы*), тезис с объяснением (например, *читать нужно только произведения классической литературы, потому что они «проверены временем»*), тезис с уступкой (например, *читать нужно только произведения классической литературы, но в отдельных случаях можно обращаться к текстам современной литературы*), тезис с уступкой и объяснением (*читать нужно только произведения классической литературы, но можно включить в круг своего чтения тексты современной литературы, если их авторы получили какие-то премии, т. е. эстетическая значимость этих художественных произведений признана профессиональными читателями*). Из сказанного со всей очевидностью вытекает приём работы, который мы назвали «переформулировка тезиса»: учащимся предлагается тезис-образец, они должны определить его тип и, отталкиваясь от исходной формулировки, придумать тезисы разных типов. Если первоначально работа идёт с тезисом-образцом, то в дальнейшем выпускники предлагают свои формулировки к разным темам, определяют их тип, обосновывают его, а затем также переформулируют.

От учащегося, который создаёт сочинение-рассуждение, требуется способность генерировать собственные мысли (постоянные упражнения на формулировку тезиса очень этому способствуют) и выстраивать собственную аргументацию, организуя всё это в предельно точной и ясной текстовой форме. Для этого ему необходимо: а) *знать*: основные правила построения рассуждения; отличие рассуждения от текстов других функциональных стилей (описания, повествования); требования, предъявляемые к сочинению-рассуждению; б) *уметь*: логиче-

ски упорядочивать текст и организовывать его элементы; пользоваться речевыми моделями в работе над рассуждением; формулировать тезис и выстраивать текст от него через аргументы к выводам; критически оценивать, отбирать и использовать для иллюстрации информацию из литературных источников; писать логически связный текст; выражать свои мысли ясным и точным языком; в) *владеть*: навыками построения текста на основе речевых моделей; навыками парафраза и цитирования; навыками построения связного текста; навыками использования критериев оценки сочинения-рассуждения в применении к своему и «чужому» тексту (критерии ФИПИ); навыками совершенствования собственного текста; г) *уметь* работать с аргументами: отличать аргумент от другого типа/формата высказывания (например, от объяснения, обобщения, сжатого пересказа), примера, другого материала (например, материала справочного характера). Для закрепления последнего навыка можно предложить упражнение под условным названием «аргумент — не аргумент»: ученикам предлагается прочитать текст, состоящий из нескольких предложений, и обосновать, можно ли считать, что в тексте выдвинут аргумент в раскрытие тезиса. Например, учащимся даётся такое задание: *ученик написал в сочинении по направлению «разум и чувство» (можно указать не направление, а взять пример из конкретного сочинения на конкретную тему): «Влюбившись в полячку, Андрий, герой повести Н.В.Гоголя “Тарас Бульба”, не вмешивает рассудку и предаёт родных, друзей, Отчизну». Можно ли считать, что ученик сформулировал аргумент? Своё мнение обоснуйте. Если вы считаете, что это не аргумент, то определите, что это за фрагмент.*

Безусловно, процесс обучения сочинению-рассуждению сложный, как и сам жанр, которым школьникам необходимо овладеть. Не отсюда ли и ограниченный объём сочинения? А ведь иные учителя, вспоминая времена до «изгнания» сочинения из школы, говорят о том, какое большое по объёму сочинение писали раньше («целую тетрадь!») и как мало пишут теперь («листик-полтора»). А жанр сочинения? Публицистический. Структура — унифицированная. И это больше пугает учителя, нежели учащихся. Им такая структура знакома по веб-сайтам, по «формульной» литературе. Ученикам просто нужно объяснить это, показать на конкретных речевых моделях, соотнести с подобными структурами уже знакомыми им. Словом, рассуждению надо учить.

И.Б.Короткина отмечает, что не процесс определяет результат, а результат определяет процесс [9, с. 27]. Таким образом, сочинение-рассуждение (как результат) определяет то, как будет организована работа над созданием сочинения. Для этого могут быть использованы следующие *письменные практики* (практики развития письма), которые формируют коммуникативно-речевые умения:

— обсуждение составленного текста сочинения (какой-либо его части) с одноклассника-

ми, учителем на разных этапах создания, чтобы убедиться, что текст структурно организован, логически последователен и убедителен;

— соблюдение принципа триады: речевое высказывание должно состоять из трёх частей, что помогает организовать мысль логически в три удобных для автора блока (*Что буду доказывать? — Доказываю и иллюстрирую. — Каким выводом пришёл?*) [9, с. 37; 39]. Рассуждая о наполняемости 1-й и 3-й частей, исследователь пишет: «Введение сообщает о том, какая идея (тезис) будет развиваться автором в сочинении. Заключение представляет выводы. Нет идеи — нет вывода, а есть “напыщенные и пустые обобщения”» [9, с. 47]. Также И.Б.Короткина напоминает о симметрии двух частей работы: введения и заключения (о так называемой «гамбургер-модели», где верхняя часть и основание «держат» середину — текст).

В целом структуру сочинения-рассуждения можно представить в блок-схеме.

Следует обратить внимание на то, что в модели представлены два аргументационных блока в основной части. Но это вовсе не означает, что только такое количество аргументов и может быть. Аргументов может быть и меньше — один, и больше — три, четыре... Мы ограничились двумя блоками аргументов только потому, что, как показывают наши наблюдения, именно столько аргументов приводит подавляющее большинство учащихся в итоговом сочинении. Но вот тезис должен быть один, хотя ученики и пытаются привести несколько тезисов и к каждому из них — по одному аргументу. Как правило, такие работы получаются очень низкого уровня.

И ещё один момент, на котором хотелось бы остановить внимание. Если обратиться к программам по русскому языку, методическим пособиям по русскому языку и развитию речи (в частности, к пособиям Е.И.Никитиной «Речь»), то можно очень чётко увидеть, что в рекомендациях к урокам развития речи, на которых ведётся обучение сочинению-рассуждению, предлагается такая структура: 1) Вступление. 2) Аргументы. 3) Заключение. В основной части только аргументы. Подтверждаются они примерами из личного опыта учеников, их размышлениями («Хорошо быть моряком» — тезис. Почему? Это вопрос, ответ на который будет аргументом: «Потому что...»); «Моряки видят разные страны» — аргумент). Ученик может развить аргумент, опираясь на собственное воображение или опыт посещения «разных стран», и описать эти диковинные места. Но обращаться к литературным примерам от него не требуется. Это требует от выпускников итоговое сочинение нового типа. В нём каждый аргумент должен быть проиллюстрирован. **В качестве иллюстраций должен быть использован литературный материал (художественное произведение, мемуарное, научно-популярное).** Причём один аргумент можно сопроводить и одной иллюстрацией, и двумя из одного или разных произведений. Текст

произведения — это не аргумент, а иллюстрация. Несоблюдение этого правила — самая распространённая ошибка не только среди учеников, но и учителей, и авторов различных пособий, и специалистов, ведущих обучающие семинары в Интернете.

Итак, рассмотрев вопросы, связанные с сочинением-рассуждением как жанром и обучением созданию текста в этом жанре, можно сделать следующие выводы:

— сочинение-рассуждение — один из жанров школьного сочинения, обучение написанию которого стало особенно актуальным после введения итогового сочинения;

— работа над сочинением-рассуждением способствует развитию логического мышления учеников: умению формулировать свою точку зрения (тезис) на предложенную проблему, выдвигать аргументы, приводить примеры на основе анализа и интерпретации литературного текста;

— обучение сочинению-рассуждению осуществляется в основном в процессе изучения курса русского языка в основной школе и лишь в последние четыре года в связи с введением итогового сочинения на уроках литературы в первом полугодии 11 класса;

— учёными-методистами изучается опыт отечественной методики в области речевого развития учащихся и ведётся разработка методики обучения сочинению-рассуждению на заключительном этапе школьного литературного образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Методические рекомендации ФГБНУ ФИПИ по подготовке к итоговому сочинению (изложению). — М.: ФИПИ, 2016.
2. ВЕНЕДИКТОВА Т.Д. Письмо — глобальная проблема и забота // Высшее образование в России. — 2014. — № 5. — С. 156—159.

3. ЛАДЫЖЕНСКАЯ Т.А. Система работы по развитию связной устной речи учащихся. — М.: Педагогика, 1974.

4. ЛАДЫЖЕНСКАЯ Т.А. Сочинение на литературную тему как речевое произведение // Развитие речи учащихся 4—10 классов в процессе изучения литературы в школе. — М.: Просвещение, 1985. — С. 101—111.

5. Система обучения сочинениям на уроках русского языка (4—8 кл.) / Под ред. Т.А.Ладыженской. — М.: Просвещение, 1978.

6. Педагогическое речеведение. Словарь-справочник / Под ред. Т.А.Ладыженской и А.К.Михальской. — М.: Флинта, Наука, 1998.

7. ГАЦ И.Ю. Методика русского языка в задачах и упражнениях: учеб. пособие для студентов педагогических вузов. — М.: Дрофа, 2007.

8. КУЗИНА Е.Б. Лекции по теории аргументации: Учеб. пособие. — М.: Изд-во МГУ, 2007.

9. КОРОТКИНА И.Б. Академическое письмо: процесс, продукт и практика: учеб. пособие для вузов. — М.: Юрайт, 2016.

ГРИГОРЧЕНКО Ирина Александровна —

учитель русского языка и литературы МБОУ «Маршинская гимназия», заслуженный учитель Российской Федерации
irson-05@mail.ru

ПОЛКАНОВА Анастасия Игоревна —

студентка магистратуры филологического факультета МГУ
polkanova@yandex.ru

ОЖИВШИЕ СТРАНИЦЫ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА» Н.М.КАРАМЗИНА ИНТЕРАКТИВНАЯ ЭКСКУРСИЯ

Аннотация. В работе показаны возможности внедрения нестандартных форм приобщения к литературному и культурному наследию на примере «Писем русского путешественника» Н.М.Карамзина, привлечение к совместной деятельности научных работников, творческой интеллигенции, работников культуры и образования, молодёжи. Представленные формы работы позволяют интегрировать предметы (литературу, иностранные языки, историю), объединять усилия разных специалистов для решения одной задачи: развивать у учащихся интерес к чтению, к творчеству Н.М.Карамзина.

Ключевые слова: интерактивная экскурсия, нестандартный подход, сотрудничество с музеями и библиотеками, деятельностный подход, игровые и групповые технологии, приобщение к литературному и культурному наследию.

Abstract. The paper shows the possibilities of introducing non-standard forms of familiarization with the literary and cultural heritage by the example of "Letters of the Russian traveler" by N.M. Karamzin. The presented forms of work allow you to integrate subjects (literature, foreign languages, history), unite the efforts of different specialists to solve one task: to develop students' interest in reading N.M.Karamzin.

Keywords: interactive excursion, non-standard approach, cooperation with museums and libraries, activity approach, game and group technologies, introduction to literary and cultural heritage.

Цели:

1) *личностная* — развивать навыки критического мышления; создать ситуацию учебного сотрудничества; совершенствовать коммуникативные навыки учащихся (и в области владения навыками работы со словарями, и в области анализа текста);

2) *метапредметная* — показать возможности внедрения нестандартных форм приобщения к литературному и культурному наследию, привлечение к совместной деятельности научных работников, творческой интеллигенции, работников культуры и образования, молодёжи;

3) *предметная* — подготовить к целостному восприятию текста «Письма русского путешественника»; формировать умение грамотно соотносить жизненные факты биогра-

фии писателя и настроения эпохи с воплощёнными в произведении фактами; продолжить формирование умения анализировать и интерпретировать художественный текст; расширить словарь учеников.

Задачи: показать разнообразие творчества Н.М.Карамзина, познакомить с «Письмами русского путешественника», «оживив» великих людей, с которыми он встречался в Германии, реконструировав книжную ярмарку, некоторые игры; дать представление о Карамзинской общественной библиотеке, открытой в Симбирске в 1848 году.

Для решения поставленных задач использовались биографический, культурно-исторический методы, метод сравнительного анализа. Несомненный интерес представляет то, что знакомство с биографией и твор-

чеством писателя происходит не в классе, а в областной научной библиотеке, в музее. Мы расскажем и покажем на практике, как такие формы работы позволяют интегрировать предметы (литературу, русский язык, иностранные языки, историю), объединять усилия разных специалистов для решения одной задачи: вызвать и закрепить у учащихся интерес к чтению, к творчеству выдающихся писателей-земляков.

Деятельностный подход, игровые и групповые технологии помогут всем участникам погрузиться в эпоху Н.М.Карамзина.

Форма проведения: интерактивная экскурсия.

Представленное мероприятие может быть использовано в качестве дополнительного материала на разных уроках: уроках литера-

туры, русского языка, немецкого языка, английского языка, географии.

Сценарий экскурсии

В портретном зале дети сталкиваются с тем, что все двери заперты. На двух столах лежат части изречений Н.М.Карамзина. Только **восстановив высказывания** и сложив кусочки пазла, дети получают изображение ключа и могут войти в первый зал.

Цитаты

— Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России.

— Путешествие питательно для духа и сердца нашего. Путешествуй, ипохондрик, чтобы исцелиться от своей ипохондрии! Путешествуй, мизантроп, чтобы полюбить человечество! Путешествуй, кто только может!

— Да будет честь и слава нашему языку, который в самородном богатстве своём, почти без всякого чуждого примеса, течёт, как гордая величественная река...

— Слезы, проливаемые читателями, текут всегда от любви к добру и питают её. Нет, нет! Дурные люди и романов не читают. Жестокость души их не принимает кротких впечатлений.

— Я не верю той любви к Отечеству, которая презирает его летописи и не занимается ими: надобно знать, что любишь, а чтобы знать настоящее, должно иметь сведения о прошедшем.

— Как *данные высказывания характеризуют Н.М.Карамзина? В каких областях он прославился?*

Карамзин — крупнейший русский литератор, писатель-сентименталист, прозванный русским Стерном, публицист, критик, переводчик, историк и придворный историограф, создатель «Истории государства Российского» — одного из первых обобщающих трудов по истории России, великий **реформатор русского языка**, редактор «Московского журнала» и «Вестника Европы».

Теперь мы можем перейти в следующий зал.

В следующем зале гостей встречает **И.И.Благодаров**.

Благодаров. Здравствуйте! Разрешите представиться: Иван Иванович Благодаров — старейший хранитель книг. Я принимал эту библиотеку в 1855 году и вторично после пожара в 1864 году. Я первый составил каталоги и установил строгий порядок всего библиотечного дела. Вы знаете, что пожар 1864 года уничтожил Карамзинскую библиотеку полностью? От десяти тысячного фонда уцелело менее 100 книг. 2 года, пока шло восстановление здания Дворянского собрания, библиотека открывалась для читателей в моём доме. А сегодня я познакомлю вас с библиотекой, но вы должны ответить, почему библиотека носит имя Карамзина.

— *Первая библиотека в Симбирске создавалась в честь знаменитого земляка Н.М.Карамзина и по просьбе местных дворян получила название Карамзинской.*

Благодаров. Симбирскую библиотеку российский историк и библиограф П.Н. Столпянский назвал «отрадным исключением» из числа прочих губернских библиотек.

(В это время две гимназистки тайно пробираются в читальный зал.)

Задание для экскурсантов. Правила пользования Карамзинской общественной библиотекой.

Дети получают табель с правилами пользования Карамзинской общественной библиотекой, где допущены ошибки. Прочитав правила, они должны их исправить. После выполнения задания все проходят в швейцарскую, и дети проверяют, как они справились с заданием. В скобках дан правильный ответ.

Библиотека открыта ежедневно

От 10 (9) час. утра и до 2 час. полудни и от 3 час. до 6 (5) час. вечера.

Выдача книг на дом производится в (понедельник, вторник), среду и (пятницу).

Выдача ноть производится во вторник (четверг) от 10 до 4 час. и в воскресенье от 1 до 4 час.

По воскресеньям и праздничным дням, а также накануне, библиотека открывается от 11 (12) до 4 час. для чтений в библиотеке.

Библиотека закрыта

в первые три дня (Св. Пасхи и в последние дни Страстной седмицы), в Новый год и во все двенадцатые праздники.

Мезансцена. Благодаров работает за кафедрой. Помощницы разбирают книги на разных стеллажах. Гимназистки пробираются к книжному шкафу. Садятся на пол с книгами. Одна из помощниц идёт отнести книгу и замечает девочек.

1-я помощница. Was macht ihr hier? Wer hat euch hereingelassen? (Что вы здесь делаете? Кто вас сюда впустил? (Нем.)

1-я гимназистка. Ach, gnädige Dame, drehen Sie sich bitte nicht! (О, милостивая сударыня, не сердитесь, пожалуйста! (Нем.)

2-я гимназистка. Parlons nous Français s'il vous plait, c'est plus comprehensible... (Давайте лучше будем говорить по-французски, так понятнее... (Фр.)

2-я помощница. D'accord, allons parler Français. (Хорошо, давайте по-французски. (Фр.)

1-я гимназистка. Почему вы с нами заговорили на иностранном языке?

2-я помощница. Потому что я решила, что вы иностранки. Ведь все русские девочки знают, что без особого распоряжения в общественную библиотеку Н.М. Карамзина приходиться гимназисткам нельзя.

1-я помощница. Так что же вас заставило проникнуть сюда обманом?

2-я гимназистка. Нам было интересно попасть в эту библиотеку, ведь здесь больше всего книг Н.М.Карамзина, но разрешено здесь быть только взрослым!

1-я гимназистка. Мы совсем недавно изучали «Бедную Лизу», и нам захотелось прочитать все книги нашего земляка!

2-я помощница. Похвальное желание.

2-я гимназистка. Что посоветуете нам почитать?

1-я помощница (берёт книгу с полки). Давайте сперва откроем «Письма русского путешественника»...

(Открывается книга, начинается инсценировка.)

Карамзин сидит за столом и пишет...

«Пестрота, неровность в слоге есть следствие различных предметов, которые действовали на душу молодого, неопытного **русского** путешественника: он рассказывал друзьям своим, что ему приключалось, что он видел, слышал, чувствовал, думал — и описывал свои впечатления не на досуге, не в тишине кабинета, а где и как случилось, дорогою, на лоскутках, карандашом».

2-я помощница. Первой страной, которую посетил наш земляк в своё путешествие, была Германия.

1-я помощница. Здесь ему предстояло лично познакомиться с великими мужами, труды которых он читал, переводил, чьим творчеством восхищался.

2-я помощница. И первым Н.М.Карамзин посетил Иммануила Канта.

Известные люди

Иммануил Кант. Меня называют всё сокрушающий Кант. Я метафизик. Меня посетил

Урок-экскурсия в Карамзинской общественной библиотеке

русский путешественник. При нём не было писем, но он показался мне весьма интересным человеком, и я принял его. Мы проговорили часа три о разных вещах: о путешествиях, о Китае, об открытии новых земель. Дальше он спросил меня о природе и нравственности человека. Я высказал свои суждения, что человек не может никогда быть доволен обладаемым и стремится всегда к приобретениям. Дай человеку всё, чего он желает; но он в ту же минуту почувствует, что это всё не есть всё... Я вписал в карманную книжку его имя, и мы расстались.

Карл Филипп Мориц. Автор, философ, педагог, психолог. Я радостно встретил нового посетителя. Ничего нет приятнее, как путешествовать. Все идеи, которые мы получаем из книг, можно назвать мёртвыми в сравнении с идеями очевидца. Меня интересовал язык русского путешественника, я никогда не слышал его, и литература, поэтому я попросил почитать мне что-нибудь на русском. Может быть, придёт такое время, в которое мы будем учиться и русскому языку, но для этого надо написать что-нибудь превосходное.

Иоганн Готфрид Гердер. Я немецкий философ, критик. Меня посетил молодой русский путешественник 16 июля 1789 года. Мне было интересно узнать о политическом состоянии России, и он охотно рассказывал мне об этом. Потом я был приятно удивлён прекрасным знанием немецкой литературы. Я высказал своё мнение, что лучшие — это Виланд, а особенно Гёте. Очень люблю его стихи. Вот послушайте. (Читает отрывок из стихотворения «Meine Göttin» («Моя богиня») И.В. Гёте: Welcher Unsterblichen / Soll der höchste Preis sein? / Mit niemand streit ich, / Aber ich geb ihn / Der ewig beweglichen, / Immer neuen, / Seltsamen Tochter Jovis, / Seinem Schoßkinde, / Der Phantasie.)

Кристоф Мартин Виланд. Немецкий поэт. Какое приятное знакомство состоялось у меня 21 июля. Ко мне пришёл русский литератор. Мне было интересно провести время со столь приятным собеседником. Удивлён, что некоторые мои сочинения переведены на русский язык. Карамзин читал мне своё стихотворение «Печальная весна». Жаль, если часто сей молодой человек бывает в таком расположении, которое описано в стихотворении. При расставании я от всего сердца пожелал ему счастья. Он тронул моё сердце.

2-я помощница. В Германии Н.М. Карамзин не только общался с великими философами, педагогами, поэтами, но также посещал театры и побывал на книжной ярмарке.

1-я помощница. Давайте последуем за ним в Лейпциг!

Лейпцигская ярмарка

Стоит лавка с книгами. Дети бегают, ищут яйца. Кругом кролики. На заднем фоне — Альбертина.

1-й ребёнок. Hast du etwas gefunden? (Ты что-нибудь нашёл?)

2-й ребёнок. Noch nicht. Du? (Ещё нет. Ты?)

1-й ребёнок. Leider, nein. (К сожалению, нет.)

И прошлое встаёт перед глазами

3-й ребёнок. Freunde! Hier! Hinter dem Hase! Drei Eier! Hurra! (Друзья! Здесь! За зайцем! Три яйца! Ура!)

2-й ребёнок. Toll! Suchen wir weiter. (Здорово! Давайте продолжать искать.)

Карамзин. «Почти на всякой улице найдёте вы несколько книжных лавок, и все лейпцигские книгопродавцы богатеют, — что для меня удивительно.

Книгопродавцы из всей Германии съезжаются в Лейпциг на ярмарки (которых бывает здесь три в год: одна начинается с первого января, другая с Пасхи, а третья с Михайлова дня) и меняются между собою новыми книгами.

Правда, здесь много учёных, имеющих нужду в книгах; но сии люди все или авторы или переводчики, и собирая библиотеки, платят они книгопродавцам не деньгами, а сочинениями или переводами.

К тому же во всяком немецком городе есть публичные библиотеки, из которых можно брать для чтения всякие книги, платя за то бездельку».

Карамзин (останавливает разглядывающего книги Иохимма Феллера). Извините, не подскажите ли, что за чудесное здание?

Йоахим Феллер. Это библиотека Альбертина, Альбертинум.

Карамзин. Какая красивая библиотека!
Феллер. Это прежде был доминиканский монастырь Святого Павла.

Карамзин. Теперь же это библиотека? Почему?

Феллер. Монастырь распустили из-за Реформации. В 1543 году курфюрст Саксонии подарил собственность и помещения монастыря Лейпцигскому университету. Одно из помещений бывшего монастыря называется Миттельпаулиnum. Там собраны библиотеки многих расформированных монастырей.

Карамзин. Спасибо за столь подробный и интересный рассказ. Но откуда Вам все это известно?

Феллер. Вам просто повезло, что Вы спросили об Альбертине именно у меня. Я работаю в Альбертине библиотекарем.

2-я помощница. Йоахим Феллер был одним из выдающихся библиотекарей Альбертины. Именно он составил первый каталог рукописей.

1-я помощница. Н.М. Карамзин уже направляется в следующую страну. Последуем за ним.

Переход в зал библиотеки

Карамзин. «Уже я наслаждаюсь Швейцариею, милые друзья мои! Всякое дуновение ветерка проникает, кажется, в сердце моё и развеивает в нём чувство радости. Какие места!

В Цюрихе есть так называемая **девичья школа (Töchter-Schule)**, которая достойна внимания всех, приезжающих в сей город. В ней безденежно учатся 60 молодых девушек (от 12 до 16 лет) читать, писать, арифметике, правилам нравственности и экономии: то есть приготавливаются быть хорошими хозяйками, супругами и матерями. Приятно видеть вместе столько молодых, опрятно и чисто одетых красавиц, которые занимаются своим

делом в тишине и с великою прилежностью, под назиранием благонравных учительниц, обходящихся с ними кротко и ласково. Тут дочь богатейшего Цюрихского гражданина сидит подле дочери бедного соседа своего и научается уважать достоинство, а не богатство. Сия благодетельная школа учреждена в 1774 году. Гм. Профессором Устери...»

1-я гимназистка. Надо же! Прямо как наша гимназия!

2-я гимназистка. Да, ведь наша гимназия была основана как Дом трудолюбия для девочек из дворянских семей, чьи отцы погибли во время войны 1812 года.

1-я гимназистка. И их тоже готовили и готовят к тому, чтобы быть хорошими хозяй-

ками. Занимаются с ними богословием, словесностью, изучением иностранных языков, вышиванием, танцами. Как в Цюрихе.

2-я гимназистка. Значит, в нашем Симбирске обучение такое же, как и в других европейских городах.

Задание по Франции. На экране изображение собора Парижской Богоматери.

1-я гимназистка. Следующей страной, которую посетил в своё путешествие Н.М.Карамзин, была страна, известная этим памятником архитектуры. Знаете ли вы, где находится это здание? Как называется этот собор?

2-я гимназистка. Это собор Парижской Богоматери, или Notre Dame de Paris, находится этот собор в Париже, во Франции.

Франция

Карамзин. «Я в Париже! Эта мысль производит в душе моей какое-то особенное, быстрое, необъяснимое, приятное движение! Я в Париже! Говорю я сам себе и бегу из улицы в улицу, из Тюльери в поля Елисейские; вдруг останавливаюсь, на всё смотрю с отчаянным любопытством, на дома, на кареты, на людей. Что было мне известно по описаниям, вижу теперь собственными глазами — веселюсь и радуюсь живою картиною величайшего, славнейшего города в свете».

2-я помощница. Однако время пребывания Н.М.Карамзина во Франции совпало с Великой французской революцией, поэтому он пробыл здесь недолго.

1-я помощница. В Париже высказал он и первые мысли свои о русской истории. Он жалеет, что у нас до сих пор нет русской истории, написанной с философским умом, с критикой, благородным красноречием.

Задание. Обозначьте порядок стран.

2-я помощница. Итак, представим, что мы решили повторить маршрут Н.М.Карамзина. Подпишите страны и расставьте цифры 1—4 в порядке их посещения.

1-я гимназистка. Сначала он посетил Германию, затем Швейцарию, потом Францию. Последней посещённой в это путешествие страной была Англия.

2-я гимназистка. Верно. К сожалению, мы не можем говорить подробнее о его пребывании в каждой стране, ведь у нас мало времени, а путешествие Н.М.Карамзина длилось 18 месяцев.

Англия

1-я помощница. И мы перемещаемся в Англию. Сможете ли вы расшифровать анаграмму*?

Складывается имя — William Shakespeare.

2-я помощница. Как вы думаете, почему появилось это имя? Что могло связывать двух литераторов?

Н.М.Карамзин открыл русскому читателю У.Шекспира. До Н.М.Карамзина английского драматурга не переводил на русский язык никто. Переводческая деятельность была важной, значительной частью творчества русского писателя. Один из первых переводов

Памятник Н.М.Карамзину в Ульяновске (быв. Симбирске)

*Анаграмма (от греч. ανα — пере и γραμμα — буква) — литературный приём, состоящий в перестановке букв или звуков определённого слова (или словосочетания), что в результате даёт другое слово или словосочетание.

трагедии «Юлий Цезарь» на русский язык принадлежит именно перу Н.М.Карамзина. Как вы думаете, как он выполнял перевод? Дело в том, что наш земляк не слишком хорошо знал английский... Перевод выполнялся при помощи посредника: немецкого перевода Эшенбурга или французского перевода Летурнера. Разные исследователи придерживаются разных точек зрения. Наиболее точной кажется версия, согласно которой Н.М.Карамзин пользовался всеми доступными источниками, создавая свой перевод.

1-я гимназистка. Как интересно!

2-я гимназистка. Неужели он и правда говорил на стольких языках? Надо же!

1-я гимназистка. Да он, наверное, знал иностранные языки гораздо лучше своего родного!

2-я гимназистка. Да! Ведь в XVIII веке все образованные люди разговаривали на французском. И он наверняка только на французском и говорил, а русским пренебрегал.

Учитель. А вот здесь вы, сударыни, ошибаетесь....

Карамзин говорил: «Англичане знают французский язык, но не хотят говорить им, и я теперь крайне жалею, что так худо знаю английский. Какая разница с нами! У нас всякий, кто умеет только сказать: *comment vous portez-vous* — без всякой нужды коверкает французский язык, чтобы с русским не говорить по-русски; а в нашем так называемом хорошем обществе без французского языка будешь глух и нем. Не стыдно ли? Как не иметь народного самолюбия? Зачем быть попугаями и обезьянами вместе? Наш язык и для разговоров право не хуже других...»

Русский

Карамзин — реформатор языка

1) Какому слову французского происхождения соответствует вышедшее из употребления русское слово «намест»? (*Абазур, бордюр, тротуар, паркет.*)

2) Какое слово в предложении: «Нам удалось забронировать номер в отеле, пусть и весьма своеобразном» — было впервые употреблено Н.М.Карамзиным в «Письмах русского путешественника»? (*Забронировать, отель, номер, своеобразный.*)

3) Какое слово, употреблённое Н.М.Карамзиным при описании обеда у англичанина, было отмечено в Словаре церковнославянского и русского языка лишь спустя 21 год после смерти реформатора языка? (*Тост, пюре, фужер, бифштекс.*)

В «Письмах русского путешественника» Карамзин объясняет русскому читателю значение, очевидно, неизвестного слова *отель*: «*Hotel* есть наёмный дом, где вы кроме комнаты и услуги ничего не имеете. Кофе и чай приносят вам из ближайшего кофейного дома, а обед из трактира».

Тост — слово английского происхождения (*toast*), впервые отмеченное в Словаре церковнославянского и русского языка 1847 году. Карамзин употребляет это слово при описании обеда у англичанина: «*Снимают скатерть, кладут на стол какие-то пёстрые салфетки, и ставят множество бутылок; снова пить — тосты здоровья*».

Тротуар — слово французского происхождения. Н.М.Карамзин «Письмах русского путешественника» даёт объяснение: «*Улицы широки и отменно чисты; везде тротуары или камнем выстланные дорожки для пешеходов, и нет города, столь приятного для пешеходов, как Лондон: везде подле домов сделаны для них широкие тротуары, которые по-русски можно назвать наместами; их всякое утро моют служанки (каждая перед своим домом), так что и в грязь и в пыль у вас ноги чисты*».

Большинство слов иноязычного происхождения, встречающихся в произведениях Карамзина, сохранилось в современном литературном языке. Это свидетельствует о тщательности и продуманности отбора Ка-

рамзиным подобных слов для своих произведений.

Итоговое задание

1-я помощница. Теперь давайте проверим знания о творчестве Н.М.Карамзина.

Верные — неверные утверждения

1. Первый среди ведущих писателей сделал литературу профессией, притом профессией почётной, уважаемой. Он поднял в этом смысле авторитет писателя.

2. Н.М.Карамзин — родоначальник романтизма в русской литературе.

3. Н.М.Карамзин стал одним из первых русских профессиональных журналистов, и его журнал «Вестник Европы» читали все, кто интересовался историей того времени.

4. «Вестник Европы» — журнал не только литературный, но и первый общественно-политический.

5. Н.М.Карамзин — основатель журнала «Современник».

6. Н.М.Карамзин обратился к истории государства Российского в самом начале своего творческого пути.

7. Н.М.Карамзин — первый русский историограф.

8. В истории Н.М.Карамзина интересуют прежде всего проблемы общечеловеческие, в его произведениях «общечеловеческое сливается с национальным».

9. К «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина обращался А.С.Пушкин при написании «Бориса Годунова».

10. При создании своих лирических произведений Н.М. Карамзин целенаправленно уходил от церковнославянской лексики, используя для создания языка своих произведений грамматику и синтаксис английского языка.

11. Н.М.Карамзин является переводчиком великого древнерусского произведения «Слово о полку Игореве».

Складывается пазл. Появляется памятник Карамзину.

БЕЛОУСОВА Елена Ивановна —

кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания литературы МПГУ
belousova_ei@rambler.ru

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ КЛАССИКИ НА ПРИМЕРЕ БАЛЛАДЫ А.С.ПУШКИНА «ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ»

Аннотация. В статье определяются формы, методы, приёмы, технологии освоения историко-культурного содержания художественных произведений.

Ключевые слова: историко-культурные комментарии, классика, реалии эпохи, современная социокультурная ситуация, формы освоения историко-культурного содержания, методы, приёмы технологии, урок, внеклассное чтение, дополнительное образование.

Abstract. The article defines the forms, methods, techniques and technologies for mastering the historical and cultural content of artistic works.

Keywords: historical and cultural comments, classics, realities of the epoch, modern socio-cultural situation, forms of mastering the historical and cultural content, methods, techniques of technology, lesson, extracurricular reading, additional education.

Чтение и изучение русской классической литературы в школе ориентировано на то, чтобы привить учащимся уважение к проверенным временем литературным авторитетам, к личности писателя, интерес к историко-культурным реалиям эпохи, отражённым в художе-

ственном произведении, которые неизвестны сегодняшним школьникам. И им зачастую трудно без определённой подготовки понять нравы, обычаи прошлого, поведение героев А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Н.В.Гоголя, Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого и других писателей.

Сложность восприятия и изучения классического литературного произведения сопряжена прежде всего с отсутствием у читателя концептуального представления о том или ином типе культуры, для которого характерна своя система ценностей, образ мира и

человека. Например, имя Пушкина и его произведения знакомы читателям-школьникам с самого детства, но до конца освоения школьного курса литературы им остаются неизвестными и непонятными многие историко-культурные реалии времени, отражённые в произведениях, отношения поэта с царём, те или иные проявления поведения и поступки героев.

Одним из путей решения проблемы может стать изучение художественного текста в историко-культурном аспекте. Рассмотрение произведения в данном ключе предполагает выявление связей между общественной, культурной и литературной жизнью эпохи, что способствует формированию системы ценностных ориентаций, духовности современного поколения.

В этой связи при отборе произведений необходимо уделять внимание их историко-культурному содержанию, а также формам, методам, технологиям и приёмам активизации восприятия художественного текста школьниками. При этом, организуя процесс обучения, мы должны учитывать особенности

современных социокультурных явлений жизни общества, в частности развития информационно-коммуникативных технологий и их влияния на восприятие, истолкование смысла произведений, речь, поведение подростков.

Опираясь на работы О.Ю.Богдановой, В.Г.Маранцмана, В.Ф.Чертова, А.В.Дановского, Л.В.Шамрей, выделим возможные формы освоения историко-культурного содержания:

— историко-культурная информация, включающая в себя отдельные сведения из области философии, искусства, этики, эстетики, религии и истории, социальной жизни общества, способствующая более широкому представлению о каком-либо литературном явлении;

— историко-культурные комментарии, разъясняющие непонятные школьникам моменты в тексте перед прочтением ими художественного произведения;

— историко-культурный обзор используется при изучении обзорных тем, требующих подробного анализа исторической, социальной и культурной обстановки эпохи.

При отборе к уроку историко-культурного содержания литературного произведения необходимо обращаться к произведениям других видов искусств: живописи, музыки, архитектуры, садово-паркового искусства, театра и кино. Дополняя друг друга, разные виды искусства создают образ культурной эпохи, передают её дух, её эстетические и этические ценности. Причём при этом в центре внимания всё же должен быть литературный текст, а произведения других видов искусства, в свою очередь, создают лишь культурный контекст.

При таком методическом подходе к изучению литературного произведения происходит не только перевод художественных образов в понятия, суждения, но и воссоздание в воображении читателя картин жизни, нарисованных писателем, восприятие героев как живых людей. Происходит постижение читателем культурной эпохи и авторской модели мира.

Размышляя над реализацией содержания, учитель одновременно продумывает стратегию, выбирает технологии, методы и приёмы активизации восприятия, анализа и интерпретации текста, прогнозирует и планирует результаты.

В.В.Голубков, предвидя стремительное внедрение в обучение литературы современных образовательных и коммуникационных технологий, предостерегал учителя литературы от некоторых опасностей. С одной стороны, можно увлечься шаблонными приёмами, препятствующими постижению учащимися эстетического, нравственного, личностного, познавательного смысла художественного произведения. С другой — учитель, стремясь увлечь школьников, порой прибегает к развлекательности. Это может привести, по мнению методиста, к «придумыванию искусственных приёмов, идущих вразрез с образовательно-воспитательными задачами школы и с научным пониманием литературы» [2:9].

Рассмотрим возможности использования некоторых приёмов технологии развития критического мышления через чтение и письмо на уроках литературы в 6 классе при изучении баллады А.С.Пушкина «Песнь о вещем Олеге» в историко-культурном аспекте (программа В.Ф.Чертова).

На различных этапах урока в контексте данной технологии (вызов, осмысление, рефлексия) учитель может поддерживать возникший у школьников интерес к стихотворению, времени создания произведения, мотивировать их к дальнейшему знакомству с произведениями А.С.Пушкина, способствовать более глубокому проникновению в культурный контекст эпохи.

Баллада написана Пушкиным в 1822 году, опубликована в альманахе «Северные цветы» в 1825 году. Готовясь к изучению названного произведения, учитель делает акцент на том, что в наследии Пушкина произведения на исторические темы занимают значительное место. В таких произведениях, как «Песнь о вещем Олеге», «Арап Петра Великого», «Мед-

В.Лосин. Илл. к «Песни о вещем Олеге». 1978

ный всадник», «Капитанская дочка», «Борис Годунов» и во многих других писатель обращался к прошлому своей родины.

Учитель готовит краткий рассказ о летописях. В древнерусском языке слово «лето» означало не только время года, но и весь год. Так возникли *летописи*, то есть записи событий по годам. Летописцы более поздних лет, описывая события своего времени, включали предшествующие записи по годам, в результате получался летописный свод (сборник). Древнейший летописный свод — «Повесть временных лет» (1113), письменный памятник, отразивший в себе подлинные исторические события и в то же время содержащий легенды и предания, основанные на естественных для древних славян религиозно-языческих представлениях.

Уместным будет прочтение учителем фрагмента из «Повести временных лет» о смерти Олега¹.

Обращаясь к историческому прошлому, Пушкин выбирает жанр баллады, наиболее подходящий для летописной легенды. Предлагаем ученикам поработать со словарём литературоведческих терминов (помещён в учебнике-хрестоматии), прочитать и записать в тетрадь определение понятия: «Баллада (франц. *Ballade* — танцевальная песня) — лиро-эпический жанр, стихотворение на исторические, сказочные или бытовые темы с элементами таинственности и мистики, наличием драматического диалога и напряжённого повествования»². Предлагаем также определить признаки жанра в балладе Пушкина. (Историческая тема баллады, в её основе лежит легенда, заключающая в себе таинственность, мистику, народное представление о судьбе человека.) Основной для изучения стихотворения становится принцип историзма. При этом условия учащиеся глубже и легче постигают богатство и художественные достоинства произведения.

На стадии вызова для активизации знаний школьников, их ассоциативного мышления можно использовать приём *кластера*. Написав на доске слово «Пушкин», предложим школьникам записать все слова, которые ассоциируются у них с этим именем. Они вспоминают произведения, прочитанные и изученные на предыдущих этапах литературного образования («Руслан и Людмила», «Станционный смотритель», стихотворения «Няне», «Зимний вечер» и т. д.).

На стадии осмысления баллады можно предложить школьникам упражнения по выразительному чтению любимых стихотворений или отрывков из поэм и прозы.

Уместно применение таких приёмов, как *чтение с маркировкой, выделение ключевых слов*. Например, работая в микрогруппах, ученики исследуют использование А.С.Пушкиным древнерусской лексики. Этот поиск может направляться заданиями: 1. Найдите в тексте стихотворения архаизмы. (*Чело, внемлет, ведает* и др.). 2. Образуйте от этих слов однокоренные, хорошо знакомые вам слова. (*Чёлка, внимание, сведения* и др.). 3. Составьте предложения с архаизмами и однокоренными современными словами.

Приём «сводная таблица» поможет сравнить различные варианты стихотворения, подводя школьников к осмыслению того, как Пушкин работал над подбором точных и выразительных эпитетов. С помощью таких приёмов учащиеся усваивают образы и язык стихотворения, выразительно его читают.

На стадии осмысления баллады можно использовать чтение в лицах. Для этого эффективным станет использование *формы групповой работы*. Ученики за фиксированный промежуток времени распределяют роли, самостоятельно решают вопросы: как должен говорить Олег? кудесник? Как нужно читать авторский текст? Ограниченность времени использования приёма (2–5 мин) активизирует процесс обсуждения. Работая в группах, обмениваясь мнениями, обсуждая ответы, школьники ближе подходят к пониманию смысла стихотворения.

Использование приёма «чтение с оставками» на стадии осмысления будет способствовать формированию у шестиклассников навыков составления сложного плана стихотворения. Этот приём позволяет уяснить композицию баллады, увидеть развитие действия, взаимную обусловленность его частей, в то же время развивает логическое мышление учащихся. Руководство учителя при реализации данного приёма будет выражаться в ориентировании учащихся на понимание смысла в процессе чтения, поможет избежать механического дробления стихотворения на строфы. Целесообразнее идти от общего к частному — установить сначала три основные части: 1. Предсказание кудесником судьбы Олега. 2. Попытка Олега избежать предсказания; 3. Исполнение предсказания.

Затем, используя тот же приём, можно перечитать каждую часть, определяя, на какие мелкие эпизоды её можно разделить.

На стадии рефлексии, обращаясь к тексту стихотворения, ученики расширяют и углубляют свои знания о стихотворной речи, полученные в пятом классе, с помощью приёма «Составление таблицы «Знаю — Хочу узнать — Узнал»». В графе «Знаю» шестиклассники записывают, что стихи от обыкновенной речи отличаются рифмой и ритмом (это им известно из курса литературы пятого класса). Во второй графе отражается стремление детей узнать о летописце Несторе, о славянской азбуке; в третьей графе они отмечают, что познакомились с летописным источником баллады Пушкина.

Интерес школьников к творчеству А.С.Пушкина, вызванный на уроках, может быть поддержан и развит учителем на уроках внеклассного чтения и во внеурочной деятельности с применением технологии «метод проектов». Работая в группах, они приобретают умения общения, развивают исследовательские умения и навыки (выявление проблемы, сбор информации, наблюдения, анализ, построение гипотез, обобщения). Кроме того, метод проектов позволяет формировать некоторые личностные качества, которые развиваются лишь в деятельности. К таким

качествам относится умение работать в коллективе, брать ответственность и разделять ответственность за выбор, решение проблемы, анализировать и оценивать результаты деятельности. Выбирая учебный проект по творчеству А.С.Пушкина, учитель может предложить множество тем, например «Поэты-лицеисты», целью реализации которой станет работа над сценарием вечера, а продуктом — проведение этого вечера. Подготовка к нему может идти на уроках литературы, на уроках внеклассного чтения и во внеурочной деятельности.

Можно организовать дополнительное чтение учащимися произведений Пушкина для занятий на факультативных курсах. Им доступны для самостоятельного чтения поэмы «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», прозаические произведения: «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка», «Метель». На факультативных занятиях можно распределить школьников на ролевые группы: чтецов, литературоведов, художников — с целью повышения их познавательной активности. Отдельные произведения могут быть подготовлены школьниками для чтения в лицах (например, «Песнь о вещем Олеге», отрывки из романа «Дубровский», «Станционный смотритель»). Сказки и некоторые главы прозаических произведений могут быть инсценированы. По «Сказке о мёртвой царевне и о семи богатырях» можно поставить кукольный спектакль (это может стать темой и для отдельного проекта). Группе школьников («литературоведам») учитель литературы может предложить список литературы для подготовки материала на основе отрывков из воспоминаний И.И.Пушкина, Ф.И.Глинки, И.Д.Якушкина о Пушкине, из романов Ю.Тынянова «Кюхля», «Пушкин». Чтение подготовленных отрывков может стать иллюстрацией при демонстрации отрывков из учебных фильмов о детстве Пушкина. Обращаясь к фонду «Электронный образовательный ресурс», учитель имеет возможность выбрать иллюстрации, учебные фильмы о поэте (или отрывки из них). Кадры, посвящённые лицейскому периоду, могут сопровождаться самостоятельным подготовленным чтением детьми фрагментов произведений незнакомых учащимся («В альбом Пушкину», «Прощание» и др.). Группе художников можно предложить копирование иллюстраций к произведениям Пушкина, оформление альбома, посвящённого поэту. Школьникам, занимающимся музыкой и пением, можно рекомендовать разучивание романсов А.Яковлева «Зимний вечер», Ц.Кюи «Зимняя дорога». Для разучивания на ролях — марш Черномора из оперы М.И.Глинки «Руслан и Людмила», «Море» из оперы Н.А.Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане».

В подготовительный период работы над проектом учитель литературы может организовать реальные и виртуальные экскурсии по местам, связанным с памятью Пушкина, посещение оперных, драматических театров.

Историко-культурный аспект рассмотрения произведений русской классической

литературы способствует приобщению современных школьников к чтению классики и освоению заложенных в ней образовательного и духовно-нравственного потенциалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уроки литературы. 6 класс: пособие для учителей общеобразовательных учрежде-

ний / Под ред. В.Ф.Чертова. — М.: Просвещение, 2009. — С. 79—80.

2. Литература. 6 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений: В 2 ч. — Ч. 1. / Под ред. В.Ф.Чертова. — М.: Просвещение, 2009. — С. 330.

3. БОГДАНОВА О.Ю., ЛЕОНОВ С.А., ЧЕРТОВ В.Ф. Теория и методика обучения литературе. — М., 2008.

4. ГОЛУБКОВ В.В. Методика преподавания литературы. — М., 1962.

5. Программа литературного образования.

5—9 классы / Под ред. В.Ф.Чертова. — М.: Просвещение, 2009.

6. РОТКОВИЧ Я.А. История преподавания литературы в советской школе. — М., 1976.

7. ЧЕРТОВ В.Ф. Российский учитель-словесник в условиях модернизации образования // Преподаватель XXI век. — 2012. — № 3.

8. <http://standart.edu.ru/> (сайт Федерального государственного образовательного стандарта)

КАЛГАНОВА Татьяна Алексеевна —

кандидат педагогических наук, доцент, редактор журнала «Литература в школе»
literush@mail.ru

ИЗУЧАЕМ ПОВЕСТЬ Н.В.ГОГОЛЯ «НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ» ВМЕСТЕ С Ю.В.МАННОМ

МАТЕРИАЛЫ К УРОКАМ

Аннотация. В статье предлагается организация самостоятельной познавательной деятельности учащихся: вопросы для анализа текста повести, задания, формирующие умения работать с художественным и научным текстом, создавать свой текст.

Ключевые слова: чтение и целостное восприятие; художественный, научный тексты; анализ, интерпретация, устная речь, письменные работы, комментарии.

Abstract. The article proposes the organization of independent cognitive activity of students: questions for the analyzing the text of the story, assignments that form the skills to work with the artistic and scientific text and teach how to create your own text.

Keywords: reading and holistic perception; artistic, scientific texts; analysis, interpretation, speech, written works, comments.

На радио «Эхо Москвы» 29 марта 2009 года состоялось интервью с учёными-филологами, посвящённое 200-летию юбилею Гоголя. Ведущий спросил тогда доктора филологических наук, профессора РГГУ Юрия Владимировича Манна, какое произведение писателя в старших классах надо обязательно изучать. Исследователь творчества Гоголя ответил: «Я бы включил в школьную программу произведение, которое обычно не включалось. В частности, «Невский проспект». Поразительное произведение именно с точки зрения его восприятия молодым человеком. И все те светлые, благородные и в то же время трагические ноты, которые звучат в этом произведении, будут усвоены молодым человеком, восприняты им и окажут величайшее влияние на его последующую жизнь».

Из истории создания повести

Повесть «Невский проспект» была опубликована в сборнике «Арабески», который вышел в 1835 году одновременно с другим сборником писателя «Миргород». В.Г.Белинский откликнулся на сборники статьёй «О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески», «Миргород»)», провозгласив писателя главою натуральной школы — нового направления русской литературы. Критик писал: «Отличительный характер повестей г. Гоголя составляют — простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое воодушевление, всегда побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния. Причина всех этих качеств за-

ключена в одном источнике: г. Гоголь — поэт, поэт жизни действительной...»

«Невский проспект» вместе с повестями «Записки сумасшедшего», «Портрет» (1835), «Нос» (1836), «Шинель» (1842) относят к циклу петербургских повестей Гоголя, хотя сам писатель не объединял их в особый цикл, не использовал названия «петербургские повести». Все они написаны в разное время, не имеют общего повествователя или вымышленного издателя, однако вошли в русскую литературу и культуру как художественное целое, как цикл, потому что, являясь самостоятельными, повести объединены общностью тематики (жизнь города Петербурга), проблематики (отражение общественных противоречий), схожестью основного героя («маленький человек»), целостностью авторской позиции и, как показал Ю.В.Манн, — своеобразием поэтики, в частности фантастического. В издании своих сочинений 1842 года Гоголь не сохранил сборник «Арабески» в его прежнем составе и объединил все свои повести в третьем томе.

Подготовка к чтению и восприятию повести учащимися

Важно объяснить значение слов и выражений, обозначающих реалии культуры того времени, при этом можно дать группе учащихся перечень слов с заданием составить словарь к повести и распечатать его для всех или использовать компьютер.

Арабески — 1) вид сложного орнамента, состоящего из геометрических фигур и стили-

зованных листьев, цветов, получивший распространение в европейском искусстве в основном под влиянием мусульманских образцов;

2) небольшое музыкальное произведение, причудливое и непринуждённое по своему характеру.

Коммуникация — 1) путь сообщения; 2) общение, общение (книжн.); в повести — путь, связывающий части города.

Фантазмагория — 1) причудливое, бредовое видение; 2) фантастическое изображение, получаемое оптическим путём (спец.).

Иллюзия — 1) обман чувств, то, что кажется; 2) нечто несбыточное, мечта; иллюзорный (прилаг.).

Фореитор — верховой, сидевший на передней лошади при запряжке цугом (в две или три пары лошадей) и криком освобождавший путь экипажу.

«Перуджинова Бианка» — считается, что Гоголь имеет в виду Мадонну на фреске Перуджино «Поклонение волхвов», написанную в 1504 году для итальянской церкви с созвучным названием dei Bianchi.

Другие необходимые комментарии к тексту повести и к фрагментам работ Ю.В.Манна учитель сделает в ходе анализа, где они и приводятся.

Анализ повести, истолкование смысла (интерпретация)

Целесообразно предложить сложившиеся в методике пути анализа художественного произведения: «вслед за автором» в сочетании с рассмотрением образов героев. В ходе анализа

ученик находит ответы на вопросы учителя непосредственно в тексте повести, читает его вслух, а затем объясняет смысл. Эффективность такой методики очевидна: на уроке звучит классический текст, осваивается его содержание и стилистика, возникает диалог культур.

Фрагменты работ Манна с заданиями можно дать учащимся на карточках во время урока и для домашней подготовки с включением их ответов в ход урока. Научный текст повышает интерес школьников к чтению повести, способствуют формированию исследовательских навыков, культуры речи, развитию творческих способностей. Так осуществляется дидактический принцип научности обучения: прочтение художественного текста и интерпретация с опорой на литературоведение.

В зависимости от профиля класса и уровня подготовки учитель самостоятельно определит, какие фрагменты работ Манна предлагать учащимся для работы, а какие включить в своё сообщение в ходе обобщения их ответов.

Образ Невского проспекта

— Найдите в тексте повести ответы на вопросы:

Какую роль играет Невский проспект в жизни Петербурга?

Как показаны социальные контрасты города?

Как выявляется несоответствие показной стороны жизни дворянского сословия и его истинной сущности? Какие качества людей высмеивает автор, какие художественные приёмы использует?

Как вводится в описание вечернего Невского проспекта фантастика и мотив демона в начале повести и в финале?

Задание № 1

Прочитайте фрагмент книги Ю.В.Манна. Используя фрагмент и текст повести, ответьте на вопросы:

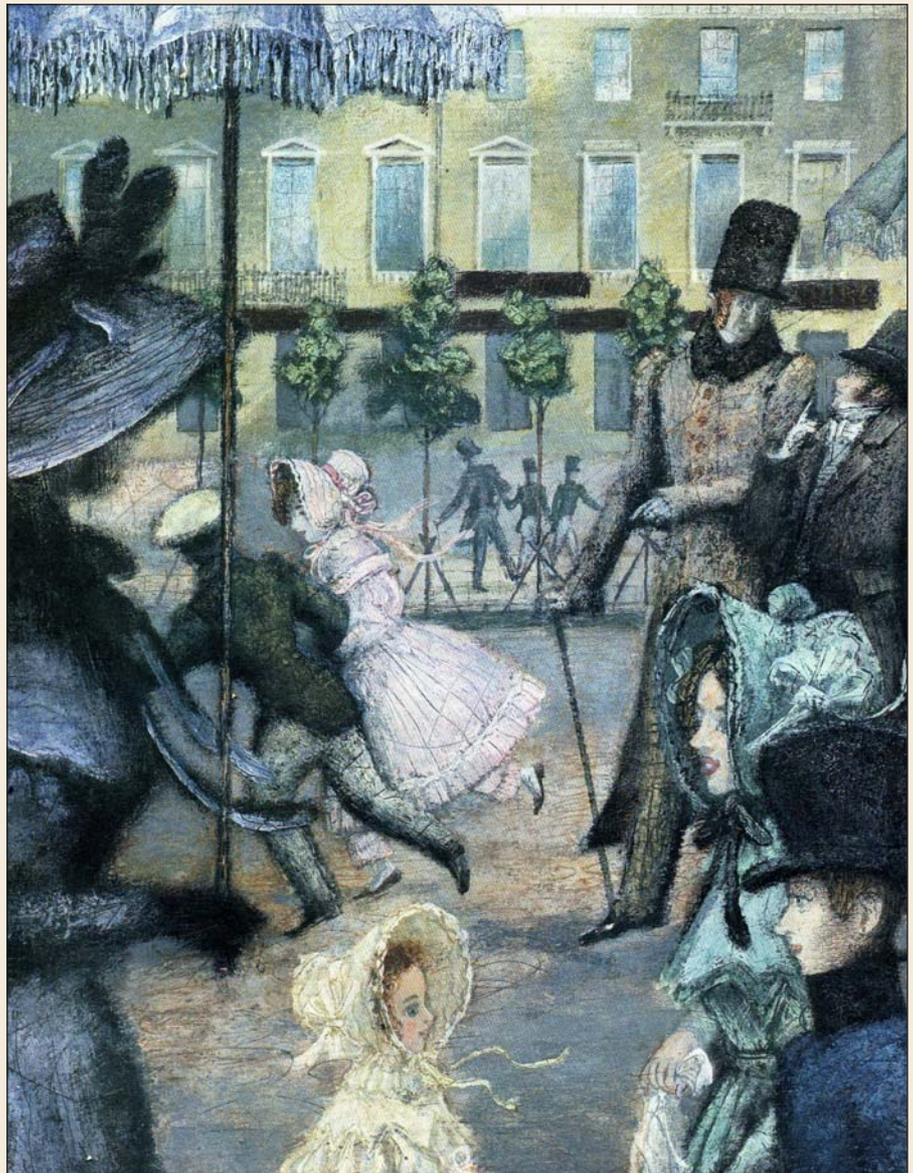
Какую роль играет Невский проспект в характеристике Петербурга?

Как к Невскому проспекту относится автор повести?

«...Присутствие Петербурга в каждой из повестей нового цикла ощутимо и непреложно. Действие всегда происходит в Петербурге — только в Петербурге. Петербург — герой или, лучше сказать, сверхгерой... У Петербурга есть свои повадки, своя манера поведения, свои пристрастия, свои традиции, свой характер — словом, своё лицо...

У Гоголя впервые при описании столицы важную роль стал играть туман, знаменитый петербургский туман — символ неопределённости и таинственности (потом он будет оттенять столичные пейзажи у Некрасова, Достоевского, Блока, Андрея Белого и других).

Гоголь не проходит мимо величественных петербургских дворцов, упоминает петербургские проспекты, набережные... Он смотрит на них большею частью глазами своих героев-бедняков, для которых богатые дворцы и необозримые площади таят в себе неожиданное и страшное. Образ Петербурга у Гоголя — это

М.Бычков. Невский проспект в 12 часов. 2003

воплощение неожиданных, притаившихся опасностей...

Часто бывает так, что взор писателя открывает в городе какое-либо место — улицу, площадь, район, которое с наибольшей полнотой воплощает особенности этого города. Такое место из топографического понятия превращается в понятие художественное... У Гоголя стержнем художественного Петербурга является Невский проспект, давший название одной из «петербургских повестей»...

У города, как и у человека, бывают часы, когда его можно увидеть с неофициальной стороны. Наблюдателю такие часы особенно дороги, ибо они позволяют подметить множество черт, которые не увидишь в деловом формальном общении.

Именно такую возможность предоставляет Невский проспект. «Здесь, — говорит Гоголь, — единственное место, где показываются люди не по необходимости», куда не загнала их необходимость и меркантильный дух...

Не только Пискарёв увидел на Невском проспекте свою красавицу, но и Пирогов устремился здесь за хорошенькой незнакомкой...

Чем кончились приключения Пискарёва и Пирогова, мы уже знаем. Но Гоголю мало констатировать неудачу одного или нескольких персонажей — из разрозненных фактов он делает вывод, который относится ко всему Невскому проспекту. И в конечном счёте — ко всему Петербургу.

«О, не верьте этому Невскому проспекту... Он лжёт во всякое время, этот Невский проспект, но более всего тогда, когда ночь сгущённой массой наляжет на него и отделит белые и палевые стены домов, когда город превратится в гром и блеск, мириады карет валются с мостов, форейторы кричат и прыгают на лошадях и когда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать всё не в настоящем виде» («Н.В.Гоголь. Судьба и творчество». — С. 81—90).

Справочный материал

Топография — 1) научная дисциплина, изучающая методы изображения географических и геометрических элементов местности и создания топографических карт; 2) поверхность какой-либо местности.

Задание № 2

Прочитайте фрагмент монографии Ю.В.Манна. Используя фрагмент и текст повести, ответьте на вопрос:

В чём состоит особенность завуалированной (неявной) фантастики в повести?

«...Все произведения Гоголя, в которых так или иначе выступает фантастика, делятся на два типа. В произведениях “о прошлом”... высшие силы открыто вмешиваются в сюжет. Во всех случаях — это образы, в которых персонафицировано ирреальное злое начало: чёрт или люди, вступившие с ним в сговор...

В “Невском проспекте” подобного образа нет, но его словесное, стилистическое соответствие остаётся. Красавица-проститутка “была какою-то ужасною волею адского духа... брошена с хохотом в его пучину”, ночью на Невском проспекте “сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать всё не в настоящем виде...”. “Невский проспект” обнаруживает дальнейшее вытеснение прямой фантастики, так как фантастический план ограничен здесь формой словесных образов: сравнений, метафор и эпитетов...

Божественное в концепции Гоголя — это естественное, это мир, развивающийся закономерно. Наоборот, демоническое, мир, выходящий из колеи... как алогизм, как “беспорядок природы” («Творчество Гоголя. Смысл и форма». — С. 63—73).

Художник Пискарёв

Найдите в тексте повести ответы на вопросы:

Как автор характеризует Пискарёва-художника и человека? Как отмечает типичность героя?

Почему Пискарёв пошёл за девушкой?

Кем оказалась девушка? Почему Пискарёв бежал из «отвратительного приюта»?

Как меняется внешний вид девушки?

Как выражено отношение автора к красавице, как связан с ней мотив демона?

Смогли ли иллюзии заменить Пискарёву реальную жизнь?

Почему автор называет план Пискарёва жениться на проститутке легкомысленным? Как это подтвердилось?

Как завершилась история Пискарёва, почему он неправ в своём безумном поступке?

Задание № 3

Прочитайте фрагмент монографии Ю.В.Манна. Используя фрагмент и текст повести, ответьте на вопрос:

Как автор повести относится к Пискарёву?

«...В “Невском проспекте” писатель впервые обратился к персонажу, психологически и профессионально близкому к нему самому — художнику, человеку искусства, городскому бедняку, интеллигенту, утверждающему себя вопреки всяческим лишениям, в том числе и материальным.... Типичное чувство этого персонажа — отъединённость от дру-

гих, чуждость всему окружающему, выражаемое в характерном жесте закутывания в плащ и стремлении побыстрее прошмыгнуть мимо домов и людей”...

Искусство приводит человека, восприимчивого к красоте, к высшей степени потрясения... Близкое к этому чувство испытывает и Пискарёв перед незнакомкой-красавицей. “Он не сомневался, что какое-нибудь тайное и вместе важное происшествие заставило незнакомку ему ввериться; что от него, верно, будут требоваться значительные услуги, и он чувствовал уже в себе силу и решимость на всё”. Тут не случайно возникает вопрос рыцарского служения даме...

Автору, как это легко понять, ближе не Пирогов, а его антипод Пискарёв; автор разделяет напряжённую патетику его переживаний, так что авторская речь становится в ряде мест внутренним монологом Пискарёва, легко переходя от носителя-рассказчика к носителю-герою. Пример: “незнакомое существо, к которому так прильнули его глаза, мысли и чувства, вдруг поворотило голову и взглянуло на него”. Далее следует описание вызванных этим взглядом переживаний; описание не маркировано кавычками, дано как бы от лица повествователя, но применительно к персонажу; это *общее* переживание Пискарёва и автора: “Боже, какие божественные черты! Как утратить это божество и не узнать даже той святости, где оно *опустилось гостить?*” Только последние выделенные мною два слова выдают авторскую иронию, слегка нарушая полноту слияния с персонажем... при этом не ставится под сомнение сама возвышенность и значительность переживаний Пискарёва... “Вечный раздор мечты с существенностью!” — вот эта краска, которую берёт автор с душевной палитры героя или, наоборот, наделяет его этой своей краской» («Творчество Гоголя. Смысл и форма». — С. 126, 132).

Справочный материал

Пискарёв — в черновой редакции повести фамилия художника была Палитрин.

Поручик Пирогов

Найдите в тексте повести ответы на вопросы:

Как автор характеризует Пирогова, как отмечает типичность героя?

Почему Пирогов пошёл за блондинкой?

Куда попал Пирогов вслед за красавицей, кем она оказалась?

Почему Пирогов ухаживает за замужней женщиной?

Чем кончается история Пирогова?

Задание № 4

Прочитайте фрагменты работ Ю.В.Манна. Используя фрагменты и текст повести, ответьте на вопрос:

Как автор повести относится к Пирогову?

«...что Пушкин, что Булгарин с Гречем — всё для Пироговых едино; в театре же они также бывают на любой пьесе. Вместе с тем их всеядность знает предел, знает нижнюю границу (в литературе — это А. Орлов, в театре —

водевили о Филатке), говорящую, однако, не столько о разборчивости, сколько о желании соблюсти “приличие”...

Венец всей этой маленькой характеристики класса Пироговых:

“...они достигают наконец до того, что желятся на купеческой дочери, умеющей играть на фортепьяно, с сотнею тысяч, или около того, наличных и кучею брататой родни”. Способность к искусству оказывается в ряду других статей вроде суммы приданого, по которм оценивается достоинство невесты...

Встреча с блондинкой толкает Пирогова на размышления: “Знаем мы вас всех”, — думал про себя с самодовольною улыбкой Пирогов, уверенный, что нет красоты, могшей ему противиться. В женской красоте для него нет недоступного, нет неизвестного и тайны...

Повествователь замечает, что он “имел множество талантов, собственно ему принадлежащих. Он превосходно декламировал стихи из “Дмитрия Донского” и “Горя от ума”, имел особенное искусство пускать дым кольцами так удачно, что вдруг мог нанизать их около десяти одно на другое”. Вновь неразличение ценностей (с одной стороны, Грибоедов, с другой — В. Озеров, ощущавшийся в 1830-е годы уже как безнадёжная архаика), вновь низведение способности к искусству в ряд обыкновенного фокусничества...» («Творчество Гоголя. Смысл и форма». — С. 127).

«...В один час с Пискарёвым на том же Невском проспекте в погоню за незнакомкой пустился его приятель поручик Пирогов... Можно было ожидать, что в отличие от своего приятеля Пирогов добьётся успеха. Такую или похожую ситуацию мы встречаем у других писателей, и, надо сказать, она оказывалась достаточно острой и критичной: ведь наполненному высоким стремлений и погибающему художнику противопоставлялась торжествующая пошлость. Но Гоголь не удовлетворился подобным решением и предложил другое, более глубокое.

В “Невском проспекте” переживает Пирогов, вместо победы над незнакомкой отдававший прутьев разъярённого мужа и его приятелей.

Однако даже оскорбление чести, даже побои не поколебали несокрушимого жизнелюбия этого человека... Вскоре инцидент был забыт вовсе — и это в то время, когда Пискарёв за свою неудачу заплатил жизнью.

На современников сильное впечатление произвёл параллелизм обеих сюжетных линий, так сказать, контраст трагического и комического воплощения одной и той же темы. Темы разлада мечты и действительности.

“О, какой смысл скрыт в этом контрасте! — писал Белинский. — И какое действие производит этот контраст! Пискарёв и Пирогов, один в могиле, другой доволен и счастлив, даже после неудачного волокитства и ужасных побоев!.. Да, господа, скучно на этом свете...” («Н.В.Гоголь. Судьба и творчество». — С. 87).

Справочный материал

Водевиль о Филатке — имеется в виду водевиль «Филатка и Мироска — соперники,

или Четыре жениха и одна невеста», его автор Григорьев Пётр Григорьевич (1807—1854) — актёр и драматург Александринского театра в Петербурге.

«Дмитрий Донской» — трагедия В.А.Озерова.

«Горе от ума» — комедия А.С.Грибоедова.

Задание № 5

Подберите примеры контраста трагического и комического в повести «Невский проспект», объясните его роль.

Шиллер, жестяных дел мастер, и другие образы немцев-ремесленников.

Найдите в тексте повести ответы на вопросы:

В чём состоит цель жизни Шиллера?

Какие черты характера проявляются в его поступках?

В чём состоит значение образов немцев-ремесленников в повести?

Какую роль играют фамилии персонажей Шиллера, Гофмана?

Справочный материал

Шиллер Фридрих (1759—1805) — немецкий поэт, драматург, философ, представитель направлений «Бурия и натиск», романтизма, вошёл в мировую литературу как защитник личности человека.

Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776—1822) — немецкий писатель и композитор, яркий представитель романтизма.

Обобщение ответов учащихся

Образы немцев-ремесленников: жестяных дел мастера Шиллера, сапожника Гофмана, столяра Кунца — дополняют социальную картину Петербурга. Накопление денег составляет цель жизни ремесленника Шиллера, поэтому строгий расчёт, ограничение себя во всём, по-

давление искренних человеческих чувств определяют его поведение. Цитируя Гоголя, Манн отмечает: «Шиллер “положил целовать жену в сутки не более двух раз, а чтобы как-нибудь не поцеловать лишний раз, он никогда не клал перцу более одной ложечки в свой суп”. То, что должно быть произвольно-естественно, подвержено расчёту, почти бухгалтерскому (ср. в том же “Невском проспекте” о несовместимости расчёта и вдохновения: улыбка “так же шла к её лицу, как... бухгалтерская книга поэту”).»

Задание № 6

Прочитайте фрагмент монографии Манна, подготовьте сообщение на тему: «Отход Гоголя от народной смеховой культуры (карнавального начала)».

«...Но, вероятно, нигде так не выразился отход Гоголя от карнавального начала, как в изображении смерти. Отношение к смерти — важнейший критерий, позволяющий увидеть в Гоголе писателя Нового времени.

В типе искусства, описываемом М.Бахтиным, смерть соотносена с рождением: “Смерть и обновление неотделимы друг от друга в целом жизни, и это целое менее всего способно вызвать страх”...

В “Невском проспекте” повествователь от погибшего Пискарёва тотчас обращается к живущему Пирогову (переход зафиксирован с точки зрения антитезы: «живое — мёртвое»)... Но увя... Переход происходит при явном понижении уровня и освещения грустной иронией...

Гоголь часто останавливается на описании того, как относятся к смерти персонажи другие. Реакция на смерть — повторяющийся момент в развитии гоголевских произведений.

Таково... завершение истории Пискарёва: “Никто не плакал над ним...”

Гоголь накапливает разнообразные зарисовки, образы, детали по одному признаку: отсутствию малейшего сострадания к судьбе персонажа... Наконец, всё увенчивается противопоставлением похорон бедняка и пышной погребальной процессии...» («Творчество Гоголя. Смысл и форма». — С. 27).

Справочный материал

Черты карнавального начала (народной карнавальной смеховой культуры), отмеченные М.М.Бахтиным в передаче Ю.В.Манна (сокращённый вариант):

— отступление от правил общественных и нравственных (стирается различие в общественном положении людей, допускается вольность в общении);

— изменение внешности с помощью маски, переодевание — это не только обновление внешнего вида, это изменение своего общественного образа;

— смягчение, устранение страха смерти, например «перестрелка конфетти

(то есть гипсовыми, меловыми, мучными шариками) — она осуществляет свойственное карнавалу смягчение... всего страшно-го... движение жизни не останавливается: смерть старого связана с рождением нового; боль и страдания отдельного человека тонут в общей жизни народа». М.Бахтин называет это амбивалентностью. Амбивалентность (от лат. *ambo* и *valenta* — сила) — сосуществование противоположных, противоречивых начал;

— единство, нерасчленённость народной жизни, всеобщность карнавального действия, веселье, танца;

— преодоление страха перед нечистой силой, опрошение, одомашнивание нечистой силы (дедemonизация) христианско-мифологических образов зла.

ПУТИЛО Олег Олегович —

доцент кафедры литературы и методики её преподавания ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», г. Волгоград, dolennor@rambler.ru,

СТАРИКОВА Елена Юрьевна —

учитель русского языка и литературы ЧОУ СОШ «Царицынская № 1», г. Волгоград

МЕЩЕРЯКОВА Елизавета Павловна —

учитель русского языка и литературы МОУ СШ № 19, г. Волгоград

РОМАН З.ПРИЛЕПИНА «ОБИТЕЛЬ» КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ «ЛАГЕРНОЙ» ПРОЗЫ*

Аннотация. в методической разработке на материале романа З.Прилепина «Обитель» исследуется современный взгляд на проблему репрессий 1920—1930-х годов, проводится сопоставительный анализ с произведениями признанных классиков лагерной прозы — В.Шаламова и А.И.Солженицына. **Ключевые слова:** Прилепин, Шаламов, Солженицын, лагерная проза, Соловецкий монастырь.

Abstract. The methodical manual based on Z.Prilepin's novel "Abode" presents the modern view on the repressions of the 1920s—1930s. A comparative analysis with the works of recognized classics of camp prose — V.Shalamov and A.I.Solzhenitsyn is presented.

Keywords: Prilepin, Shalamov, Solzhenitsyn, camp prose, Solovetsky monastery.

Планируемые результаты

Личностные: формируется интерес учащихся к истории России, уважительное отношение к религиозным чувствам, взглядам лю-

дей; осознание и ощущение личной сопричастности судьбе российского народа; понимание значения нравственности, веры и религии в жизни человека и общества.

Метапредметные:

учащиеся учатся находить требуемую информацию, структурировать текст в виде таблицы; устанавливать взаимосвязь описанных в тексте событий, яв-

*Методическая разработка предложена авторами из их учебно-методического пособия «Изучение современной литературы в практике школьного преподавания: учебно-методическое пособие для студентов филологического факультета и учителей русского языка и литературы общеобразовательных учреждений» [электронный ресурс] / О.О.Путило, Е.Ю.Старикова, Е.П.Мещерякова / Под ред. О.О.Путило. — Волгоград, 2017. URL: <http://www.iprbookshop.ru/70730.html>

лений, процессов, объясняя их сходство или различия; корректно и обоснованно выражать свою точку зрения, делать вывод на основе критического анализа разных точек зрения, отбирать речевые средства для построения устного ответа на вопрос.

Предметные: старшеклассники объясняют своё понимание проблематики романа «Обитель»; выявляют и осмысливают формы авторской оценки героев и событий, характер авторских взаимоотношений с читателем как адресатом произведения; выражают личное отношение к художественному произведению, аргументируя свою точку зрения.

Приёмы и технологии, используемые на уроке: лекция учителя, сообщение учащегося, аналитическая беседа, составление сравнительной таблицы, кейс-метод.

Ход урока

Захар Прилепин (настоящее имя — Евгений Николаевич Прилепин; род. 7 июля 1975 года в селе Ильинка Скопинского района Рязанской области) — русский писатель, телеведущий.

Евгений Прилепин родился в семье учителя истории и медсестры. Уже в шестнадцать он начал подрабатывать грузчиком в хлебобулочном магазине. После окончания школы Прилепин переехал в Нижний Новгород, где поступил в местную школу милиции. Впоследствии службу в ОМОНе он совмещает с вечерними занятиями в Нижегородском государственном университете, где изучает филологию. В 1996 году в ранге командира особого отделения Прилепин командирован в Чечню. Через три года он снова отправится на Кавказ, где примет участие в контртеррористической операции на территории Дагестана. Позже этот военный опыт будет реализован в романах писателя.

После дефолта 1998 года Прилепину, по его собственным словам, стало не хватать омовской зарплаты на содержание семьи, поэтому в 1999 году он оставляет службу в ОМОНе и устраивается на работу журналистом в нижегородскую газету «Дело», где де-

лает быструю карьеру. Будучи журналистом, он пользовался разными псевдонимами, самым известным из которых был Евгений Лавлинский. За эти годы Прилепин успел поработать в таких журналах и газетах, как «Огонёк», «Русская жизнь», «Медведь», «Известия», «Новая газета» и др. В 2012 году вместе с другим известным писателем Сергеем Шаргуновым возглавил редакцию сайта «Свободная пресса». С ноября 2015 года ведёт музыкальную программу «Соль» на РЕН ТВ. С января 2016 года — ведущий авторской программы «Чай с Захаром» на «Царьград ТВ», «Уроки русского» на НТВ.

В 2003 году Прилепин написал роман «Патологии» о второй чеченской войне, однако гораздо больше споров вызвал другой его роман — «Санька» (2006), посвящённый современным русским революционерам-националистам. Кроме художественной прозы перу Прилепина принадлежит биография писателя Леонида Леонова, написанная для серии «Жизнь замечательных людей».

Захар Прилепин неоднократно становился номинантом и лауреатом разных литературных премий: в 2005 и 2006 годах он попал в шорт-лист премии «Национальный бестселлер», в 2006 году стал финалистом премии «Русский Букер», в за роман «Санька» стал лауреатом ежегодной литературной премии «Ясная Поляна» имени Льва Толстого, был финалистом премии «Русский Букер десятилетия» (2011), в мае 2011 года Прилепин стал лауреатом премии «Супернацбест» за лучшую прозу десятилетия, обойдя других претендентов на эту награду — писателя Виктора Пелевина и поэта Дмитрия Быкова.

В апреле 2015 года новый роман Захара Прилепина «Обитель» занимает первую строчку в рейтинге самых продаваемых книг года по данным сайта Pro-Books.ru и становится самой читаемой книгой в библиотеках Москвы в 2015 году. Роман принёс писателю целую серию номинаций: премию «Книга года» (2014) в номинации «Проза года», «Книжную премию Рунета-2014» в номинации «Лучшая художественная книга», премию «Большая книга». Захар Прилепин считает, что его писательский труд — способ прокормить семью. У него есть и другие интересы, помимо литературы: он пишет музыку, читает рэп, снимается в клипах и фильмах.

Избранная библиография:

- «Патологии» (2004);
- «Санька» (2006);
- «Грех» (2007);
- «Чёрная обезьяна» (2011);
- «Обитель» (2014).

Роман «Обитель»

Где происходит действие романа «Обитель»? Что представляет собой Соловецкий лагерь особого назначения?

Соловецкая тюрьма — политическая и церковная тюрьма, существовавшая с XVI до начала XX века на территории Соловецкого монастыря. Из-за удалённости Соловков власти считали монастырь особенно надёжным местом заключения. Со времён Ивана Гроз-

ного до даты официального закрытия в 1883 году через тюрьму Соловецкого монастыря прошли от 500 до 550 узников.

Многие из заключённых были людьми известными, здесь сидели сподвижники Петра I: граф Пётр Андреевич Толстой, предок Л.Н.Толстого, и член Верховного тайного совета князь Василий Долгорукий. С конца XVIII века сюда стали отправлять преимущественно «преступников по делам веры»: старообрядцев, скопцов и др.

Камеры в башнях и стенах Соловецкого монастыря были весьма тесными: 1,5 метра в длину и 1 метр в ширину, 1 метр в высоту. В таком узком пространстве нельзя было даже лежать, заключённый спал в полусогнутом состоянии. Маленькое окошко давало мало света и было предназначено больше для подачи пищи.

Режим в Соловецкой тюрьме был настолько суров, что в 1835 году была назначена специальная правительственная комиссия для проверки условий содержания узников. Проводивший ревизию жандармский полковник Озерецковский был вынужден признать, что заключённые «несли наказание, значительно превышавшее их вины».

В начале 1923 года ГПУ РСФСР предложило построить новый лагерь на Соловецком архипелаге, и уже в июле на Соловки прибыли первые заключённые. 13 октября 1923 года на основании постановления СНК СССР северные лагеря ГПУ были ликвидированы и на их базе организовано Управление Соловецкого лагеря принудительных работ особого назначения (УСЛОН или СЛОН) ОГПУ. Лагерю было передано в пользование всё имущество Соловецкого монастыря, закрытого с 1920 года [Статья о Соловецкой тюрьме. Википедия].

В каком году происходят события, воссозданные в романе?

Кейс для ответа на вопрос:

1. «Теперь любопытные детали. 13 марта 1925 года организуется Соловецкое отделение Архангельского общества краеведения (СОАОК): приказ по Управлению Соловецким лагерем особого назначения. Председатель краеведов, как ни удивительно, Фёдор Эйхманис. 12 мая 1925 года очередным приказом УСЛОНа северо-восточная часть Большого Соловецкого острова объявлена заповедником. На территории заповедника запрещалась вырубка леса, охота, сбор яиц и пуха» [Прилепин, 734].

2. «На 1 октября 1927 г. общее число заключённых Соловецких лагерей (на островах и в лагерных пунктах на материке) составляло 12 896 чел.» [Энциклопедия «Соловки», http://www.solovki.ca/camp_20/gpu.php].

3. «Только в УСЛОНе среднегодовая численность в 1928/29 финансовом году составила 21 900 человек, а к 1 июня 1930 г. число заключённых достигло 63 000» [Система мест заключения в РСФСР и СССР. 1917—1930 гг. Справочник].

4. «Пишет эта мразь в книжечке своей, что за год мы тут расстреляли шесть тысяч семьсот человек. Там, наверное, барышни

Захар Прилепин с новым романом «Обитель». Фото О.Золота. 2014

падают в обморок, когда читают. Мы можем и шесть тысяч, и шестьдесят шесть расстрелять. Но тут в тот год всего семь тысяч заключённых находилось!» [Прилепин, 272].

5. С 13 ноября 1925 года по 20 мая 1929 года лагерем управлял Ф.И.Эйхманис. «В августе 1929 года Эйхманис возвращён в Москву и занимает должность начальника 3-го отделения Спецотдела ОГПУ: внешняя контрразведка» [Прилепин, 736].

6. «У нас теперь новый начальник лагеря, — с ходу огородил Афанасьев. — Два дня как явился. — Откуда? — выдохнул Артём, вытаращив глаза и отбросив ёлочный хвост как совершенно лишний в таком разговоре. — А я знаю? — ответил Афанасьев. — Из преисподней, как все они. Фамилия Ногтев. Он тут уже заправлял в своё время, ещё до Эйхманиса, но мы с тобой его не застали» [Прилепин, 412].

7. «Ногтев Александр Петрович, балтийский матрос, участник штурма Зимнего, глава Соловецкого лагеря в 1923—1924 годах, затем потрудился в других лагерях, вернулся на свою должность в 1929 году» [Прилепин, 741].

8. «В феврале стояла большая стужа, а в марте — большая лужа. Стужа была сухая, лужа — солёная. В марте прилетели чайки, но куда в меньшем количестве, чем в прошлом году, а вороны улетели. В апреле ещё было ветрено, трудно, но в мае ничего, тихо. Чаек добились, чтоб не кричали. В июне Артём постарался, дал рубль, дал десять, вышел из запретной роты и вновь попал в ягодную бригаду. В июле к ним неожиданно присоединился отец Зиновий» [Прилепин, 744].

Расскажите об обитателях знаменитых Соловков. Кто и за какие провинности попал в лагерь? Были ли среди арестантов невинные люди?

Население Соловецкого лагеря разнообразно, тут можно встретить бывших белогвардейцев и чекистов, священников и монахов, артистов, спортсменов и учёных. Есть ли среди сидельцев поистине невинные? Маловероятно. Те, кто заявляет о своей невинности, — кривят душой: «А ведь и не одни невинные здесь собрались, верно? Всякий про себя думает, что он точно невинен, — да не каждый даже себе признается, с какой виной он сюда пришёл. У одного — злохулильные слова, у другого — воровские бредни, у третьего — иная великоважная ошибка» [Прилепин, 145]. Комиссар Соловецкого лагеря Галина Кучеренко со злостью бросает: «Тут все говорят, что невинны — все поголовно, и иногда за это хочется наказывать: я же знаю их дела, иногда на человеке столько грязи, что его закопать не жалко, но он смотрит на тебя совсем честными глазами. Человечек — это такое ужасное» [Прилепин, 718].

В качестве примера можно привести историю Василия Петровича: «В 1924 году по старым ещё знакомствам Василий Петрович несколько раз попал на вечеринки во французское посольство: недавнее полугодное прошлое военного коммунизма приучило всех наедаться впрок, а французы кормили. «Накрывают красиво, а съест нечего», — се-

товал, впрочем, Василий Петрович. Раз сходил, два, в третий раз на обратном пути попросили сесть в машину и увезли в ОГПУ. Определили как французского шпиона, хотя следствие было из рук вон глупое и доказать ничего не могли совершенно» [Прилепин, 49]. Однако чекист Горшков узнаёт в скромном, верующем заключённом бывшего белогвардейца, проявлявшего излишнюю жестокость: «Колчаковская контрразведка, он мне из спины мясо кусками отщипывал! Вот где довелось повстречаться!» Захара, деда рассказчика, «посадили за то, что он зверски избил уполномоченного. Потом его ещё раз чудом не посадили, когда он собственноручно перебил домашнюю скотину, которую собирались обобществлять» [Прилепин, 11]. Получается, что практически каждый заключённый наказан не столько за свои убеждения, сколько за вполне конкретные преступления: бывший белогвардеец Бурцев сидит за организацию банды, убивавшей и грабившей людей, Афанасьев — за организацию притона. Да и сам Артём не безгрешен: он убил родного отца.

Почему Артём не пытается облегчить себе жизнь, присоединившись к какой-либо социальной группе?

Автору важно оставить своего героя независимым, чтобы тот мог свободно взаимодействовать со всеми социальными группами в лагере: белогвардейцами, блатными, владышкой Иоанном, начальником лагеря — Фёдором Эйхманисом, комиссаром — Галиной Кучеренко. Поэтому Артём получает возможность услышать разные мнения об одном и том же событии: Эйхманис в разговоре с Артёмом замечает, что большие мучения заключённым доставляет не начальство лагеря, а их собственные конфликты, а Василий Петрович высказывает Артёму противоположную мысль, считая, что начальник лагеря в ответе за ту обстановку, которая создаётся под его началом. Таким образом, «главный герой Артём, не из палачей, не из невинно осуждённых, не из революционеров или контрреволюционеров, простой русский парень» [Бондаренко] становится связующим звеном в заочном диалоге двух противоборствующих сторон.

В каких условиях живут заключённые?

Условия в Соловецком лагере разнообразны. Конечно, есть и карцер-глиномьялка: «Знаешь, что такое глиномьялка? Подвал под южной стеной. На дне — глина, которую надо месить ногами. С утра до вечера в глине по колени. Пайка — 300 грамм хлеба. По уму, в подвал влезет человек тридцать, не больше, но загоняют обычно под сто. Лежат все на цементном полу — ни покрывал, ничего. Оставляют только бельё. Если белья нет — голый. Кормят из одного ушата, а посуду не дают, поэтому жрут так, из рук. Чтоб сдохнуть — надо неделю. Тебе дадут точно месяц, но, наверно, больше» [Прилепин, 166]. Но есть и такие камеры, как келья Мезерницкого: «Высокие белёные потолки. Дощатые, не так давно крашенные в коричневый цвет полы. Вымытое окно почти в человеческий рост. Всего две лжанки. Одна не застелена — на ней доски.

Зато на другой — покрывало с тигром, видна белоснежная простыня, подушка взбита и, кажется, ароматна. Над кроватью — полочка с книгами: несколько английских романов, Расин, некто Леонов с заложенным неподалёку от начала сочинением «Вор», Достоевский, Мережковский, Блок. <...> Стол был покрыт скатертью, на столе — электрическая лампочка с расписанным акварелью абажуром, в углу иконка с лампадкой, на гвоздике серебряный крест — Артём коснулся его и чуть качнул. В нише окна размещались фотография женщины и фарфоровая собачка — белая в чёрных пятнах, с закрученным хвостиком, надломленным на самом кончике» [Прилепин, 51].

Тюремное пространство накладывает на человека ограничения, теснит его свободу: маленькие камеры, неудобные нары, духота, холод — всё это становится для героев привычным. Однако многие заключённые Соловков имеют гораздо больше свободы, чем герои Шаламова и Солженицына. Помимо возможности отовариваться за особые, «соловецкие» деньги в ларьках, многие из них имеют пропуск на выход за пределы охраняемой территории, проживают за пределами камер, будь то территория питомника или научной станции.

Начальник лагеря Фёдор Эйхманис утверждает, что слухи о жестокости лагерного начальства и конвойных преувеличены. Но читатель видит обратное. Приведите примеры бесчеловечного обращения с заключёнными. Может ли это быть какое-либо оправдание?

Многое Артём увидел своими глазами, в особенности будучи в карцере на Секирке, в котором, «если начинает звенеть секирский колокольчик, надо немедленно превращаться в дым, в извёстку, в бред, в подножную грязь, терять возраст, звание, имя, облик, делиться на части и не шевелиться, даже если сильный сквозняк» [Прилепин, 546—547]. О других случаях ему рассказывает местный старожил Василий Петрович: «Вы, Артём, знаете, что зимой на лесоповале здесь однажды оставили за невыполнение урока тридцать человек в лесу — и все они замёрзли? Что трёх беспризорников, убивших и сожравших одну местную соловецкую чайку, с ведома Эйхманиса поставили «на комарика», привязав голыми к деревьям? Беспризорников, конечно, вскоре отвязали, они выжили — но у них на всю жизнь остались чёрные пятна от укусов». «Обсуждали вы такие темы, как посадка заключённых в одном бельё в карцер, представляющий собой яму высотой не более метра, потолок и пол которой выстланы колючими сучьями? — спросил Василий Петрович, дыша Артёму в лицо. — Эйхманис сообщил вам, что лагерник выдерживает не более трёх дней, а потом — дохнет? Рассмешил он вас шуткой про дельфина? Это когда лагерники, услышав красноармейскую команду «дельфин!», должны прыгать, допустим, с моста — если их ведут по мосту в воду. Если нет моста, надзор порой расставляет лагерников на прибрежные валуны — и те, заслышав команду, ныряют. И хорошо,

если на дворе август, а не ноябрь! А если не прыгают — их бьют, очень сильно, а потом всё равно кидают в воду!.. Не вспомнил Фёдор Иванович, что на местных озёрах лагерников в качестве наказания заставляют таскать воду из одной проруби в другую?» [Прилепин, 323—324].

Одна и та же история заключённым и сотрудникам лагеря видится с разных точек зрения, как, например, расстрел политических заключённых:

1. Василий Петрович: «...тут, в Савватьевском скиту, жили политические — те самые, что вместе с большевиками устраивали их революцию, а потом разошлись во взглядах и сразу угодили на Соловки. Да, они тут не работали, да, только устраивали диспуты и ссорились. Однако, когда политические однажды отказались уходить раньше положенного срока с вечерней прогулки, — наше руководство подогнало красноармейский взвод, и дали несколько залпов по живым, безоружным людям! Героям, говорю я вам, их же собственной революции!» [Прилепин, 324].

2. Галя: «...никому не надо было их расстреливать. Они сами этого добивались целый год. От Фёдора бы не добились. А от Ногтева добились. И то пришлось постараться. Они жили в Савватьево. Ни работ, ни охраны, полное самоуправление. Они там лекции читали друг другу, на фракции разбились... Межфракционная борьба, — Галя весьма едко усмехнулась, — ругались, мирились, чего только не было. Прогулки — круглые сутки, и днём, и ночью. Электричество там не гасло до утра. Семь часов свиданий в неделю! С Ногтевым не общались, орали на него: “Пошёл вон, палач!” — и он уходил. <...> Потом пришло распоряжение из Москвы ограничить срок прогулок до шести часов, — продолжила она. — Фёдор распоряжение зачитал, один,

без охраны зайдя к ним в скит — он всегда так ходил. А у них там, естественно, свои топоры, ножи... В распоряжении было написано: прогулки с девяти утра до шести вечера. Ведь можно нагуляться до шести вечера, если начнёте в девять утра, да? Тем более если не работаешь? А они вот решили, что не нагуляются. Ну и электричество в двенадцать ночи отключалось. Тоже по распоряжению Москвы... Политические отказались признавать эти требования. Галя бросила веточку обратно в чашку: надоела. — Окончательное решение принял Ногтев. Они же назло всё делали: им трижды объявили о необходимости разойтись. Но они нарочно ходили под фонарями. Кто-то дал команду, и началась стрельба, причём красноармейцы стреляли вверх. В толпу стреляло только трое человек, я знаю их всех, ногтевские сподручные: одного, Горшкова, перевели с глаз подальше на один остров тут, другого в Кемь... Остался Ткачук только. Если б все красноармейцы стреляли в толпу — перебили бы политических поголовно, это было нетрудно» [Прилепин, 353—354].

Сам Эйхманис оправдывает жестокость необходимостью поддержания дисциплины среди заключённых: «Семь тысяч человек, и у каждого бессмертная душа, а я взял её в плен. Душа томится и стремится вверх и во все четыре стороны. Но если я на минуту ослаблю пальцы — леопарды съедят попов, штрафные чекисты убьют леопардов, а потом их съедят каэры, а тех передуют политические из социалистов» [Прилепин, 719].

Кто в большей степени виноват в терроре и насилии: руководство колонии, охрана или сами заключённые?

Как бы ни хотелось во всём обвинить начальство и конвоиров, но «...десятники, взводные и ротные из числа всё тех же заключённых часто превратно понимают свои

задачи и, следя за выработкой и дисциплиной, сами злостно нарушают дисциплину» [Прилепин, 179]. Сам Эйхманис заявляет: «Пишут ещё, что здесь мучают заключённых. <...> Отчего-то совсем не пишут, что заключённых мучают сами же заключённые. Прорабы, рукавы, десятники, мастера, коменданты, ротные, нарядчики, завхозы, весь медицинский и культурно-воспитательный аппарат, вся контора — все заключённые. Кто вас мучает?» [Прилепин, 272]. Другими словами, «Соловки — прямое доказательство того, что в русской бойне виноваты все» [Прилепин, 271].

Комиссия, расследовавшая зверства чекистов, обнаружила, «что издевательства, избиения и пытки заключённых количественно уже перешли в качество, то есть в систему режима» [Прилепин, 646].

Но можно ли исправить ситуацию, заменив начальство и чекистов?

На этот вопрос отвечает сам Эйхманис: «Чтоб всё было в порядке — надо расстрелять всех чекистов. Потому что все сюда присланные — штрафники, садисты и негодяи, перевоспитывать их нет смысла. Но если я расстреляю этих чекистов — других мне не дадут. Поэтому пусть всё идёт как идёт» [Прилепин, 709].

Первоначальная задача исправительно-трудового лагеря — перевоспитать человека. Даже участие заключённых в спортивных мероприятиях — это не развлечение, а «отражение пути, проходимого исправляющимися, но пока ещё виновными членами общества» [Прилепин, 213]. Эйхманис «действительно думает, что здесь возможно перековать людей» [Прилепин, 725], именно поэтому он превращает Соловки в лабораторию, предоставляя заключённым возможность заниматься любым видом деятельности: «Лесо-заготовка — лесопильное и столярное производство. Рыбная и тюленья ловля. Скотное и молочное хозяйство. Известково-алебастровый, гончарный, механический заводы. Бондарная, канатная, наждачная, карбасная мастерские. Ещё мастерские: кожевенные, сапожные, портновские, кузнечные, кирпичные... Плюс к тому — обувная фабрика. Электрификация острова. Перегонный завод. Железная дорога, торфоразработки, сольхоз, пушхоз и сельхоз. Лодочное и парходное сообщение. Стройка новых зданий, ремонт старых. Поддержка в порядке каналов, вырытых монахами. Заповедник и биосад в нём. Смолокурня, радиостанция и типография. Театр, даже два театра. Оркестр, даже два оркестра. И две газеты. И журнал. А ещё у нас больница, аптека, три ларька...» [Прилепин, 274—275].

Насколько успешна эта попытка? Может ли работа стать спасением для заключённого?

Иван Денисович, главный герой рассказа Солженицына, видел в труде смысл своего существования, но даже он говорил, что «работа — она как палка, конца в ней два: для людей делаешь — качество дай, для начальника делаешь — дай показуху» [Солженицын,

Под конвоем в Соловецкий лагерь

«Один день Ивана Денисовича», 9]. Нельзя сказать, что заключённые получают удовольствие от своей деятельности, потому что труд этот принудительный и при невыполнении нормы или саботаже следует суровое наказание: если в лисьем питомнике подохла лиса, то «ответственный работник питомника едет на Секирку в погоню за подохшей лисой. И лиса от него далеко не уйдёт» [Прилепин, 418—419]. Именно поэтому многие заключённые пытаются облегчить себе участь с помощью членовредительства, как это делает герой рассказа Шаламова «Сухим пайком», отрубивший себе четыре пальца, или Филипп, уронивший баланс себе на ногу.

Может ли в лагерных условиях зародиться настоящее светлое чувство, можно ли назвать отношения между Артёмом и Галиной Кучереной любовью?

Галина давно утратила романтические иллюзии, в прошлом она была интеллигентной, начитанной, увлекающейся поэзией гимназисткой, теперь же она, без лишних угрызений совести, может шантажировать заключённых, устроить допрос с пристрастием или отправить провинившегося в карцер. До связи с Артёмом Галина была увлечена начальником лагеря — Эйхманисом, который относился к ней несерьёзно, то приближая, то отдаляя от себя, постоянно заставляя мучиться. Дерзкий поступок Артёма на допросе пробуждает страсть, которая Артёму дала возможность сократить дистанцию между заключённым и тюремщиком и благодаря этому выжить, а для Галины — отомстить Эйхманису за равнодушие и унижение (табл. 1).

Согласны ли вы с утверждением Артёма: «Человек — живучая скотина»? Что помогает выжить в нечеловеческих условиях?

Во-первых, наблюдательность: «Первую вещь, которую Артём понял на Секирке, — что работа, по крайней мере осенью, — вещь не самая страшная. Если б их сейчас выгнали

на улицу — было бы куда проще. Обращал на себя внимание один из старожилов Секирки, одетый в несколько рубах и подштанников, на распухшие свои ноги он накрутил крепко перевязанные портянки, одни на другие, как капуста. Из его поведения Артём вывел другой секирский закон: спать лучше днём — оттого что днём теплее, а ночью двигаться и выживать» [Прилепин, 507].

Во-вторых, сообразительность: «Иоанн предложил настелить доски с нар на полы и улечься штабелем — четыре человека внизу, четверо — поперёк — на них, сверху ещё четверо, создавая как бы двойную решётку, следующие четверо снова поперёк... А сверху прикрыться этой одеждой. Один штабель будет великоват и тяжеловат, поэтому лучше разложиться в два. — Раз в час надо вставать и верхним ложиться вниз, а нижним подниматься выше, а то передушим друг друга, — сказал владычка. Голос его звучал уверенно, словно секирская эта церковь стала кораблём, а он, так уж получилось, её капитаном. Уговаривать никого не пришлось» [Прилепин, 516].

В-третьих, отсутствие брезгливости и жалости: «Однако про то, что любое, пусть и с мёртвого, бельё лучше, чем отсутствие всякого белья, догадался и Василий Петрович, который без лишних разговоров первым потянул с мёртвого соседа подштанники» [Прилепин, 507].

Однако не каждый может сохранить в себе остатки человечности: чувство самоуважения, милосердия.

Нравственные ценности заменяются хлебом насущным. Ради еды в рассказе В.Шаламова «Ночь» заключённые снимают с мертвеца рубашку и кальсоны, чтобы на следующий день променять добытую одежду на хлеб. Растление в души всех людей лагеря, по мнению В.Шаламова, вносит «именно блатной мир, его правила, этика и эстетика». Отказы-

ваясь жить по понятиям, Артём вступает в противоборство с блатными, которое рано или поздно закончится его гибелью.

Как заключённый может сохранить в лагере человечность своей души? Поможет ли ему вера в Бога?

Действительно, если попытаться выделить категорию сидельцев, которая лучше всех переносит нечеловеческие условия заключения, то это будут верующие. Этот факт подмечали и Шаламов, и Солженицын. Заостряет на нём внимание и Прилепин. В лагере «длинноволосому племени» монахов и священнослужителей отводится важная роль хозяйственников, заведующих и сторожей, оттого что оно «не имеет привычки к воровству» [Прилепин, 45]. Тяжёлые бытовые условия были им привычны, неслучайно Артём замечает, что быт земляной кельи инога монаха намного тяжелее быта заключённого. Впрочем, монахи успешно интегрируются в лагерный быт, организовывая за скромную мзду любовные свидания между заключёнными.

Но если в лагере чекисты и соловецкие монахи дружат и даже ходят друг другу в гости, то на свободе отношения между священнослужителями и мирянами подчиняются духу времени. «И если батюшка говорит, что советская власть — от Антихриста, — а они говорят это неустанно! — значит, никакого социализма в этой деревне, пока стоит там церковь, — мы не построим! — сказал Эйхманис, со злым лукавством косясь на Феофана, будто бы довольный его молчанием. — Это даже не палки в колёса! Поп тащит наш воз в противоположную сторону, и тащит с куда большим успехом! <...> Рассказывают, что мы убили русское священство, — тихо продолжил он. — Как бы не так. В России сорок тысяч церквей, и в каждой батюшка, и над каждым батюшкой своё начальство. А в Соловках их сейчас одна рота длиннополых — 119 человек! И то самых

Таблица 1

Это была любовь	Это ненастоящая любовь
«— Может быть, я правда её люблю? — подумал он, очень бережно взвешивая свой вопрос в голове, чтоб не спугнуть его своим же, из прошлой жизни, зубоскальством. — Люблю? — ещё раз повторил он, беззвучно произнеся это слово, чтоб почувствовать его на губах. — Или как в моём случае называется то чувство, которое у людей зовётся “любовью”?» [Прилепин, 601—602]	«— Ты никто, — всхлипывала Галя, — тут мог быть кто угодно — я выбрала тебя: пустое место. Всё потеряла... — Ты самый ничтожный был!.. Он же знал, что я с тобой буду. Он нарочно тебя вытащил, чтоб меня отвлечь. Чтоб я не дёргалась» [Прилепин, 632]
«Он попытался повернуть её лицом к себе, и она наконец поддалась, повернулась. Вдруг он сказал ей прямо в пахнувший его кровью рот: — Я люблю тебя. Она услышала, но вела себя так, словно ничего не было. Чуть отстранилась, руками вытерла лицо: оно было не раздражённое, но и не приуроченное уже — а просто лицо» [Прилепин, 382]	«Галина даже встала из-за стола, она неотрывно смотрела на Артёма, пытаясь прожечь его насквозь, убить немедля, сейчас же — будто бы именно Артём являлся отвратительным сгустком всего того, что она ненавидела и чему яростно желала смерти. Артём это чувствовал, и ему становилось всё страшней» [Прилепин, 300]
«Он не мог отвести от неё глаз. Кажется, Галина это осознавала — походка её дразнилась... Представил, как ест сахар с тёплой руки, видя линии в ладони, запастье и слыша чистый и еле ощутимый запах женского пота» [Прилепин, 129]	«— Да, мщу. Хотелось отомстить — и чтоб не с чекистом, не с конвойным, а вот с таким. Который тем более у него крутится перед глазами. Наверное, не надо об этом» [Прилепин, 728]
«Он действительно потянулся рукой к её лицу. Галя сделала не резкое, но всё-таки заметное движение, чтоб отстраниться — что ещё такое? зачем ты, Артём? — Я погреть... — сказал он, чуть криво улыбаясь. — Не замёрзла?» [Прилепин, 606]	«— И что, не спала? — хотел спросить Артём, но не стал. Никакой любви у него к этой глупой женщине не было. И у неё к нему» [Прилепин, 633]

настырных и зловредных. Где же остальные? А всё там же. Проповедуют о царстве Антихриста» [Прилепин, 277]. Вооружившись известной фразой К.Маркса «Религия — опиум для народа», советская власть начала борьбу с верой. Все большее количество людей, вне зависимости от их сословной принадлежности, отворачивается от православия: «Интеллигент возненавидел попа, — перечислял Василий Петрович. — Русский мужик возненавидел попа. Русский поэт — и тот возненавидел попа!» [Прилепин, 67]. Но сами священнослужители по-евангельски кротко, со смирением, принимают новую власть: «Мы боремся не против людей, а против зла нематериального и духов его. В жизни при власти Советов не может быть зла — если не требуется отказа от веры. Ты обязан защищать святую Русь — оттого, что Русь никуда не делась: вот она лежит под нами и греется нашей слабой заботой. Лишь бы не забыть нам самое слово: русский, а всё иное — земная суета. Вы можете пойти в колхоз или в коммуны — что ж в том дурного? — главное, не порочьте Христа имени» [Прилепин, 44—45].

Поэтому весьма символична сцена на кладбище, когда заключённые рушат памятники, расчищая площадку для будущего скотного двора. Поначалу всем немного не по себе, но вскоре «зачистка» вступает в новую фазу: «без почтения и пощады, поднимали с криком, тащили, хрипло матерясь, и бросали как упадёт... Будто бы восторг святотатства отражался порой в лицах». В утере нравственности и веры их укоряет чеченец: «Нам сказали б ломать своё кладбище — никто не тронул. Умер бы, а не тронул. А вы сломали. <...> Нету больше вашего Бога у вас — какой это Бог, раз в него такая вера!» [Прилепин, 37].

Впрочем, часто мы видим иную картину, когда в заключении люди приходят к вере. Почему?

Момент всеобщего духовного единения на Секирке становится кульминацией страданий, претерпеваемых сидельцами. Во время коллективной исповеди людские грехи видятся Артёму в образе разных гадов: «Боже мой, я ограбил и убил старуху! — Задушил ребенка! Помилуй! Всеблагий! Молю!» [Прилепин, 563]. По окончании причастия в церкви становится «чисто и звонко, как в снежном поле» [Прилепин, 567]. Именно в вере они ищут тот путь, который выведет их, грешников, к спасению: «Христос пришёл спасти не праведников, а грешников. Церковь Христова вся состоит из одних грешников, — пояснял уже владычка Иоанн: оказывается, они стояли рядом, спина к спине с Зиновием, и к их тёплым рукам, на их голоса сходились всё новые и новые несчастные. — Мы не пропадём, отцы? — вскрикнул кто-то через головы, обращаясь к двум батюшкам сразу. — Вы — свет мира» [Прилепин, 558].

Существует два полярных мнения в решении вопроса о том, как заключение в лагере влияет на человека. В ходе осмысления позиции З.Прилепина по этой проблеме необходимо обратиться к творчеству классиков «лагерной» прозы, сопоставив в ходе организованной дискуссии точки зрения В.Шаламова (автора «Колымских рассказов») и А.И.Солженицына («Архипелаг ГУЛАГ», «Один день Ивана Денисовича», «В круге первом» и т. д.)

В «лагерной» прозе есть основополагающий вопрос, по поводу которого существуют два противоположных мнения, высказанных Солженицыным и Шаламовым: **человек в лагере может сохранить нравственный**

«стержень» (А.И.Солженицын) / в заключении происходит полное «расчеловечивание» личности (В.Шаламов)?

Кейс для ответа на вопрос (таблица 2).

Как на этот вопрос отвечают герои романа Прилепина?

Резюмировать мнение героев можно короткой фразой-рецензией, произнесённой Василием Петровичем: «Тут нельзя победить, вот что вам надо понять. В тюрьме нельзя победить» [Прилепин]. В конце романа автор будто бы соглашается с мнением В.Шаламова: перед нами «расчеловеченный», морально опустошённый герой, мы видим его «как будто даже утратившим имя: окружающие знают лишь фамилию, тогда как раньше было наоборот. Эта трансформация образа художественно поддержана и изменением характера повествования: ранее картина давалась через восприятие героя, теперь же — отстранённо и нейтрально, между героем и читателем — психологическая дистанция, как будто Артём утратил свой взгляд на мир» [Сухих]. В финале Артём готов пожертвовать собой ради Захара, поскольку достиг вершины безразличия к собственной жизни, но в то же время сохранил достаточно человечности, чтобы не потратить её окончательно впустую.

Как мы уже знаем, Соловецкий лагерь особого назначения был правопреемником Соловецкой тюрьмы, существовавшей на островах с XVI века. «Я говорю: здесь всегда была живодёрня! Соловки тюрьмой не напугаешь» [Прилепин, 263].

Можно ли считать советский лагерный режим более жестоким, чем царский? Можно ли назвать роман Захара Прилепина романом-предупреждением?

Таблица 2

В.Т.Шаламов	А.И.Солженицын
«Ужасно видеть лагерь, и ни одному человеку в мире не надо знать лагерей. Лагерный опыт — целиком отрицательный до единой минуты. Человек становится только хуже. И не может быть иначе...» [Шаламов. «Инженер Киселёв», 315]	«Как в природе нигде никогда не идёт процесс окисления без восстановления (одно окисляется, а другое в это самое время восстанавливается), так и в лагере (да и повсюду в жизни) не идёт растление без восхождения. Они — рядом» [Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ», 605]
«Лагерь — отрицательная школа жизни целиком и полностью. Ничего полезного, нужного никто отсюда не вынесет, ни сам заключённый, ни его начальник, ни его охрана, ни невольные свидетели — инженеры, геологи, врачи — ни начальники, ни подчинённые» [Шаламов. «Красный крест», 148]	«Там, где Шаламов проклинает тюрьму, исковеркавшую его жизнь, Солженицын верит, что тюрьма — это и великое нравственное испытание и борьба, из которой многие выходят духовными победителями» [А.Шур]
«Каждая минута лагерной жизни — отравленная минута. <...> Заключённый приучается там ненавидеть труд — ничему другому и не может он там научиться. Он обучается там лести, лганью, мелким и большим подлостям, становится эгоистом. Возвращаясь на волю, он видит, что он не только не вырос за время лагеря, но что интересы его сузились, стали бедными и грубыми. Моральные барьеры отодвинулись куда-то в сторону. <...> Он чересчур высоко ценит свои страдания, забывая, что у каждого человека есть своё горе. К чужому горю он разучился относиться сочувственно — он просто его не понимает, не хочет понимать» [Шаламов. «Красный крест», 148]	«Откуда же лучше увидеть русскую революцию, чем сквозь решётки, вмурованные ею? Или где лучше узнать людей, чем здесь? И самого себя? От скольких молодых шатаний, от скольких бросаний в неверную сторону берегла его железная предроканная единственная тропа тюрьмы!?.» [Солженицын. «В круге первом», 342]
«Солженицын изображал ГУЛАГ как жизнь рядом с жизнью, как общую модель советской действительности. Мир Шаламова — подземный ад, царство мёртвых, жизнь после жизни...» [Сухих]	
«Солженицын писал в своих произведениях... как калечила неволя человеческую жизнь и как, вопреки этому, душа обретала в неволе подлинную свободу, преображаясь и веруя. В.Шаламов писал о другом — о том, как калечила неволя душу» [Т.Автокротова]	
«Солженицын ищет путь сопротивления системе и пытается передать его читателю. Шаламов свидетельствует о гибели людей, раздавленных лагерем» [Ю.Шрейдер]	

ЛИТЕРАТУРА

1. АВТОКРАТОВА Т.М. Творческая дискуссия А.И.Солженицына с В.Т.Шаламовым // Художественная литература, критика и публицистика в системе духовной культуры. — Тюмень, 2005. — Вып. 6. — С. 72–78.
2. БОНДАРЕНКО В. Власть Соловецкая. О романе Захара Прилепина «Обитель» [электронный ресурс]. — URL: <http://svpressa.ru/blogs/article/85805> (дата обращения: 07.11.2017).
3. ЖУЧКОВА А. Вегетарианские двадцатье в «Обители» Захара Прилепина // Вопросы литературы. — 2015. — № 3. — С. 164–176.
4. ПОПОВА И.М., ГЛАЗКОВА М.М. Функциональность библейского интертекста в романе Захара Прилепина «Обитель» [электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2015. — № 12. — С. 1–5. — URL: <https://e-koncept.ru/2015/15407.htm> (дата обращения: 07.11.2017).

5. ПРИЛЕПИН З. Обитель. — М.: АСТ, 2015.
6. Сайт Захара Прилепина [электронный ресурс]. — URL: <http://www.zaharprilepin.ru/ru/> (дата обращения: 07.11.2017).
7. Система мест заключения в РСФСР и СССР. 1917–1930 гг. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. Справочник / М.Джекобсон, М.Смирнов. — Москва, 1998.
8. СОЛЖЕНИЦЫН А.И. Архипелаг ГУЛАГ. — СПб.: Азбука, 2013. — Т. 4.
9. СОЛЖЕНИЦЫН А.И. В круге первом. — СПб.: Азбука-классика, 2006.
10. СОЛЖЕНИЦЫН А.И. Один день Ивана Денисовича // Рассказы. — М.: Современник, 1989.
11. Статья о Захаре Прилепине [электронный ресурс] // Википедия. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Прилепин,_Захар (дата обращения: 07.11.2017).
12. Статья о Соловецкой тюрьме [электронный ресурс] // Википедия. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Соловецкая_монастырская_тюрьма (дата обращения: 07.11.2017).

13. СУХИХ О.С. Роман З. Прилепина «Обитель»: Поэтика художественного эксперимента [электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://zaharprilepin.ru/files/nauka/42.pdf> (дата обращения: 07.11.2017).
14. ШАЛАМОВ В. Инженер Киселёв // Воскрешение лиственницы. — М.: Художественная литература, 1989.
15. ШАЛАМОВ В. Красный крест // Воскрешение лиственницы. — М.: Художественная литература, 1989.
16. ШРЕЙДЕР Ю. Искушение адом [электронный ресурс]. — URL: <https://www.bo-oks.ru/fulltext/1sh/ala/mov/35.htm> (дата обращения: 07.11.2017).
17. Энциклопедия «Соловки». Международный дайджест-проект [электронный ресурс]. — URL: <http://www.solovki.ca/> (дата обращения: 07.11.2017).
18. ЯЧМЕНЁВА Т. Лагерная проза в русской литературе // Литература. — 1996. — № 32.

ЖУРАВЛЁВ Виктор Петрович —

кандидат филологических наук, доцент, ведущий эксперт издательства «Просвещение», профессор кафедры методики преподавания литературы МПГУ
VZhuravlev@list.ru

АВТОР ПЕРВОГО СТАБИЛЬНОГО УЧЕБНИКА ПО ЛИТЕРАТУРЕ К 115-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г.Л.АБРАМОВИЧА

Аннотация. В статье рассматривается история создания первых стабильных учебников по литературе для средней школы. На основе архивных материалов излагается биография одного из авторов первого стабильного учебника по литературе профессора Г.Л.Абрамовича.

Ключевые слова: Г.Л.Абрамович, методика преподавания литературы, стабильные учебники по литературе, М.Горький об учебнике литературы, Московский государственный областной университет.

Abstract. The article presents the history of the creation of the first school textbooks on literature for secondary schools. On the basis of archival materials, the biography of one of the authors of the literature textbook, professor G.L.Abramovich is described.

Keywords: G.L.Abramovich, the methodology of teaching literature, textbooks on literature, M. Gorky on the literature textbook, Moscow State Regional University.

«Он очень любил молодой шум, который сопровождал его всю жизнь, — и в школе, и в институте, где он, стоя за кафедрой, вдохновенно витийствовал о добром и вечном. Да и сам он, находясь в самом средоточии молодых, всегда был свеж и мыслями и душой». Так писал о своём деде, профессоре Григории Львовиче Абрамовиче, публицист Лев Бердников (3, 1).

Григорий Львович Абрамович... В 1950–1980-е годы, пожалуй, не было словесника, не знакомого с этим именем. По учебнику Абрамовича «Введение в литературоведение» в течение нескольких десятилетий учились на филфаках всех педагогических вузов нашей необъятной страны. В профессиональном сообществе литературоведов он был известен как один из руководителей авторского коллектива академической «Теории литературы». Об Абрамовиче — теории литературы всё-таки помнят многие филологи, но вот о том, что он навсегда вошёл в историю отечественной методики преподавания литературы как автор первого школьного стабильного учебника, известно только узкому кругу специалистов. Почему именно Григорию Льво-

вичу суждено было стать одним из авторов единого учебника литературы для всех школ страны? Для ответа на этот вопрос обратимся к биографии учёного.

Г.Л.Абрамович родился в октябре 1903 года в городе Ельце Орловской губернии. Вскоре семья переехала в Нижний Новгород. Любовь к чтению, художественной литературе, произведениям классиков русской литературы с детства определила его жизненный путь. Будущий учёный учился в Нижегородской губернской мужской гимназии, выпускниками которой в разные годы были писатель Пётр Боборыкин, литературный критик и поэт Борис Садовский, философ Василий Розанов. Началом педагогической деятельности Абрамовича стало руководство литературным кружком в детском клубе «Хижина дяди Тома». Юному педагогу тогда было семнадцать лет. Об этом интересном факте Григорий Львович сообщает в автобиографии, сохранившейся в архиве Московского государственного областного университета. Из этого же документа узнаём, что молодой педагог «...одновременно поступил на историко-филологический факуль-

Г.Л.Абрамович. 1960-е годы

тет Нижегородского университета (в 1922 году факультет был закрыт)... В сентябре 1923 переехал в Москву. Был зачислен студентом Московского государственного института слова» (2, 10). Зачёты и экзамены, сданные в Нижегородском университете, были засчитаны. В 1924 году успешно сданы оставшиеся, учебный план был полностью выполнен, дипломная работа представлена к защите. На дипломную работу молодого талантливого филолога обратили внимание профессора. Его имя было внесено в реестр научных работников. В 1926 году Г.Л.Абрамович был призван на службу в армию. После возвращения с воинской службы работал в Московском индустриально-педагогическом институте имени Карла Либкнехта, где читал курс русской литературы XIX века.

Профессиональная биография Г.Л.Абрамовича типична для первого поколения советских научных работников, преподавателей высшей школы. В 1930 году в числе двадцати пяти преподавателей литературы московских школ он был прикомандирован к кафедре литературы Центрального института повышения квалификации работников народного образования для прохождения вечерней аспирантуры без отрыва от производства, то есть с сохранением полного объёма педагогической нагрузки по основному месту работы. По окончании аспирантуры Григорий Львович получил квалификацию преподавателя вуза по методике преподавания литературы. Сохранилось заявление Г.Л.Абрамовича от 12 сентября 1933 года с просьбой принять его на работу в должности «доцента по методике преподавания литературы» в Московский областной педагогический институт (МОПИ). Показательно, что в этом заявлении претендент на должность вузовского преподавателя акцентирует внимание на своей практической методической работе: «С1930 года по настоящее время я руковожу методическим объединением преподавателей литературы Сокольнического района». Говоря о специалистах, которые могут его рекомендовать, он называет авторитетнейшие имена литературоведа Леонида Ивановича Тимофеева и методиста Василия Васильевича Голубкова (2, 6).

С начала 1930-х годов Абрамович активно сотрудничает с литературоведческими и методическими журналами, на страницах которых появляются его статьи о русской классической литературе XIX века. При этом большое внимание автор уделяет проблеме преподавания отечественной классики в средней школе, пишет статьи методического характера, среди которых можно отметить: «“Отцы и дети” Тургенева (опыт методической разработки литературно-художественного произведения в школе)» в журнале «Русский язык и литература в средней школе» (1934). Отдавая дань требованиям времени, молодой учёный акцентирует внимание на обличительной, критической направленности содержания творчества писателей, но при этом подвигает учителей к рассмотрению на уроке художественной, образной специфики литературного произведения, особенностью жанровой формы, гуманистической направленности содержания. Об этом же он пишет в статье «О гуманизме Гоголя» (1938). В

начале 1930-х годов Г.Л.Абрамович участвует в разработке учебных программ по литературе для рабфаков, входит в состав авторского коллектива (под руководством А.М.Еголина), подготовившего серию учебников для школ фабрично-заводских специальностей (ФЗС) и школ крестьянской молодёжи (ШКМ).

Постановление ЦК ВКП(б) «Об учебниках для начальной и средней школы» (1933) обязало Наркомпрос и Госиздат обеспечить издание единых стабильных учебников, рассчитанных на применение их в течение длительного ряда лет. Появление таких учебников было подготовлено созданными в 1920-е годы хрестоматиями Н.Л.Бродского, П.А.Афанасьева, Н.П.Сидорова, рабочими книгами В.В.Голубкова, пособиями М.А.Рыбниковой. Активная методическая и литературоведческая деятельность Г.Л.Абрамовича позволила ему войти в состав разработчиков новых программ и авторов школьных стабильных учебников.

Создание стабильных учебников было мерой в известной степени вынужденной и необходимой. Мерой спорной, не находившей единодушной поддержки педагогов. В 1920-е годы активно шёл процесс педагогических поисков, предпринимались попытки реализовать смелые идеи создания учебных книг, направленных на стимулирование творчества школьников, развитие их индивидуальных задатков, учёт особенностей регионов, на вовлечение школьников в общественную жизнь, социализацию подростков. Создавались рабочие книги, краевые учебники, мобильные учебники-журналы и т. д. и т. п. Поэтому почувствовавшие вкус свободы творчества педагоги, во всяком случае, те, кто был профессионально подготовлен к такой деятельности, сопротивлялись введению стабильных учебников. Не случайно всероссийская конференция по учебной книге (16 мая 1930 года) в итоговой резолюции решительно заявила: «... учебник ни в коей мере не должен быть стабильным... Конференция решительно отвергает принципы стабилизации учебников» (9, 1).

У сторонников идеи создания стабильных учебников были свои аргументы: она привлекала перспективной более чётких контуров и ясности наполнения образовательного пространства, возможностью формирования единых критериев оценки знаний учащихся, в том числе уровня подготовленности выпускников средней школы к обучению в высших и средних профессиональных учебных заведениях, возможностью накопления и эффективного использования наиболее успешного педагогического опыта. Немаловажным доводом в поддержку решения о создании стабильных учебников была кадровая ситуация в сфере образования. «По РСФСР... в начальной четырёхлетней школе и в первых концентриках ФЗС и ШКМ имеется 250 тыс. учителей. Из них: без семилетнего образования — около 40 тыс., с семилетним образованием и выше, но без педагогического техникума — свыше 10 тыс. В ФЗС и ШКМ — 110 тыс. учителей; из них только 30 тыс. имеют высшее законченное и незаконченное образование» (6, 46).

Первым стабильным учебником по литературе стала книга Г.Л.Абрамовича и Ф.М.Головенченко «Русская литература. Часть 1. Учебник

для 8 класса средней школы» (М., 1934). Уже в подзаголовке учебника подчёркивалось возвращение к классно-урочной системе, преодолевшей бригадные, лабораторные и прочие формы организации учебно-воспитательного процесса, характерные для школы двадцатых годов. Редкий новый учебник литературы не подвергался жёсткой критике. Не избежал этой участи и первый стабильный учебник. В газете «Правда» была опубликована статья Д.Заславского «Литературные сухари в школе». Упрёки, прозвучавшие в статье, можно было смело переадресовать программе, в соответствии с которой был написан учебник. Авторы учебника упрекали в преобладании общественной, социальной проблематики над выявлением художественной специфики отдельного литературного произведения, индивидуального своеобразия образного мира писателя. «Почти на каждой странице... ходят Абрамович и Головенченко за Пушкиным и Лермонтовым и тычут им: дворянин, помещный дворянин...» (5, 3).

В наши дни обидно и досадно читать упрёки в сухости и социологизаторстве, адресованные авторам, которые всем своим последующим творчеством демонстрировали высокий профессионализм, глубокое понимание образной природы словесного искусства. Но о том, что создание стабильного учебника предполагало соблюдение определённых обязательных требований, убедительно свидетельствует история, произошедшая со следующим стабильным учебником по литературе. С рукописью учебника «Русская литература. Часть 2. Учебник для 9 класса средней школы» (авторы Г.Л.Абрамович, Б.Я.Брайнина, А.М.Еголин) познакомился А.М.Горький. Его отзыв был опубликован посмертно в газете «Правда» от 8 августа 1936 года. Рецензия Горького призвала авторов учебника усилить как раз те аспекты содержания, которые были подвергнуты критике при анализе учебной книги для 8 класса.

Классик писал о необходимости большего внимания к общественно-политической ситуации и её влиянию на литературную борьбу, к определению места писателя и его произведения в этой борьбе, к конкретизации связи художественных литературных образов с типичными представителями современного писателя общества: «Много, но очень невразумительно говорится о “гуманизме”, однако не сказано, что по условиям времени “маленький человек” Девушкин стремится и может выползти только в большие хищники, в эксплуататоры, в лицемеры и фарисеи, вроде, например, Губонина или — в лучшем случае — вроде И.Д.Сытина» (7, 60). Дорабатывая рукопись учебника, авторы, конечно же, учли замечания писателя, в тексте появились фразы, реализующие его пожелания: «Макары Девушкины, — утверждает писатель, — наши братья, заслуживающие внимания и любви. Подобным демократическим гуманизмом писатель и ограничился. Тем не менее роман нашёл живейший отклик со стороны передовой части общества. Хотя Достоевский, как указывалось, отнюдь не давал революционных выводов и хотя его Девушкин мог изменить свою жизнь, лишь пробившись в буржуазные верхи (курсив автора статьи — В.Ж.) но совре-

менники обратили внимание на самое изображение жизни “бедных людей”, которое вело к революционным, радикальным мыслям» (1, 61).

У методистов и учителей-словесников были иные, связанные с практическим использованием учебника в учебно-воспитательном процессе, претензии к авторам. В статье А.А.Зерчанинова, опубликованной в журнале «Литература в школе», отмечалось недостаточное внимание к оценке изучаемых произведений современными писателем критиками, к литературной полемике, вызванной публикацией произведения, указывалось на недостаточное внимание связи литературы с изобразительным искусством, музыкой, театром (5, 65—70). Замечания, высказанные учителями, были в известной степени учтены авторами следующих поколений стабильных учебников по литературе для средней общеобразовательной школы. Григорий Львович Абрамович к работе над школьными учебниками больше не возвращался.

Г.Л.Абрамович — участник Великой Отечественной войны. Он ушёл на фронт в начале войны и встретил Победу в поверженном Берлине. За боевые заслуги он отмечен высокими государственными наградами: орденом Красной Звезды, орденом Великой Отечественной войны, медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией».

В победном сорок пятом Григорий Львович вернулся на кафедру литературы МОПИ им. Н.К.Крупской (ныне Московский государственный областной университет). Этому вузу, этой кафедре он остался верен до конца жизни (если не считать работы по совместительству в акаде-

мическом Институте мировой литературы). Главной книгой учёного и педагога, над которой он работал в 1950—1970-е годы, стал учебник для студентов филологических факультетов педагогических институтов «Введение в литературоведение». Всего было опубликовано 7 изданий учебника. При этом каждое издание дорабатывалось и дополнялось. По учебнику постигали основы литературоведения не только студенты всех союзных советских республик, но и молодые филологи Болгарии и Венгрии (10; 11).

В 1951 году ряд боевых воинских наград учёного пополнился государственной наградой за мирный научный и педагогический труд: Г.Л.Абрамович был награждён орденом Трудового Красного Знамени. В семидесятые годы учёный принимал участие в издании «Краткого словаря литературоведческих терминов» для средней школы (под редакцией Л.И.Тимофеева и С.В.Тураева, словарь переиздавался «Просвещением» несколько раз). В 1975 году под редакцией Г.Л.Абрамовича вышло в свет первое пособие для педагогических институтов по курсу «Основы эстетического воспитания».

В начале статьи мы привели слова внука учёного о витийствующем за кафедрой профессоре. Да, Григорий Львович не просто читал лекции, даже слова «вдохновенно витийствовал» не совсем точно передают его лекторскую манеру, стиль преподавания. Он был магом, волшебником. Своей неповторимой интонацией, магической жестикомацией он околдовывал слушателей, вводил, возвышал до мира размышлений, сомнений, озарений Лессинга, Гегеля, Веселовского.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. АБРАМОВИЧ Г., БРАЙНИНА Б., ЕГОЛИН А. Русская литература. Ч. 2. Учебник для 9 класса средней школы. — М.: Учпедгиз, 1939.
2. Архив Московского государственного областного университета. Личное дело Г.Л.Абрамовича.
3. БЕРДНИКОВ ЛЕВ. Подвижник. Евразийский журнальный портал: promegalit.ru php? Id= 16628 ошибка в написании (электронный ресурс).
4. ЗАСЛАВСКИЙ Д. Литературные сухари в школе // Правда. — 1935. — № 76 (18 апреля).
5. ЗЕРЧАНИНОВ А.А. Об учебнике Г.Абрамовича, Б.Брайниной и А.Еголина «Русская литература. Ч. 2» // Литература в школе. — 1938. — № 3.
6. КЛОБУНОВСКИЙ И.Г. Повышение квалификации учительства // Педагогическое образование. — 1933. — № 1.
7. Методика преподавания литературы в советской школе: Хрестоматия / Сост. Я.А.Роткович. — М.: Просвещение, 1969.
8. Основы эстетического воспитания: Учебное пособие для пед. вузов / Редколл. проф. Г.А.Абрамович и др. — М.: Высшая школа, 1975.
9. Постановление ЦК ВКП(б) от 12.02.1933 «Об учебниках для начальной и средней школы» // Педагогическое образование. — 1933. — № 1.
10. Увод в литературознание: Помогало за учителските ин-ти / Г.Л.Абрамович; Перев. от рус. Димитър Добрев. — София: Народна просвета, 1954.
11. Beveretes arirodaljm tudomanya / Abramovics; Ford. Kosaras istvan. — Budapest: Tankonyvkiado Vallalat, 1955.

НИКИТИН Олег Викторович —

доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета
onikitin@yandex.ru

IV ВСЕРОССИЙСКИЕ БЕЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В ВОЛОГДЕ

Аннотация. В работе даётся аналитический обзор IV Всероссийских Беловских чтений, которые проходили в октябре 2017 года в г. Вологде и собрали учёных, педагогов, писателей, художников, общественных деятелей, вдохновлённых музой замечательного русского прозаика и мыслителя В.И.Белова. Особый акцент делается на участии в конференции школьников Вологды, освещается общая проблематика чтений, даётся информация о событиях, связанных с представлением журнала «Литература в школе» и дискуссиях о месте и роли писателя в современной вузовской и школьной практике, в литературном краеведении и музееведении.

Ключевые слова: научная конференция, литература — школа — вуз, теория и история современной литературы, культура, краеведение.

Abstract. The paper provides an analytical review of the IVth All-Russian Belov readings that took place in October 2017 in Vologda and gathered scientists, educators, writers, artists, public figures inspired by remarkable Russian writer and thinker V.I.Belov. Particular emphasis is placed on the participation of Vologda students. The paper is touches upon presentation of the magazine “Literature in School” and discussions about the place and role of the writer in modern university and school practice, in literary studies and museology.

Keywords: scientific conference, literature — school — university, theory and history of contemporary literature, culture, local history.

Чтения памяти замечательного русского писателя Василия Ивановича Белова проходили в Вологде в четвёртый раз, но они вышли далеко за границы обычных заседаний и трафаретных докладов. По сути своей эти чтения стали уже общественным движением, «культурным взрывом», который всколыхнул Вологодчину, сделал её в пасмурные осенние дни центром духовного притяжения и «философским камнем» истории России. Ведь произведения В.И.Белова всегда имели высокие антропологические ориентиры и были устремлены в глубины природного сознания, в его твердь.

«Беловская неделя» началась и продолжалась с 16 по 25 октября 2017 года и была от-

мечена многими интересными событиями. Прежде всего — и это очень важно — состоялись образовательные мероприятия в школах, колледжах и вузах.

Так, 16—17 октября в рамках Малых Беловских чтений, проходивших в школе № 21 г. Вологды, носящей имя великого русского писателя, были организованы экскурсия в квартиру-музей, встреча с краеведом А.В.Быковым, круглый стол с профессором Г.В.Судаковым и работа тематических секций, на которых школьники впервые попробовали себя в роли исследователей. Они представили свои начальные опыты научного литературно-художественного анализа творчества В.И.Белова. В секции «Я

легко и просто подчиняюсь правде беловских героев» прозвучали доклады Михаила Комякова (СОШ № 6) «Некоторые особенности кличек домашних животных», Анастасии Гореловой (СОШ № 4) «По следам беловских героев», Анжелики Тихомировой (СОШ № 9) «Раскрытие внутреннего мира героя в рассказе В.И.Белова “За тремя волоками через пространственно-временную организацию повествования”», Михаила Зубца (СОШ № 7) «Специфика жанра рассказа в творчестве В.И.Белова», Степана Никитенкова (СОШ № 8) «Образ праведника в романе В.И.Белова “Час шестой”», Марии Кузнецовой (СОШ № 26) «Образы животных в рассказах В.И.Белова». Участники и гости с большим энтузиазмом и

трепетом в душе слушали выступления и других учеников: Елены Гаркушиной, Валерия Хайрова, Эльвиры Кузнецовой, Анастасии Калининой, Алины Журавлёвой, Елены Быковой, Милены Никитиной, Валерия Игнатъева, Ксени Мамоновой.

В других секциях Малых Беловских чтений также шла насыщенная работа по изучению разных сторон наследия писателя. Так, на секции «Жить надо по-человечески, вернее, по-божески» докладчики представили и проанализировали художественные образы земляков В.И.Белова, показали те ценностные ориентиры, которые для него всегда были главными в жизни: *добро, дружба, нравственность, человек*. В этой секции прозвучали выступления учеников вологодских школ: Софьи Сотовой (СОШ № 21), Марии Сапожниковой (СОШ № 30), Даниила Голубева (СОШ № 33), Владимира Темнова и Елизаветы Гамзулиной (СОШ № 21), Натальи Конишевой (СОШ № 17), Анны Мельниковой (СОШ № 17), Арины Кузнецовой и Анны Чашинной (СОШ № 18), Алеси Хазовой (СОШ № 39).

Секция «Спасём язык — спасём Россию» была посвящена изучению лингвистических проблем, среди которых центральное место заняли вопросы сбережения родного языка, его диалектов. «Мне целебен здешний говорок», — так озаглавила свой доклад одна из участниц этой секции Арина Анкудинова (СОШ № 15). Другие ученики также прикоснулись к наследию беловского слова — чистого, искристого, как капли летнего дождя, сияющие на солнце под покровом небесной радуги. Отметим интересные сообщения Альбины Максимовцевой (МБУ ДО «ИМЦ»), Ксени Бакшановой (СОШ № 37), Анны Басалаевой (СОШ № 21), Ксени Соколовой (СОШ № 8).

Две заключительные секции Малых Беловских чтений: «В укладе жизни — красота» и «За природу» — охватили традиционную проблематику писательской музы великого вологодского мыслителя. Даже в названиях докладов школьников звучала эта проникновенная интонация, словно призывавшая всех прикоснуться к миру иконографии В.И.Белова, вобрать в себя культурные переливы пёстрых цветов народной жизни, пройти с ним по извилистым дорогам матушки Русской земли. «Хлеб всему голова» (Иван Жаренков, СОШ № 21), «Идеалы красоты в понимании В.И.Белова (Сергей Германов, СОШ № 21), «Декоративно-прикладное искусство в произведениях Василия Ивановича Белова» (Полина Смелкова, СОШ № 21), «Отображение крестьянского уклада жизни в произведении “Лад” (Владислав Яровец, СОШ № 41), «Растения в произведениях В.И.Белова (Арина Никитина, СОШ № 33), «Василий Белов как вологодский самобытный писатель» (Пётр Кулев, СОШ № 4).

Беловская неделя включила также дискуссионные площадки в школах и колледжах Вологды, где обсуждались произведения писателя, устраивались просмотры документальных фильмов, беседы и «час литературного чтения».

На пленарном заседании 24 октября 2017 года прозвучали следующие доклады: «Белов и Болгария» (И.П.Иванов, София), «Крестьянский заступник Василий Белов» (К.А.Кокшёнёва, Москва), «Нарративная организация повести В.И.Белова “Привычное дело”» (Р.Л.Красильников, Вологда), «В.И.Белов: после шолоховского

Григория Мелихова» (Н.И.Дорошенко, Москва), «Личность и творчество Василия Белова в критике и журналистике XX—XXI веков» (Ю.М.Павлов, Краснодар), «Прецедентные имена и тексты русской классической литературы в творчестве О.А.Фокиной» (А.В.Петров), «Повесть В.И.Белова “Плотничье рассказы” в зеркале литературной критики» (Ю.В.Розанов, Вологда).

Работа основных научных секций проходила 25 октября. Они включили обсуждение широкой культурной панорамы проблем, связанных с именем В.И.Белова: «Василий Белов: вчера, сегодня, завтра» (секция 1), «Внутренний мир произведений В.И.Белова» (секция 2), «Начало всех начал» (секция 3), «Искания и открытия писателей Вологодского края» (секция 4), «Литература Русского Севера в образовательном пространстве» (секция 5). Участники секции 3 услышали интересные и во многом новые доклады, освещавшие разные аспекты творческого наследия В.И.Белова. Так, участники секции говорили о крестьянской смеховой культуре в произведениях писателя (Н.В.Цветова, Санкт-Петербург), о языке его публицистических текстов (О.В.Никитин, Москва), о сравнении как художественном приёме у В.И.Белова (Г.В.Судаков, Вологда), о зооморфном коде в его творчестве (Л.У.Звонарёва, Москва), о «лингвистических координатах» литературно-критической деятельности В.И.Белова (В.И.Чуглов, Вологда), об особенностях деревенской коммуникативной культуры в рассказе «Самовар» (Л.Ю.Зорина, Вологда), об образе дороги в его произведениях (Е.П.Андреева, Вологда) и др.

Заметным событием на Беловских чтениях стала встреча учителей и вузовских педагогов Вологодской области с редколлекцией журнала «Литература в школе» и известным писателем В.Н.Крупиним. Отметим, что девятый номер журнала за 2017 год как раз был посвящён В.И.Белову. В нём опубликованы статьи видных литературоведов, лингвистов и методистов Г.В.Судакова, Ю.В.Розанова, Т.Г.Овсянниковой, С.Н.Потапенко, Т.Л.Шишигиной и других, освещавших историко-культурную, текстологическую и методическую проблематику наследия нашего замечательного соотечественника, имя которого уже давно звучит на уроках в средней школе и является для нас камертоном исторической достоверности и художественного мастерства.

Встречу с педагогической общественностью Вологды вёл заведующий кафедрой литературы профессор С.Ю.Баранов, рассказавший о научных традициях Вологодского государственного университета в деле сохранения и приумножения литературных связей поколений.

Затем было предоставлено слово главному редактору журнала Н.Л.Крупинной, которая в течение многих лет занимается очень важным, можно сказать, подвижническим делом — просветительством. Так высоко стоит понимать тот культурный смысл, который сотрудники редакции вкладывают в содержание, высокохудожественное оформление журнала, несущего духовный свет учителям и помогающего им ориентироваться в мире пёстрой литературы и вязких традиций «модернизации» современного образования. По словам Н.Л.Крупинной, редколлегия и редакция журнала видят свою главную задачу в приобщении учащихся к классическим образ-

цам русской национальной литературы, во включении педагогов в культурную программу освоения писателей малой родины, передающих подлинный колорит словесных изумрудов удивительной речи и призывающих к добру, вере, памяти как основным нравственным ценностям. Н.Л.Крупина также отметила, что современной школе необходимо преодолеть духовную узость «стандартов» и «программ» и жить свободой выбора форм обучения. Главное, чтобы литература не стала начётничеством, а всегда была настоящим искусством — звучащим, метким, подвижным, возвышенным. Этот пафос главного редактора «Литературы в школе» был с воодушевлением воспринят слушателями. После выступления Н.Л.Крупинной состоялась неформальная дискуссия, в конце встречи всем желающим подарили беловский выпуск журнала.

Отметим попутно, что такие встречи являются традиционными и позволяют привлекать к сотрудничеству лучших учителей и талантливых методистов, показывать авторские эксперименты на страницах старейшего научно-практического журнала о преподавании литературы (основан в 1914 году) и вместе, усилиями неравнодушных филологов, писать новую педагогическую поэму в содружестве с детьми.

Беловские чтения объединили не только историков, этнографов, краеведов, литераторов и филологов, но и тех учёных, которые занимаются проблемами социально-экономического развития села. Работа секций в этом направлении была организована Вологодским научным центром РАН в сотрудничестве с Вологодской государственной молочнохозяйственной академией им. Н.В.Вережцагина. В рамках конференции состоялся круглый стол «Русская деревня глазами современников».

Участникам и гостям чтений запомнилось и посещение мемориальной квартиры-музея В.И.Белова в Вологде, сохранившей домашний уют и писательский быт Василия Ивановича почти в неприкосновенности. Особое место в этой обители духа занимают книги: от русской классической литературы до А.Ф.Лосева и религиозного ренессанса XX века. На многих из них пометки В.И.Белова, порой полемические, дискуссионные — он словно размышлял вместе с авторами произведений, был соавтором их идей, вживлял в себя благодатную мысль мудрых соплеменников.

И другие культурные мероприятия проходили в эти дни: встречи с писателями, поэтами и литературными критиками, представление нового издания В.И.Белова «Повести» в Вологодской областной универсальной научной библиотеке им. В.И.Бабушкина, мастер-классы, выставки, литературный семинар молодых авторов, поездка на родину В.И.Белова в Тимонию и, конечно же, общение с миром северной культуры, куполами вологодского кремля, в которых отражался божественный свет Русского Севера — родины-матери замечательного писателя и проповедника народной культуры Василия Ивановича Белова.

По итогам конференции был издан беловский сборник (выпуск 3. Вологда, 2017), куда вошли доклады и статьи участников чтений. Продолжение памятных мероприятий, связанных с изучением наследия В.И.Белова, намечено на осень 2018 года.

Уважаемые читатели, авторы журнала!

Присылаемые вами статьи обязательно должны быть с пометкой:

«Только для журнала "Литература в школе"».

Все аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

При цитировании необходимо делать библиографическую ссылку. Ответственность за правильность данных, приведённых в библиографических ссылках и пристатейном списке литературы, несёт автор. При отсутствии библиографических ссылок и пристатейного списка литературы статья не рассматривается.

За фактический материал статьи несёт ответственность автор.

Редакция оставляет за собой право сокращения материалов.

К статье необходимо приложить аннотацию и ключевые (опорные) слова, а также указать e-mail.

Пожалуйста, не забудьте прислать сведения о себе:

- Фамилия, имя, отчество.
- Место жительства (республика, край, область, город) и код региона.
- Дата и место рождения.
- Паспортные данные (серия, №, кем и когда выдан).
- ИНН, № пенсионного страхового свидетельства.
- Образование (вуз, специальность, год окончания).
- Учёная степень и звание (если имеется; год присуждения или присвоения — в скобках).
- Домашний адрес с почтовым индексом.
- Домашний телефон с кодом города, мобильный телефон и E-mail.
- Место работы или учёбы (наименование организации и подразделения — факультета, кафедры, отдела).
- Должность; время работы на данной должности.
- Служебный адрес с почтовым индексом.
- Служебный телефон (с кодом города).
- Предполагаемая дата защиты (для соискателей).
- Научный руководитель или консультант (фамилия, имя, отчество, учёная степень и звание — для соискателей).

Вниманию соискателей на учёную степень!

Согласно требованиям ВАК необходимо указать:

- почтовый адрес вуза или места работы (с индексом); телефон, адрес электронной почты;
- **на русском и английском языках:** фамилию, имя, отчество, должность, учёную степень, учёное звание, заглавие статьи, аннотацию (2–4 предложения), ключевые слова (максимум 5).

Помимо ссылок на источники необходимо поместить в конце статьи библиографический список.

Рассматриваются статьи при наличии положительной рецензии кафедры, на которой защищается соискатель (или научного руководителя), и рецензии независимого эксперта (авторитетного учёного в соответствующей области) по запросу редакции.

Плата с соискателей на учёную степень за публикацию не взимается.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

**НЕ ЗАБУДЬТЕ ПРОДЛИТЬ ПОДПИСКУ
НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ 2018 ГОДА!**

СТАНОВИТЕСЬ НАШИМИ АВТОРАМИ!

CONTENTS

OUR SPIRITUAL VALUES

I.P.ZOLOTUSKY —

“There is no flattery in my language”.

N.M.Karamzin — historian, writer, personality 2

A.G.RUMYANTSEV —

“...The whole essence of Russian life”.

“Notes of the Hunter” by I.S.Turgenev 8

O.N.MAKARICHEVA —

From Agafia Pshenitsyna (I.A.Goncharov “Oblomov”) to Praskovia Zarnitsyna (F.M.Dostoevsky “Crime and Punishment”) 12

Zhang YUWEI —

Formation of unconscious being in the early stories of Boris Zaitsev 16

A.G.LILEEVA —

The history of the title of the Boris Pasternak’s novel “Doctor Zhivago”: the linguistic and cultural aspect 18

SEARCH. EXPERIENCE. SKILLS

Learning how to write an essay

G.V.PRANTSOVA, E.S.ROMANICHEVA —

Methodical approaches to teaching how to write the final essay: from theory to practice 21

Lessons

I.A.GRIGORCHENKO, AI.POLKANOVA —

Revived pages of the “Letters of the Russian traveler” by N.M.Karamzin. *Interactive tour* 24

E.I.BELOUSOVA —

Historical and cultural aspect of the study of Russian classics on the example of the A.S.Pushkin’s ballad “The Song of the Wise Oleg” 28

T.A.KALGANOVA —

Studying the story of N.V.Gogol’s “Nevsky Prospect” together with Y.V.Mann 31

Modern literature in the school of the XXIth century

O.O.PUTILO, E.Y.STARIKOVA, E.P.MESCHERYAKOVA —

Z.Prilepin’s novel “Abode” as a continuation of the “camp prose” 34

Teachers of the teachers

V.P.ZHURAVLYOV —

Author of the first literature textbook. On the 115th anniversary of G.L.Abramovich 40

Current Events

O.V.NIKITIN —

IV All-Russian Belov Readings in Vologda 42